

П.Н.КРАСНОВЪ

ПОДВИГЪ

РОМАНЪ

ТОМЪ I

ИЗДАНИЕ Е.СІЯЛЬСКОЙ

1932

П. Н. Красновъ

ПОДВИГЪ

Романъ

Издательство

Е. СІЯЛЬСКОЙ

2, Rue Pierre-le-Grand, PARIS (8°)

1 9 3 2

Всѣ права, въ томъ числѣ права перевода на иностранные
языки и постановки на фильмы, сохранены за авторомъ.

Copyright 1932 by the author.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ БЫТЬ И ПОСЛѢДНЕЙ И КОТОРОЙ МОГЛО БЫ И ВОВСЕ НЕ БЫТЬ.

Такъ бываетъ во снѣ. Вдругъ незримыя, душевныя, внутреннія очи откроются въ полномъ мракѣ. И — нѣтъ мрака. Никогда невиданные города, помѣстья, лѣса, сады, люди, сцены, приключенія мелькаютъ, смѣняются, исчезаютъ, появляются вновь. Плетется колдовской рассказъ, увлекаетъ... и... закрылись духовныя очи... Мракъ... Небытіе... Усиліемъ сознательной воли откроешь глаза. Куда дѣвались города, лѣса, поля, весь пестрый калейдоскопъ никогда невиданныхъ людей? Передъ изумленными и разочарованными глазами въ мутномъ свѣтѣ, идущемъ изъ узкаго отельнаго корридора, сквозь окно надъ дверью проявляются бѣдная комната, стулъ изъ соломы, грязный коврикъ, раковина умывальника и старая ошарпанная портьера. Вся пошлость бѣдной жизни въ изгнаніи, безъ Родины, безъ цѣли существованія потрясетъ все существо... Съ тоскою закроешь глаза... Опять мракъ... Небытіе... Потомъ снова какія то очи открылись, сознание, пониманіе пробудилось... Какое геройство!... Какіе подвиги!... Красота какая!.. По крутой, почти отвѣсной горѣ несется крошечный вагончикъ — такихъ и не бываетъ на свѣтѣ — выше, выше... Тамъ, съ вершины — голубыя дали, и въ нихъ дрожить, играетъ, тѣнями переливается несказанно прекрасный городъ. Онъ голубой, прозрачный... Сонное видѣніе говоритъ его имя... Схватить? ... Запомнить? ...

Гуще, сильнѣе мракъ.

Какъ же звали тотъ голубой, прекрасный, далекій, недостижимый городъ? ...

Сквозь портьеру глядится утро. Дождь бьетъ въ стекла. Жизнь монотонно шумить внизу. И сонный городъ и имя его исчезли изъ памяти, ушли изъ сознания... Навсегда...

То былъ сонъ...

**
*

Сномъ казался заливъ, полукругомъ врѣзавшійся въ берегъ. Алая краски на западѣ погасали. Берега темнѣли. Плоскій, лѣвый, — тамъ, гдѣ широко разлилась Луара, исчезъ во мракѣ. Правый, гдѣ темныя скалы слились съ домами и деревьями и черными зубцами вырисовались въ темнѣвшемъ небѣ, точно сказочный городъ, дрожалъ въ лиловой дымкѣ. На далекомъ мысу, за рѣкой, краснымъ огнемъ вспыхнулъ и угасъ маякъ. Ему бѣлымъ огнемъ отвѣтилъ другой, за Круазикомъ. На горизонтѣ, на далекомъ острову, каждая пять секундъ сталъ загораться бѣлый огонекъ. Море сливалось съ небомъ въ общей мглѣ. Вспыхнули звѣзды. Заиграли алмазами.

Берегъ на много верстъ опоясался вереницею яркихъ электрическихъ фонарей. Отъ ихъ смѣлаго, наглаго свѣта море стало казаться темнѣе.

Красота несказанная была кругомъ. Черные валы съ тихимъ ропотомъ вставали надъ уснувшимъ моремъ, шли къ берегу, становились длиннѣе, уже, и вдругъ опѣнивались шипящей, бѣлой полосой, разсыпались о прибрежный песокъ и исчезали. Сзади нихъ поднимались другіе, тянулись черными чертами, вспыхивали бѣлой пѣной и замирали съ шипѣніемъ на берегу. Море дышало въ ночномъ снѣ. Кто то Незримый и Могучій ликовалъ по нему черныя полосы и сейчасъ же стиралъ блестящими, серебромъ играющими чертами.

Конечно: — сонъ...

**
*

Снилась женщина, зябко кутавшаяся въ дорогой, широкой мѣхъ. Она сидѣла въ деревянномъ отельномъ креслѣ у желѣзныхъ сквозныхъ перилъ набережной. Го-

лубая шляпка съ внизъ спущенными полями скрывала золото ея волосъ. Свѣтло голубой жакетъ и юбка, такая же, точно такой же матеріи сумочка — все добротное, дорогое, въ лучшемъ магазинѣ, у моднаго портного сдѣланное, необычайно шли къ ея юному, нѣжному, не испорченному жизнью лицу. Точно голубая птичка прилетѣла изъ далекихъ, заморскихъ странъ и усѣлась въ креслѣ на берегу океана.

Противъ нея, придвинувъ другое, такое же тяжелое кресло, сидѣлъ старикъ. Смятая, выдавшая виды, испытавшая дожди и сушку на печи, мягкая шляпа съ отвисшими, кривыми, точно мышами изъѣденными полями, широкое пальто поверхъ костюма, тоже выдававшего виды, съ бахромой внизу штановъ и въ соотвѣтствіи съ костюмомъ — старое тонкое лицо, сѣдые, не модные усы, все тоже изношенное, истомленное лишеніями и страданіями, старомодное, «старорежимное» — такъ не шло оно къ женщинѣ — синей птицѣ, принцессѣ грезѣ, прилетѣвшей изъ далекихъ странъ, какъ не подходитъ отельный номеръ бѣженской яви къ лучезарному, голубому виду прозрачной долины бѣженскаго сна.

**
*

Старикъ рассказывалъ длинную исторію. Женщина иногда задавала вопросы. Иногда дополняла рассказъ старика своими переживаніями въ этотъ страшный и великій годъ міровыхъ потрясеній.

Онъ рассказывалъ: — мелкая, безотрадная людская пошлость. Жизнь изо дня въ день. Свары и ссоры, сплетни и безудержная болтовня, нищета, бѣдность, муравьиная бѣготня за заработкомъ — людской муравейникъ — это и была жизнь, явь, подлинное бытіе... Она слушала, широко раскрывъ, — въ темнотѣ они блистали, — свои голубо-зеленые глаза, изумлялась, возмущалась, пожимала плечами, ежилась, кутаясь въ пушистый, нѣжный мѣхъ.

Но понимала: — такъ оно и было, ибо и ея коснулась пошлость людской жизни. Такъ должно было быть на землѣ, гдѣ стало тѣсно жить...

А потомъ, какъ во снѣ, открывались внутреннія, душевныя очи и вдругъ въ призрачной, голубой дали появлялись сильные духомъ люди, великіе изобрѣтатели, мастера, техники, храбрые, волевые мужи, создавалась какая то таинственная организація, уносилась въ далекія страны, въ міръ, не тронутый людскою пошlostью, и оттуда шла бороться за правду.

И самая борьба казалась сномъ. Кошмарнымъ сномъ казался разсказъ о жизни рабовъ на далекомъ сѣверѣ. Ихъ освобожденіе казалось сонной мечтой.

И снова были простыя слова яви. Все покрывалось мракомъ людскою пошlostи.. Глупая сплетня, ненужное пошлое хвастовство, трусость маленькой души — и отъ этого — крушеніе дѣла и гибель самоотверженныхъ людей.

И опять шелъ разсказъ о рядѣ героическихъ подвиговъ, о любви къ Родинѣ, готовой на жертву, о справедливости, о торжествѣ правды и въ самой смерти.

Было, какъ въ морѣ, что было передъ ихъ глазами — бѣлая полоса стирала черную и исчезала, тихо тая въ песокъ, и на мѣсто ея сейчасъ же вставала другая, чтобы исчезнуть, какъ и первая... И такъ въ утомительномъ постоянствѣ.

Сонъ ? ...

Да ... Какъ сонъ ...

— Они всѣ погибли?

Старикъ, молча, наклонилъ голову.

Женщина въ душевномъ порывѣ положила красивую холеную руку на жесткую, загорѣлую руку старика и повторила дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Они погибли... Значить — діаволъ побѣдилъ Бога... Зло побѣдило Добро... И правды опять нѣтъ на землѣ... Это былъ мигъ... Просвѣтъ... Сонъ?...

Старикъ не отвѣчалъ. Ни молодая женщина, ни онъ не замѣтили, какъ за этимъ разсказомъ о томъ, какъ пошlostь боролась съ героизмомъ прошло время. Фонари на набережной погасли. Блѣдный разсвѣтъ начинался на берегу, за отелемъ. Море ушло, обнаживъ

плотно убитый песокъ. Звѣздъ въ небѣ не было. Огни маяковъ стали блѣдными и ненужными... Сейчасъ встанетъ солнце.

— О, нѣтъ... Напротивъ, — вдругъ, точно очнувшись, съ оживленіемъ, сказалъ старикъ. — Тамъ, на далекомъ сѣверѣ, народъ всталъ за правду... За вѣру, царя и отечество... Тамъ за эти полгода создана Имперская армія. Ей все покоряется... И, если не помогутъ ваши соотечественники?... Простите, что я такъ говорю, мистрисъ Холливель...

— Говорите... Что же дѣлать? Вы правы... Я понимаю... Нѣтъ... Они теперь не помогутъ... Имъ не до того теперь... Такъ что же, если не помогутъ?

— Наши побѣдятъ...

— Правда, что эту армію ведетъ?...

— Вашъ отецъ, мистрисъ Холливель, ротмистръ Ранцевъ. Рядовому Русскому офицеру Господь далъ быть поборникомъ правды и спасителемъ Россіи.

— А какъ же — «les coccinelles»?... Я не умѣю, какъ это будетъ по русски...

— Божія коровки.

— Да, эти маленькіе, сѣрые люди?... Они?... Не мѣшали?...

— Напротивъ... Они много помогали этому дѣлу... Они пошли за своими начальниками... Безъ маленькихъ людей не сдѣлаешь великаго дѣла... Они тоже нужны... Да и не все тамъ были Божіи коровки...

— А капитанъ Немо?...

— Онъ, какъ и хотѣлъ... Онъ былъ Русскій артиллерійскій офицеръ. Онъ былъ скромнень. Онъ все сдѣлалъ, все создалъ, отдалъ на дѣло все свое состояніе и... ушелъ...

— Такъ, значитъ, острова Галапагосъ?

— Ихъ не было...

— Да, въ самомъ дѣлѣ... Но «огонь поядающій» — такъ вы мнѣ нѣсколько разъ рассказывали о немъ. Онъ попалилъ не только виноватыхъ, но и правыхъ.

— Не знаю, поймете ли вы меня, мадамъ?... По русски такъ говорится: — «гдѣ лѣсъ рубятъ — щепки летятъ»... На войнѣ, знаете, не безъ урона...

— О, я хорошо по Русски понимаю... Лучше, чѣмъ говорю... Во мнѣ Русская кровь...

— Я знаю... Я васъ вѣдь вотъ такой маленькой видалъ. Вамъ не было тогда и двухъ лѣтъ.

— Да... Я знаю... Вы мнѣ говорили... Прощайте, генералъ... Я не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить за вашъ рассказъ...

— Никакъ... Я былъ радъ подѣлиться съ вами тѣмъ, что я зналъ, что еще такъ недавно было величайшей тайной, секретомъ, и что теперь стало достояніемъ газетъ и... толпы...

Они встали... Женщина горячо пожала руку старику и пошла широкими, быстрыми шагами къ громадному отелю, гдѣ едва начиналась утренняя жизнь. Сонные лакеи въ жилетахъ и синихъ фартукахъ подметали высокую, нарядную прихожую.

Старикъ пошелъ вдоль набережной. Ему въ сущности некуда было идти. Его поѣздъ отходилъ въ девять часовъ. Было едва семь. Зимнее солнце еще не вставало.

Было тепло, какъ лѣтомъ. Съ океана, должно быть, изъ тѣхъ далекихъ южныхъ странъ, о которыхъ рассказывалъ старикъ, шло нѣжное ласкающее дыханіе жаркихъ острововъ...

Все это было, какъ сонъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«LES COCCINELLES»

...«Рисовать, сказалъ я выше, трудно и, по моему, просто нельзя, съ жизни, еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы. Никто не знаетъ, въ какія формы дѣятельности и жизни отольются молодая силы юныхъ поколѣній, такъ какъ сама новая жизнь окончательно не выработала новыхъ окрѣпшихъ направленій и формъ. Можно въ общихъ чертахъ намекать на идею, на будущій характеръ новыхъ людей»... «Но писать самый процессъ броженія нельзя: въ немъ личности видоизмѣняются почти каждый день — и будутъ неуловимы для пера»...

И. А. Гончаровъ. «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

I.

Если бы человѣческія страсти и чувства, симпатіи и антипатіи, любовь и ненависть были подобны взрывчатымъ веществамъ, или положительному и отрицательному электричеству — маленькій домикъ, стоявшій на rue de la Gare должно было бы взорвать и разнести на мелкія части. Такъ кипѣли въ немъ скрытыя и сдерживаемыя чувства.

Это былъ совсѣмъ маленькій домикъ, какіе не рѣдкость подъ Парижемъ, въ его предмѣстьяхъ. И мѣстечко, гдѣ онъ стоялъ тоже было маленькое и незначительное, какъ то незамѣтно сливавшееся съ другимъ, уже значительнымъ и богатымъ городкомъ, имѣвшимъ даже за собою какое то историческое прошлое. Подобно Медону оно было заселено Русскими бѣженцами. Да оно и походило на Медонъ. Въ немъ, какъ впрочемъ и во всякомъ французскомъ мѣстечкѣ, были avenue du Marechal Joffre, rue de la Gare, place du Marché, все, какъ полагается во всякомъ мѣстечкѣ, имѣющемъ претензіи стать въ будущемъ городомъ. Въ немъ были и двѣ Русскія церкви: — Соборная и Евлогіанская. Были и свои Русскія знаменитости: — музыкальный критикъ изъ большой Парижской эмигрантской газеты, отставная артистка Императорскихъ театровъ, бывший прокуроръ Судебной палаты и шесть настоящихъ «царскихъ» генераловъ. Былъ въ немъ еще какой то казачій кварталъ и два церковныхъ хора. Все это создавало Русскую, «нашу» жизнь мѣстечка и въ той или иной степени влияло и на развитіе страстей въ маленькомъ домикѣ на rue de la Gare.

Въ этомъ домикѣ, если считать правильно, былъ одинъ этажъ и одна квартира. Но въ немъ считалось три этажа и три квартиры. Главную, центральную, изъ

двухъ крошечныхъ комнатокъ, которымъ предшествовала совсѣмъ уже миниатюрная прихожая съ уборной, занимала семья Нордековыхъ. Она состояла изъ мужа, полковника въ прошломъ, конторщика въ настоящемъ, жены, въ прошломъ тонной и красивой барыни, игравшей на роялѣ и знавшей четыре европейскихъ языка, въ настоящемъ стенографистки при одномъ учрежденіи, назначенія котораго она никакъ не могла понять, и наконецъ, «мамочки», старушки семидесяти лѣтъ, бывшей когда то фрейлиной Двора. Надъ ними въ единственной комнатукѣ мезонина, изъ за покатои, крутой крыши, замѣнявшей потолокъ, походившей на Русскій гробъ, гдѣ лѣтомъ въ жары изъ за раскаленной черепицы было нестерпимо душно, а зимою въ дожди сыро и холодно, помѣщалось «чадо», сынъ Нордековыхъ, 23-хъ лѣтній молодой человѣкъ, носившій имя Александра — Шура, — но называвшійся Мишелемъ Строговымъ, — Парижскій шофферъ.

Наконецъ, нижнюю квартиру, въ полуподвалѣ, занимала сапожная мастерская казака Агафошкина. Ее держалъ шестидесяти пяти лѣтній крѣпкій старикъ Нифонтъ Ивановичъ, съ внукомъ Фирсомъ, сожителемъ вавшимъ съ какою то полькою.

Къ этому пестрому и различному населенію, наминавшему совѣтскія, уплотненныя квартиры, слѣдуетъ еще прибавить полковникову собаку Топси, коричневаго породистаго добермана, съ рыжеватыми подпалинами и умными глазами, сіявшими изъ черныхъ вѣкъ, какъ два блестящихъ желтыхъ топаза.

II.

Шесть часовъ утра. Сырой и сѣрый, мгlistый, дождливый октябрьскій день никакъ не можетъ родиться. Если выдти черезъ рыночную площадь, гдѣ почта и мѣрія, и спуститься по широкой каштановой аллѣ къ берегу Сены, откуда открывается прекрасный

видъ на Парижъ, то ни Сены, ни Парижа не увидишь. Все покрыто густой, непрозрачной мглою, клубится черными дымами и тучами, и моросить, моросить, моросить безъ конца надоѣдливый Парижскій дождь.

Въ верхней комнатукѣ, въ «гробу», надоѣдливо, залиvisto, протяжно и нудно залился будильничный звонъ. Онъ точно какимъ то острымъ, ядовитымъ лезвиемъ прорѣзалъ домику и, казалось, съ тою же одинаковою, тоску наводящею силою, съ тою же кажущеюся безконечностью и непрерывностью раздался по всѣмъ этажамъ, сталъ слышенъ и у сосѣдей, въ другихъ такихъ же домикахъ — виллахъ.

Мишель Строговъ, спавшій на широкой постели, занимавшей почти всю его комнату, сдернулъ съ себя старое суконное одѣяло, и еще мутными глазами осмотрѣлъ облѣзлая, ничѣмъ неукрашенные стѣны. Онъ не остановилъ звона будильника, хотя и зналъ, что этотъ звонъ будитъ раньше времени его родителей и бабушку. «Вотъ еще! Чего ихъ нѣжить — буржуевъ» — всякій разъ утромъ думалъ онъ, вспоминая мольбы матери и выговоры отца.

Мишель поднялся съ постели и, скинувъ рубашку, голый подошелъ къ окну. За окномъ, доходившимъ до полу, былъ крошечный балкончикъ. Онъ былъ такой маленькій, что выйти на него было нельзя, и устроенъ онъ былъ по прихоти архитектора, а можетъ быть, для болѣе яркой рекламы домику: — «квартира съ балкономъ». Мишель открылъ дверь. Посерединѣ двери былъ подвѣшенъ довольно большой мѣшокъ съ пескомъ. Онъ долженъ былъ, по мысли Мишеля, изображать вооруженную боксерской перчаткой руку противника. Мишель толкалъ мѣшокъ, онъ отлеталъ въ сторону и съ силою стремился обратно на Мишеля и тотъ, увертываясь отъ него, толкалъ его снова. Узко поставленные глаза Мишеля сверкали, злобная улыбка кривила худыя плоскія щеки, тонкія губы сжимались и становились еще тоньше. Все его тѣло изгибалось, выпрямлялось, онъ то отскакивалъ отъ мѣшка, то наступалъ, нанося ударъ за ударомъ. Онъ походилъ въ эти минуты на дикаря, танцующаго воинственный танецъ. Онъ топалъ съ силою

босыми ногами, нисколько не беспокоясь, что подъ нимъ спала его бабушка. Онъ былъ занятъ «дѣломъ», интересовавшимъ его болѣе всего. У него была одна, все поглощавшая страсть — стать знаменитымъ боксеромъ, такимъ, какъ Карпантье, побѣдить всѣхъ, стать чемпиономъ «легкаго вѣса», заработать миллионы, видѣть поклоненіе толпы, и тогда... дальше его голова отказывалась думать. Не хватало воображенія. Дальше въ мечтахъ была своя машина «Люксъ», какая нибудь Эспаносьюза, а еще лучше гоночная машина съ необычайной силы моторомъ, и установленіе мировыхъ рекордовъ. Хорошо было бы еще и летать. Но летать непременно такъ, какъ еще никто не леталъ. Напримѣръ долетѣть до луны, или до какой нибудь тамъ звѣзды. А для этого было нужно быть сильнымъ, ловкимъ и здоровымъ. Для этого «физ-культура», для этого утренняя гимнастика и боксъ по своей собственной системѣ.

Когда то, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Мишель Строговъ былъ славнымъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, съ русыми мягкими волосиками, онъ готовился поступить въ корпусъ и продолжить славное служеніе Отечеству рода Нордековыхъ. Но, налетѣла революція. Отецъ, бывший на фронтѣ, очутился въ Добровольческой Арміи, мать, послѣ долгихъ мытарствъ, арестовъ, издѣвательствъ, послѣ многолѣтней разлуки, по объявленію отыскала мужа уже въ Парижѣ, и помчалась, преодолевая тысячи опасностей и лишеній, къ нему. Шура оставался сначала на попеченіи бабушки. Началась для него новая, необычная, полная впечатлѣній жизнь. Пролетарская школа второй ступени... Холодъ и голодъ. Новый языкъ, хулиганскій жаргонъ какой то, раннее развитіе и познаніе жизни. Грязныя, развратныя дѣвчонки. Дома — чопорная бабушка, не понимавшая своего внука и боявшаяся его. И мало по малу славный мальчикъ Шура преобразился въ гражданина Нордекова. Онъ пересталъ креститься на храмы Божіи, пересталъ ходить въ церковь, проникся уваженіемъ къ физической силѣ, записался въ комсомоль.... Потомъ вдругъ какъ то прозрѣлъ, испугался, что его возьмутъ въ красную армію и при самыхъ невѣроятныхъ обстоя-

тельствѣхъ, забравшись на шведскій пароходъ въ Ленинградъ, бѣжалъ за границу. Безъ паспорта, безъ какого бы то ни было документа о томъ, кто онъ, Мишель сталъ пробивать себѣ дорогу жизни. Попалъ во Францію, использовалъ свои знанія французскаго языка, полученныя въ раннемъ дѣтствѣ отъ матери, и съ перваго же знакомства съ полицейскимъ комиссаріатомъ съ чисто совѣтскимъ искусствомъ лжи сдѣлался французскимъ гражданиномъ Мишелемъ Строговымъ и выправилъ себѣ всѣ нужныя для этого бумаги.

— Какъ странно, Мишель Строговъ?... Совсѣмъ, какъ въ модномъ фильмѣ, — сказали въ полиціи.

Ему, конечно, не повѣрили бы и не дали бы ему документовъ, да уже по очень необычному дѣлу онъ попался въ полицію. Онъ безъ всякихъ на то правъ ѣздилъ на такси. Пассажиръ забылъ въ каретѣ бумажникъ съ деньгами, болѣе трехсотъ тысячъ франковъ. Шофферъ всѣ деньги доставилъ въ полицію и отказался отъ вознагражденія. Сѣдокъ, почтенный французъ, пораженный честностью и безкорыстіемъ молодого человѣка съ такимъ необыкновеннымъ прошлымъ, съ такою громкою Жюль Верновскою фамиліей, съ лицомъ скорѣе симпатичнымъ, сталъ хлопотать за Мишеля. У него были связи въ томъ французскомъ городѣ, гдѣ это случилось, Мишель Строговъ былъ признанъ и получилъ права французскаго гражданства. И потекла его новая безпечная жизнь молодого француза, который не былъ французомъ. Были маленькія связи съ мидинетками, были увлеченія кинематографомъ и танцами и все вылилось въ упорное стремленіе къ славѣ, къ деньгамъ, къ извѣстности, къ послѣ военной знаменитости. Были колебанія кѣмъ стать: — первымъ футъ-болистомъ, танцоромъ, кинематографическимъ артистомъ, велосипедистомъ, побивающимъ рекорды, или еще кѣмъ нибудь. Боксерская слава, сказочные оклады, выплачиваемые чемпиономъ бокса окончательно убѣдили его и опредѣлили направленіе его карьеры. Съ документами Мишеля Строгова ему уже не трудно было перебраться въ Парижъ и устроиться шофферомъ въ гаражѣ. Здѣсь, и совершенно случайно, онъ узналъ изъ газеты, взятой имъ у сосѣда, Русскаго шоф-

фера, что полковникъ Нордековъ въ какомъ то открытомъ собраніи будетъ дѣлать докладъ. Мишель пошелъ на это собраніе больше изъ любопытства, чѣмъ изъ сыновнихъ чувствъ. Узналъ отца, нашелъ въ числѣ слушателей мать и пришелъ къ нимъ. Встрѣча была трогательная, но она не тронула Мишеля... У него уже выработался спокойный, практическій, чуждый сентиментальности, взглядъ на жизнь. Онъ изъ совѣтской школы второй ступени зналъ, что отецъ и мать это только физиологическія понятія, и на родственныя чувства гражданину новаго, послѣвоеннаго вѣка съ высоколетящаго аэроплана наплевать. Но, когда уже въ крошечномъ домикѣ, на rue de la Gare высокая, болѣзненная, худая женщина сначала обняла его со слезами и расцѣловала, а потомъ, точно смутившись, оттолкнула его и стала разсматривать, разговаривая сама съ собою вслухъ, онъ смутился. Какая то теплая волна пробѣжала по его жиламъ, и онъ не могъ найти ей соотвѣтствующаго физиологическаго объясненія. Пришлось бы говорить о душѣ, а то, что у человѣка нѣтъ никакой души, что всѣ его движенія и помыслы легко могутъ быть объяснены и истолкованы съ медицинской точки зрѣнія — все это было еще въ ранніе годы пребыванія въ совѣтской школѣ второй ступени имъ хорошо усвоено.

— Вотъ ты какой, — говорила между тѣмъ женщина, носившая имя матери, и Мишель съ любопытствомъ и волненіемъ, въ которомъ ему самому не хотѣлось признаться разглядывалъ ее. Она была очень худая. Ея лицо носило слѣды красоты, той красоты, какою каждая мать кажется красивой своему ребенку. Оно было вмѣстѣ съ тѣмъ очень усталое, измученное жизнью и лищеніями. И только глаза ея сверкали особеннымъ восторгомъ, совсѣмъ непонятнымъ Мишелю, но почему то дорогимъ и льстившимъ ему.

— Вотъ никогда бы не подумала, что у тебя будетъ такое лицо? Ты всегда былъ у насъ кругленькій. И вотъ тутъ у тебя были ямочки... И рѣснички были у тебя длинныя, предлинныя... И то сказать сколько ты... Сколько мы всѣ пережили...

Она хотѣла его спросить, вѣруетъ ли онъ въ Бога,

молится ли, ходитъ ли въ церковь, — и не посмѣла, а онъ ее понялъ безъ словъ и нахмурился, и когда нахмурился, сталъ уже совсѣмъ не похожъ на того славнаго вихрастаго мальчугана, который такъ изящно носилъ бѣлую матросскую рубашечку, отороченную голубымъ и кого она готовила въ корпусъ. Она всмотрѣлась въ него. Она его узнавала и не узнавала. Припоминала его прежнія черты и отыскивала ихъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ въ странной для нея Шуры шофферской одеждѣ. Онъ былъ ей родной и чужой въ тоже время.

Откуда у него такъ близко поставленные глаза и эта упорная, непонятная, неразгаданная мысль въ нихъ? Мысль маниака или сумасшедшаго... Онъ смотрѣлъ на нее, не мигая, и не могла она угадать, что онъ про нее думаетъ.

— Шура, — сказала она съ нѣжною ласкою, — ну, расскажи намъ, какъ ты добрался до насъ, какъ жилъ всѣ эти годы?... Господи!... десять съ лишнимъ лѣтъ мы не видались... Оставила я тебя мальчикомъ, а вижу вырослымъ молодымъ человѣкомъ. Но ты вѣдь мнѣ не чужой?... Да, мой родной?... Мой милый...

— Не называй меня... — Тутъ логически должно было послѣдовать слово: — «мама», но оно не послѣдовало. Оно точно выпало изъ памяти Шуры, какъ выпадаетъ слово изъ печатнаго набора, и Шура его не произнесъ. Она ждала и жаждала этого слова, и, не услышавъ его, смутилась и все прислушивалась, какъ онъ будетъ ее называть?... Онъ ее никакъ не называлъ. Говорилъ «ты», можетъ быть, потому, что она ему говорила «ты», но за этимъ сердечнымъ «ты» былъ холодъ безъимянности.

— Не называй меня Шурой. Особенно при другихъ... при французахъ. Я Мишель... Мишель Строговъ. Вотъ мой паспортъ.

Онъ ей подаль паспортъ. Паспортъ былъ французскій, и въ немъ дѣйствительно было прописано, что онъ Мишель Строговъ, родившійся въ Россіи.

— Но какъ же это такъ?... — растерянно спросила она. — Ты перемѣнилъ подданство?... Ты больше не русскій?

Ей это казалось ужаснымъ. Просто таки невозможнымъ. Онъ холодно посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и съ тихой жуткой усмѣшкой сказала:

— А ты развѣ русская?...

Она поблѣднѣла. Ударъ, ей нанесенный, былъ слишкомъ силенъ. Ей казалось — она его не снесетъ. Но она продолжала настойчиво допрашивать. Она хотѣла знать всю правду, какъ бы ни казалась она ей ужасной.

— Но какъ же ты сталъ французомъ?.. Ты лгалъ?...

Въ это слово она вложила всю силу души, все возмущеніе и отвращеніе ко лжи.

Онъ не смутился. Казалось, даже не понялъ, какое такое преступленіе онъ совершилъ. Его лицо оставалось холоднымъ. На немъ появилась презрительная, чуть замѣтная усмѣшка.

— Я выросъ и воспитался въ огнѣ революціи. Буржуазные предразсудки мнѣ чужды. Почему нельзя сказать то, что выгодно и нужно по данному моменту? Это просто непрактично и глупо. Мнѣ иначе нельзя было. Надо было жить. Безъ этого нельзя было пробиться и стать человѣкомъ. Быть человѣкомъ — это главное. Это самоцѣль. А тамъ русскій, французъ, нѣмецъ, японецъ — не все ли одно?... Это отсталыя зоологическія понятія... Я съ ними не считаюсь. Да что тамъ говорить!... Мы люди разныхъ поколѣній... Не стоитъ объ этомъ спорить.

Мишель охотно согласился остаться жить въ ихъ маленькомъ домикѣ, носившемъ скромное наименованіе: — «Les Coccinelles». Они осмотрѣли комнатушку наверху, переговорили съ хозяиномъ и на другой же день Мишель перебрался со своимъ болѣе, чѣмъ скромнымъ скарбомъ къ родителямъ. Онъ сдѣлалъ это не потому, что ему пріятно и радостно было зажить съ родителями — у него этого чувства не было — а потому, что нашелъ это для себя во всѣхъ отношеніяхъ выгоднымъ. Онъ этого и не скрывалъ. Онъ установилъ въ своей комнатѣ свои порядки, какъ ему было удобно, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ.

— Здѣсь я физ-культурой могу заниматься, — ска-

залъ онъ, — да и жилплощадь здѣсь больше, чѣмъ у меня на старой квартирнѣ. И платить меньше...

Совѣтскія словечки и неприкровенный матерьялизмъ и практичность коробили его мать, но она промолчала. Онъ въ этомъ не былъ виноватъ. Она надѣялась, что съ теченіемъ времени, ей удастся перевоспитать его и вернуть къ Богу и къ семьѣ.

Тѣмъ болѣе не могла она обвинять сына, что она знала, кто виноватъ во всемъ ужасномъ крушеніи Россіи. Вся исторія послѣднихъ лѣтъ была ею глубоко продумана и приговоръ былъ постановленъ.

III.

Тотъ самый ѣдкій, нудный и непрерывный звонокъ, который будилъ Мишеля Строгова, заставлялъ просыпаться и его мать, Ольгу Сергѣевну. Она открывала глаза, смотрѣла на чуть сѣрѣвшую цель между занавѣсью и окномъ и съ мучительнымъ сердечнымъ надрывомъ думала: — «Господи, хотя бы не заводилъ онъ такъ полно!... Еще и еще... Когда же это кончится? Не могу я больше, кричать готова... Это хуже зубной боли... И теперь я уже ни за что не засну... А вѣдь только всего шесть часовъ».

Она и точно не засыпала. Длиннымъ свиткомъ разворачивались передъ нею послѣдніе, страшные годы жизни. Она, прищурясь, смотрѣла на спину лежащаго рядомъ мужа. Она въ эти минуты всѣми силами души ненавидѣла его.

«Кто виноватъ?.. Онъ во всемъ виноватъ!... Онъ!... Они, ему подобные!... Боги!... Правители!... Рѣшители нашей, простыхъ смертныхъ судьбы... Полковникъ Генеральнаго Штаба... Всегда «выдающійся», хвлящійся точнымъ исполненіемъ долга. Да гдѣ же это исполненіе долга?... Военные, такіе, какъ ея мужъ, вотъ, кто виновники всего, всего, что случилось. Она дѣвчонкой, когда онъ начиналъ ухаживать за нею, знала, въ чемъ сущность военной службы и солдатскаго долга. Тогда она гордилась, что за нею ухаживаетъ военный... Жена защитника Престола и Отечества! Эту радостную гордость

она усвоила съ первой брачной ночи, когда такой красивый и эффектный явился онъ къ ней въ спальню въ полной парадной формѣ и, взявъ шашку подвысь и салютуя ей, сказалъ: — «надѣюсь, что вы готовы исполнить вашъ долгъ жены»... Это было такъ красиво и сильно: — долгъ!... И ихъ жизнь прекрасно и ярко началась. Она свой долгъ жены исполняла и дальше свято и честно, безъ компромиссовъ. Она на войну пошла сестрою милосердія, и безъ трепета, ничего не боясь, понесла свой долгъ сестры... «Ну, а вотъ вы, вы всѣ офицеры и генералы Генеральнаго Штаба, стратеги, «наполеоны», исполнили вы свой долгъ и можетъ быть спокойна сейчасъ ваша совѣсть?.. Спать... И не подозреваете, что я про него думаю... что знаю и въ чемъ обвиняю... Да, обвиняю... Гдѣ и въ чемъ былъ вашъ долгъ?»

Вдругъ встала въ ея памяти громадная разоренная пожаромъ войны страна, по которой она проѣзжала въ санитарной двуколкѣ. Ряды обугленныхъ березъ по сторонамъ дороги и торчащія изъ чернаго пепелища кирпичныя трубы. Точно увидала она въ это утро потревоженного сна испуганную дѣтвору, женщинъ съ голодными глазами, бѣгущихъ, куда глаза глядятъ, услышала вновь въ это Парижское утро изъ холодного далека тѣ слова, что такъ часто слышала она въ тѣ ужасные годы: — «Вшистка уничтожено... Жолнержи були — вшистка забрали... Дѣтей кормить нечѣмъ»... Чьи жолнержи?... Защита отечества?... Точно видѣла она сейчасъ это отечество, не защищенное, не обороненное войсками. Она отлично помнила, какъ, когда готовился ея мужъ къ поступленію въ Академію висѣла въ ихъ спальнѣ громадная карта этого самаго отечества. Она наизусть заучила его границы. Отъ Варангеръ фіорда на юго-востокъ, не доходя до рѣки Муоніо... А тамъ отъ Мемеля... Вотъ вьется она прихотливымъ изгибомъ блѣдно зеленая, оттѣненная по краю государственная неприкосновенная граница. Загибается, широкимъ языкомъ вдавливается въ нѣмецкую землю, очерчивая десять губерній Царства Польскаго. Защита Отечества есть защита этой зеленой линіи и долгъ арміи

никого туда за нее не пустить. Въ міровой войнѣ только Германская Армія усвоила эту истину и выполнила въ полной мѣрѣ свой долгъ передъ народомъ... Всѣ остальные шли на компромиссъ... «По стратегическимъ соображеніямъ»... Какъ негодовала она уже и тогда, когда «по стратегическимъ соображеніямъ» сводили въ ничто всѣ потери, всѣ жертвы, весь героизмъ войскъ, всю пролитую солдатскую кровь и отступали, сжигая дома и селенія, не думая о жителяхъ «отечества». Тогда зародилась въ ней еще неосознанная, непродуманная до конца ненависть ко всѣмъ военнымъ, не исполнившимъ элементарнаго долга, тогда она перестала понимать и уважать мужа... «Защита Престола»... По «политическимъ соображеніямъ» изъ за призрака какого то сепаратнаго мира, изъ за оклеветанной Императрицы измѣнили Престолу и не стали его защищать... Вотъ и дошли до большевизма... Кто же виновенъ?..

Ужась положенія Ольги Сергѣевны заключался въ томъ, что никому, и менѣе всего мужу, могла она сказать все то, что передумала за эти страшные годы переоцѣнки цѣнностей. Кто пойметъ ее? Кругомъ — такое самолюбование! Кругомъ незыблемая увѣренность въ своей правотѣ, въ побѣдѣ. Ей становилось жутко. Сказать все то, что у нея накопилось на душѣ — ее сочтутъ за «лѣвую»... А нѣтъ!... Только не это!... Нѣтъ, она не лѣвая... Отнюдь не лѣвая... Она болѣе «правая», чѣмъ всѣ они. Ей Престоль и Отечество не пустые звуки... Какъ бы она ихъ защищала!... Бога она не обвиняла. Она была слишкомъ умна и образована, чтобы мѣшать Господа въ свои людскія дѣлишки и винить Его за свои лѣность, трусость и неграмотность. Нѣтъ, она опредѣленно обвиняла во всѣхъ и своихъ, и чужихъ несчастіяхъ тѣхъ, кому такъ много было дано и кто своего долга не исполнилъ. Она слушала, какъ при ней рассказывали о недостаткѣ патроновъ и оружія. Она молча и нехорошо улыбалась. — «Зачѣмъ не берегли», — думала она. Она то видѣла, путешествуя по тыламъ, брошенные винтовки, воткнутыя штыками въ землю и цѣлыя розсыпи патроновъ на оставленныхъ нами позиціяхъ. Она часто слышала, какъ восхищались «сол-

датикомъ», принесшимъ въ лазаретъ не брошенную винтовку, но она никогда не слыхала, чтобы обругали и тѣмъ болѣе наказали солдата, пришедшаго безъ оружія и патроновъ. Кто же былъ виноватъ въ этой распущенности и послабленіяхъ?... Все они же!... Начальники!... А теперь?... Офицеры республиканцы... Офицеры революціонеры... А вотъ изъ за нихъ — эта каторжная жизнь, эта работа въ Парижской конторѣ и выступиваніе на маленькой стенографической машинкѣ никому ненужныхъ и совѣмъ неинтересныхъ приказаній и писемъ «патрона».

Она пѣла въ церковномъ хорѣ Евлогіанской церкви. И она научилась компромиссу. Она пошла въ Евлогіанскую церковь потому, что тамъ регентъ былъ лучше и лучше оцѣнили ея голосъ. Она презирала себя за это, а вотъ все-таки не могла отказаться. Ей церковь давала такую отраду. Такъ радостно было придти въ нее въ воскресенье утромъ, когда еще никого нѣтъ, купить на три франка свѣчекъ и пойти ставить ихъ передъ иконами. Она гибко опускалась на колѣни, шептала съ дѣтства знакомыя молитвы, потомъ поднималась, и съ крѣпкою увѣренностью въ нужности того, что она дѣлаетъ, ставила свѣчи. Она смотрѣла на бумажные иконы, на скромный иконостасъ — его она и другія женщины колоніи сдѣлали своими руками — и ей казалось, что тутъ все таки есть правда, которая ушла изъ жизни. Она смущалась лишь однимъ — ей порою казалось, что и это ненастоящее, какъ вся ея жизнь стала ненастоящей. За свѣчнымъ ларемъ стоялъ отецъ діаконъ. Онъ былъ коренастый, сѣдой, съ коротко остриженными волосами, похожій въ узкомъ черномъ подрясникѣ на ксендза. Онъ пріятнымъ баскомъ подпѣвалъ ихъ маленькому хору. Но въ немъ не было того духовнаго, что привыкла она видѣть у діаконівъ въ Россіи, и не могла она позабыть, что діаконъ въ недавнемъ прошломъ — уланскій ротмистръ и что у Сусликовыхъ онъ прекраснѣе подъ гитару поетъ цыганскія пѣсни. И церковь и вся служба иногда вдругъ казались какими то призрачными, точно сонными видѣніями. И тогда являлось сомнѣніе въ существованіи Бога.

Когда она возвращалась, ее встрѣчала «мамочка» и, криво улыбаясь, говорила:

— Ну что же ты намолила у твоего Бога. По крайней мѣрѣ узнала, когда же мы вернемся въ Россію?..

III.

Мамочка больше не вѣрила въ Бога. Въ свои семьдесятъ лѣтъ Неонила Львовна Олтабасова ударилась въ самый крайній матерьялизмъ.

— Столько было молитвъ, — говорила она, — и Государь и Императрица были подлинно святыми людьми. Если бы Богъ былъ — Онъ ихъ помиловалъ бы... А теперь, прости меня Оля, но какая же это церковь?... Какая и гдѣ вѣра?... И смѣшно вѣрить, когда живешь въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ такъ просто и удобно обходятся безъ Бога.

Неонила Львовна создала свою теорію какихъ то «винтиковъ», еще не изслѣдованныхъ, но которые вотъ вотъ будутъ открыты учеными, изслѣдованы и изучены, и тогда все станетъ ясно и понятно, и никакого Бога для объясненія тѣхъ или иныхъ явленій не понадобится. Она жадно хваталась за газеты и въ нихъ искала новыхъ открытій и изслѣдованій въ области физиологій, геологій, археологій, астрономіи и психологій. И на каждое она смотрѣла съ точки зрѣнія доказательства отсутствія Высшей Силы, отрицанія Бога.

— Вотъ, — говорила она, съ газетнымъ раскрытымъ листомъ входя въ комнату дочери, когда та, усталая и измученная дневной работой, переодѣвалась и умывалась. — Вотъ, ученые дознались, что вселенная не безпредѣльна, а что и ей предѣлъ есть. Въ милліонахъ лѣтъ свѣтовыхъ лучей радіусъ этотъ, а все таки онъ есть. Вотъ тебѣ и Богъ.

— Вы путаете, мама, — съ досадою говорила Ольга Сергѣевна. Ей противно было смотрѣть на мать. Въ длинномъ, старомодномъ черномъ платьѣ, съ коротко

остриженными, съдыми, гладко причесанными волосами, — если сзади смотрѣть, когда она сидитъ, и не узнаешь, мужчина или женщина, — неопрятная и распухшая старушка съ новыми и такими «нигилистическими» разсужденіями казалась ей ужасной и ей было страшно, что такъ она думаетъ про свою мать.

— Ничего я не путаю. Читала еще, что нашли черепъ человѣка въ Африкѣ. И тотъ черепъ миллионъ лѣтъ пролежалъ въ землѣ... Вотъ тебѣ и Адамъ!... Ученые теперь доказали, что человѣкъ существовалъ гораздо ранѣе Бога.

Она съ торжествомъ поджимала губы и маленькими, блестящими, сверлящими глазками смотрѣла на дочь.

— Я увѣрена... я вполне увѣрена, что будетъ день, когда и мои «винтики» откроютъ.

— Какіе «винтики», мама, — съ сердцемъ говорила Ольга Сергѣевна.

— А вотъ эти самые, которые все дѣлаютъ. И ты думаешь... Богъ?... Это Богъ войну, или грозу, или ведро послалъ?... или человѣкъ умеръ?... Волею Божьей? Это просто — «винтики» такіе въ природѣ вещей. Падаютъ они съ неба, попадаютъ въ атмосферу, поворачиваются такъ и эдакъ — и наше вамъ! — война... или вдругъ гриппъ ходитъ по городу... или отецъ убилъ дочь, или Кюртенъ какойнибудь проявился... И я увѣрена, что дойдутъ до того, что и ихъ будутъ ловить и подчинять себѣ, вотъ какъ электричество. Летятъ они, чтобы война тамъ что ли была, а ихъ ученые какиминибудь тамъ радіо-сѣтями поймаютъ... и нѣтъ войны... Вотъ и надули твоего Бога.. И безъ всякихъ молебновъ миръ на землѣ. Раньше наши мужики въ засуху, бывало, все молебны служили, съ хоругвями вокругъ полей ходили, а вотъ какъ поймаютъ и подчинять себѣ эти «винтики», такъ и не надо никакихъ поповъ. Наставилъ аппаратъ — и на тебѣ — дождь, или солнышко, что тебѣ угодно.

— Оставьте, мама. Начитались вы газетныхъ научныхъ фельетоновъ и думаете невѣсть какую премуд-

рость постигли. Базаровы это раньше вашего говорили. Мнѣ это просто тяжело отъ васъ слушать.

— Почему тяжело, — обижалась старуха.

— Вы старый человѣкъ... О другомъ вы должны думать... Какъ же умирать то будетъ вамъ тяжело, когда вы ни во что не вѣрите?

Старуха недовольно крутила носомъ и уходила, шурша газетой изъ комнаты дочери.

— Поди, скажешь тоже. Кому извѣстно, кто когда помретъ. Можетъ быть, еще мнѣ тебя хоронить то придется.

— Все отъ Бога, мамочка, — стараясь говорить кротко, говорила ей вслѣдъ Ольга Сергѣевна.

— Это какъ «винтики».. Куда, въ какую сторону повернутся. На тебя или на меня... А вотъ откроютъ ихъ, и умирать не придется. Сколько пожелаетъ человѣкъ, столько и проживетъ.

Противны и жутки были такія рѣчи въ устахъ человѣка, уже стоявшаго одною ногою въ гробу.

V.

Пронзительный звонокъ будильника въ комнатѣ Мишеля Строгова пробуждалъ и Неонилу Львовну. Она, крихтя и охая, поднималась съ широкаго ложа и, шлепая туфлями, шла къ столу разжигать керосиновый примусъ. Она готовила на всю семью утренній кофе.

Только полковникъ Георгій Димитріевичъ Нордковъ продолжалъ спать крѣпкимъ сномъ не знающаго заботъ человѣка. Онъ увѣрялъ, что никакой шумъ, если только онъ лично его не касается не можетъ помѣшать ему спать. Онъ рассказывалъ, что на войнѣ онъ спалъ крѣпчайшимъ сномъ подъ грохотъ канонады и трескъ разрывающихся снарядовъ, и моментально вскакивалъ едва чуть слышно рипѣлъ подлѣ него полевой телефонъ.

Полковникъ Георгій Димитріевичъ былъ человѣкъ военный. Точно съ того дня, какъ затянули его въ кадетскій мундирчикъ, онъ выковался въ подлиннаго солдата и ничто не могло поколебать или измѣнить его солдатской души. Какъ раньше онъ твердо вѣрилъ въ правоту отступленій «по стратегическимъ соображеніямъ», не сомнѣвался въ томъ, что они побѣдили бы, если бы не проклятая революція, такъ и потомъ, «смѣнивши вѣхи», снявъ лозунги: — «за вѣру, царя и отечество» и замѣнивъ ихъ сначала: — «за учредительное собраніе», потомъ: — «за единую, великую, недѣлимую Россію» и, наконецъ: — «за національную Россію» онъ ни на минуту не сомнѣвался въ правотѣ своего дѣла и въ правильности работы «вождей».

Крѣпкій, пятидесятилѣтній сангвиникъ, въ мѣру полный, съ красивымъ, холенымъ, всегда чисто выбритымъ, розовымъ лицомъ, съ густыми волосами, причесанными на проборъ, онъ былъ ловокъ и строенъ безъ всякой гимнастики. Членъ многихъ офицерскихъ объединеній, предсѣдатель своего полкового объединенія, неутомимый посѣтитель всѣхъ обѣдовъ, банкетовъ, чашекъ чая, лекцій, внимательный и восторженный слушатель рѣчей на нихъ произносимыхъ — онъ съ дѣтскою простотою вѣрилъ во все, что тамъ говорилось.

Жидовская транспортная контора, гдѣ онъ служилъ, возка ящиковъ съ таможи и на таможду, провѣрка коносаментовъ и накладныхъ, ловкое сованіе франковыхъ монетъ въ руку вѣсовщикамъ — это все было временное. Это не была жизнь. Просто дурной сонъ. Жизнь начиналась тогда, когда они собирались въ задней комнатѣ третьеразряднаго французскаго ресторана, гдѣ для этого случая развѣшивали по стѣнѣ Русскій флагъ, портреты «вождей» и полковые флюгера, когда человѣкъ семьдесятъ пожилыхъ людей въ скромныхъ черныхъ пиджакахъ по командѣ старшаго «господа офицера» прекращали разговоръ и куреніе и вытягивались у своихъ стульевъ, и входилъ генераль въ такомъ же пиджакѣ, какъ и они. Тогда начинались воспоминанія, рѣчи, старые анекдоты старыхъ временъ. И точно хоро-

шее вино, чѣмъ старѣе становились они, тѣмъ крѣпче чувствовались. На этихъ обѣдахъ всегда была бодрость вѣры въ завтрашній день — и... въ конечную побѣду. На нихъ говорили о Россіи. Они еще не смѣли пѣть Русскій гимнъ. Одинаково воспитанные и равно пришибленные судьбою они были разныхъ убѣжденій и считали не деликатнымъ что нибудь навязывать другому. Пѣли полковыя пѣсни, пѣсни войны и съ блестящими отъ выступившихъ слезъ глазами слушали рѣчи ораторовъ. Это и была настоящая жизнь. Все остальное было дурной кошмарный сонъ.

Вчера въ день ихъ училищнаго праздника ихъ собралось сто двадцать человѣкъ. Маленькій крѣпкій, бритый генераль (онъ былъ среди нихъ старшимъ и по выпуску и положеніемъ) отчетливо, чеканя слова говорилъ съ большимъ подъемомъ страстную рѣчь. Цѣлительнымъ бальзамомъ въ израненныя души вливались его слова.

Гдѣ то наверху сейчасъ звенѣлъ будильникъ и надъ головою и такъ, что гнулись доски потолка, топалъ босыми ногами его сынъ — Мишель Строговъ — а полковникъ, проснувшійся раньше обыкновеннаго ничего этого не слышалъ и не замѣчалъ. Онъ снова и снова переживалъ эту бодрящую, освѣжающую душу рѣчь ихъ руководителя.

— Мы, господа, — повторялъ про себя полковникъ такъ запомнившіяся ему чудныя слова, — не покинули театра военныхъ дѣйствій. Кругомъ царить миръ... Да это правда, но это кажущійся только миръ. Война съ большевиками, война за Россію продолжается...

Это было главное. Это было самое утѣшительное. И какъ это, очаровательно что ли? выходило что вотъ онъ, полковникъ Нордековъ, лежитъ себѣ спокойно на Виллѣ «Les Coccinelles», потомъ поѣдетъ въ свою транспортную контору, а война все таки продолжается. Нордековъ зналъ, что такое война. Ему приходилось на войнѣ по одиннадцати сутокъ быть безъ настоящаго сна... Онъ зналъ, что значить голодъ... Онъ зналъ, что значить обстрѣлъ тяжелыми батареями, вой, гулъ и трескъ лопающихся снарядовъ, ядовитый запахъ газовъ и тош-

ное ожиданіе смерти, когда совсѣмъ пересыхаетъ во рту и глохнетъ ухо... онъ зналъ, что такое «война продолжается» и тѣмъ не менѣе ему такъ отрадно было слышать эти слова въ мирной обстановкѣ Парижскаго ресторана. Да, война продолжается... Они находятся въ тылу... Развѣ и на войнѣ не бываютъ дни отдыха, затишья, когда послѣ тяжелыхъ боевъ отведены въ глубокой тылъ и ждутъ пополненій?... Правда, это стояніе въ резервѣ длится немного долго... Скоро одиннадцать лѣтъ, какъ смолкъ гулъ пушечной канонады... Но... услужливая память подсказывала примѣръ изъ исторіи и какой примѣръ!... Самого Суворова... Не жилъ ли онъ почти четыре года въ селѣ Кончанскомъ, ходилъ въ церковь, звонилъ на колокольнѣ, читалъ на клиросѣ, училъ деревенскихъ ребятъ... И вдругъ... Итальянскій походъ и переходъ черезъ Альпы!... Да... эти слова были колдовскія, чудныя, несказанно прекрасныя слова. Они все звучали въ ушахъ, какъ великолѣпный сонъ, съ которымъ не хочется разстаться...

— Война не прекращалась ни на минуту, и она не можетъ прекратиться. И тѣ, кто объ этомъ, быть можетъ, по малодушію своему забывали — пусть почувствуютъ напоминаніе этого въ похищеніи Кутепова... Это прорывъ нашего фронта. Военныя дѣйствія продолжаются... Они требуютъ единоначалія... Я поднимаю высоко бокалъ за нашего предсѣдателя... Ваше превосходительство, дерзайте!... Требуйте отъ насъ безпрекословнаго подчиненія и знайте, что мы исполнимъ свято всякое ваше приказаніе...

Тогда, вчера, казалось, что они встанутъ послѣ этого и всѣ вмѣстѣ пойдутъ на rue de Grenelle мстить за генерала Кутепова... Война продолжается... Фронтъ прорванъ... Онъ долженъ быть возстановленъ...

Они никуда не пошли...

Но, когда тихонько, на носкахъ, боясь воркотни жены, во второмъ часу ночи, крался полковникъ къ себѣ на rue de la Gare и осторожно вставлялъ ключъ въ замочную скважину — бурно колотилось его сердце...

«Военныя дѣйствія» продолжались гдѣ то, помимо него...

Онъ спалъ безпокойнымъ, прерывчатымъ сномъ.

Просыпался и думалъ: — «а вѣдь и точно: — какое то движеніе, сдвигъ какой то есть... Возможно, что французы?... Они, кажется, уже поняли... Да, конечно, мѣшаетъ Бріанъ... Но не вѣчно онъ будетъ сидѣть министромъ... Работа Коти... «L'Ami du Peuple» подготавливаетъ общественное мнѣніе... Во Франціи пресса это все... Сербія плац-д-армомъ... Тамъ русскія формировація... Что же, пожалуй?... дивизія?...»

У полковника въ рыночномъ письменномъ столѣ, въ лѣвомъ ящикѣ и подъ ключомъ лежала большая тетрадка, то, что въ старину называли «брульономъ» (теперь и слова этого не знаютъ). Въ немъ бисернымъ, аккуратнымъ почеркомъ онъ заносилъ:

«Обученіе звена и взвода въ двухъ недѣльный срокъ». «Обученіе роты въ три недѣли». «Пять тактическихъ ученій батальона». «Тактическая задача для трехъ батальоннаго полка». «Пулеметныя отдѣленія въ строю роты». «Служба связи батальона, полка и дивизіи» — все плоды долгихъ и серьезныхъ размышленій, боевого опыта великой и гражданской войны.

Все это пригодится въ тотъ часъ, когда... Онъ этого часа ждалъ и вѣрилъ, что этотъ часъ придетъ...

И вдругъ ноги холодѣли. Отъ нихъ бѣжалъ ледяной токъ къ головѣ. Мысль стыла.

«Нѣтъ, никогда иностранцы не помогутъ. А впрочемъ для чего въ самомъ дѣлѣ намъ иностранцы?...». На послѣдней лекціи, гдѣ былъ полковникъ, лекторъ представилъ аудиторіи какого то краснаго летчика, перелетѣвшаго изъ С.С.С.Р. для спасенія своей заблудившейся въ «право-лѣвацкихъ» уклонахъ души. И тотъ летчикъ съ развязной самоувѣренностью рассказывалъ, что красная армія — армія національная, любящая Россію и что будетъ день, когда она прогонитъ отъ себя коммунистовъ и сольется съ «бѣлой арміей» и тогда всѣ старые Русскіе офицеры найдутъ въ ней мѣсто и работу.

Тогда его брульонъ, его знанія, его боевой опытъ пригодятся. Онъ перебиралъ въ памяти фамиліи своихъ товарищей по академіи, оставшихся по ту сторону и

служившихъ большевикамъ. Какъ то встрѣтится онъ съ ними? Подастъ имъ руку? Найдеть общій языкъ для разговора? Какъ подойдетъ онъ къ строю вчерашнихъ красноармейцевъ и что скажетъ имъ? И что это будетъ за строй?... Дивизія?... Полкъ?... Хотя бы батальонъ!...

Эти мысли прогоняли сонъ... Но отнять эти мысли, — и не будетъ смысла жить... Что тогда останется?... Ненавидящая, презирающая и плохо это скрывающая жена?... Матерьялистка «мамочка»?... И сынъ — хулиганъ, едва ли не большевикъ, Мишель Строговъ!...

Жить не стоитъ... Засунуть поглубже въ ротъ холодное дуло револьвера и гдѣ нибудь въ глуши... Въ Версальскомъ лѣсу, или въ лѣсу Фонтенебло... «Sauter la cervelle», какъ говорятъ французы.

Жить безъ этихъ мечтаній... О Россіи?... Объ арміи?... О томъ, что еще куда то пригодишься?... Невозможно...

Его жена встала и торопливо совершала свой несложный утренній туалетъ. Полковникъ лежалъ, прикрывъ глаза, и наблюдалъ ее. Какъ обезобразили ее остриженные волосы!... И какая сѣдина въ нихъ!... Когда то онъ такъ сильно и страстно любилъ ее... Цѣловалъ въ шею ниже затылка, гдѣ теперь щетиной торчатъ неопрятные волосы... Бѣдность?... Да, пожалуй, и бѣдность.

— Вставайте, Георгій Димитріевичъ, — повернувшись отъ маленькаго зеркала, сказала ему Ольга Сергѣевна. — А то опять вашу газету не успѣете прочитать.

Полковникъ открылъ давно не спящіе глаза, для приличія потеръ ихъ и сразу обѣими ногами сталъ на полъ. Онъ шагнулъ къ двери, вышелъ въ крошечную переднюю, гдѣ на вехоткѣ лежала Топси, погладилъ заласкавшуюся къ нему собаку, открылъ ей дверь и крикнулъ внизъ:

— Нифонтъ Иванычъ, откройте, пожалуйста, дверь собакъ... Какая погода?...

Снизу, откуда былъ слышенъ стукъ молотка, раздался бодрый стариковскій голосъ:

— Заразъ, ваше высокоблагородіе.

Молоточекъ прекратилъ свою дробь. Внизу скрипнула дверь, и тотъ же голосъ добавилъ:

— А похода есть — дождь!

VI.

Топси — собака особенная. Когда и кто училъ ее этимъ премудрымъ штукамъ — никто не помнитъ. Кажется, полковникъ, когда былъ безработнымъ, скуки ради, объяснялъ внимательно желтыми топазами, не мигая смотрѣвшей на него собакѣ, что у газетчика въ ларькѣ на *place de la Gare* есть разныя Русскія и французскія газеты. Есть «Возрожденіе», гдѣ редакторомъ Петръ Бернгардовичъ Струве, другъ Добровольческой Арміи, и есть «Послѣднія Новости», гдѣ редакторомъ Павелъ Николаевичъ Милюковъ — врагъ Добровольческой Арміи, есть газета «*Liberté*» — хорошая газета и есть газета «*L'Humanité*», очень даже скверная газета. По утрамъ надо приносить газету «Возрожденіе». Полковникъ подносилъ къ носу Топси еще влажный, утренній номеръ и давалъ его нюхать. Топси слегка воротила носъ — пахло совсѣмъ невкусно — типографской краской, — но брала, брезгливо поджимая губы и языкъ и морщась, свернутый номеръ и покорно шла за полковникомъ. Потомъ она научилась дѣлать это самостоятельно. Газетчикъ давалъ ей нужную газету, получая отъ полковника расчетъ по окончаніи мѣсяца.

Топси выбѣжала за калитку крошечнаго палисадника, по узкой дорожкѣ, покрытой асфальтомъ, пробѣжала къ воротамъ, мимо маленькихъ, еще спящихъ дачъ и свернула на *rue de la Gare*.

Моросилъ мелкій дождь. Непріятная была погода.

«Людямъ хорошо», — думала Топси, — «у нихъ есть зонтики, а какъ я донесу газету, не промочивъ ее? Полковникъ опять будетъ ругаться, а «мамочка» выгнать изъ теплой комнаты отъ «саламандры», и будетъ

ворчать, что отъ меня пахнетъ псиной... Эхъ, жизнь собачья!...»

Поднявъ на спинѣ ершомъ шерсть, Топси, бѣжала знакомыми улочками, избѣгая *place du Marché*, гдѣ всегда бывали собаки, и гдѣ жилъ отвратительный кобель Марсъ, длинный, на короткихъ лапахъ, съ жесткою, какъ щетина, во всѣ стороны торчащею шерстью шоколаднаго цвѣта и съ мордой, такъ заросшей волосами, что еле были видны черные глаза. И это чучело морское, говорятъ, — люди, конечно, говорятъ — очень модная собака!... Этотъ негодяй не пропускалъ ни одной корзинъ съ салатомъ, или картофелемъ, ни одной груды кочановъ цвѣтной капусты, положенныхъ подлѣ ларьковъ на рынкѣ, чтобы ихъ не опрыскать. Завидѣвъ Топси, дѣловито бѣгущую съ газетой въ зубахъ, онъ норовилъ наскочить на нее сзади и осѣдлатъ ее своими безобразными, короткими лапами. Онъ тогда тяжело дышалъ, какъ толстый старикъ, и длинный красный языкъ торчалъ изъ безобразной, косматой, шерстистой морды, какъ флагъ революціи надъ лохматыми головами пролетаріата. Надо было увернуться, огрызнуться, можетъ быть, даже и хватить зубами нахала, а какъ это сдѣлать, когда газета зажата въ пасти и нельзя ее выронить на грязной дорогѣ?

У газетнаго ларька стоялъ Лимонадовъ. Топси знала его. Это былъ пожилой господинъ, поэтъ, кажется, единственный Русскій, съ кѣмъ полковникъ никогда не раскланивался. Говорятъ: — большевикъ!... Топси было непріятно становиться при немъ на заднія лапы, опираясь передними о край прилавка и ждать, когда торговецъ достанетъ нужную газету.

Лимонадовъ о чемъ то говорилъ съ газетчикомъ, кивая головою на собаку, и оба смѣялись.

Продавецъ подаль газету Топси. Той хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ непріятной компаніи, и она, схвативъ газету клыками, и стараясь возможно меньше намочить ее на дождѣ, опрометью бросилась отъ прилавка.

Лимонадовъ и газетчикъ провожали ее почему то дружнымъ хохотомъ.

«Мерзавцы!...»

Полковникъ ждалъ въ «мамочкиной» комнатѣ, гдѣ кипѣлъ на примусѣ коричневый кофейникъ и пахло кerosиномъ, кофе и булками. Тамъ сидѣлъ совсѣмъ готовый, чтобы идти на работу Мишель Строговъ въ каскеткѣ на затылкѣ, и, держа обѣими руками большую тяжелую чашку, пилъ горячій кофе.

Топси, какъ это и полагалось по ея собачьему ритуалу, открыла лапой притворенную дверь, подбѣжала, любезно извиваясь всѣмъ тѣломъ и виляя короткимъ, обрубленнымъ хвостомъ, къ полковнику, сѣла передъ нимъ, осторожно толкнула его лапой и подняла голову съ газетой.

Но полковникъ вмѣсто того, чтобы взять газету изъ зубовъ Топси, поласкать ее по головѣ и дать ей кусочекъ сахару, сдѣлалъ свирѣпыя глаза и такъ посмотрѣлъ на Топси, что та перестала вилять хвостомъ и уронила газету на полъ.

— Ты что принесла, стерва?... А?...

Топси виноватыми глазами смотрѣла на полковника.

— Нѣтъ, посмотрите, пожалуйста, какая это каналья здѣсь издѣвается надо мною!... Я этому мерзавцу Жюльену пойду и морду набью!

Полковникъ схватилъ съ пола свернутый, мокрый листъ газеты и съ силою злобно ударилъ имъ по носу Топси. Собака отвернулась и заморгала глазами. Въ жолтыхъ топазахъ отразились недоумѣніе и страхъ. Полковникъ сталъ бить приникшую къ землѣ собаку по чѣмъ попало. Топси жалобно визжала. На ея визгъ вбѣжали теща и Ольга Сергѣевна.

— Ты мнѣ что принесла, дрянь? — бѣшено кричалъ полковникъ. — Ты мнѣ жидовскую газету принесла!... Ты что издѣваешься надо мною?..

— Оставьте собаку, Георгій Димитріевичъ, — закричала Ольга Сергѣевна. — Развѣ она понимаетъ, что ей даютъ?... Можетъ быть «Возрожденіе» сегодня не вышло почему либо, и газетчикъ ей далъ эту газету.

— Не брать была должна!... Я ее, дуру, училъ... Сколько разъ нюхать давалъ и ту и другую.

— Ее читать было нужно учить, а не нюхать, — сказалъ съ насмѣшкою Мишель Строговъ и съ трескомъ поставилъ на круглый столъ пустую чашку.

— Ты что щен...

Мишель Строговъ узко поставленными, строгими, сѣрыми, маленькими глазами посмотрѣлъ на отца и повелъ широкими плечами. Лицо изъ подъ круглой рабочей каскетки казалось наглымъ. Что то хулиганское, «большевицкое» было въ немъ и отъ взгляда Мишеля, насмѣшливаго и властнаго холодъ прошелъ по жиламъ полковника. Молніей пробѣжала мысль: — «трогать его нельзя. Нынѣшняя молодежь... Ей что?... Она и на отца руку подниметь... Или совсѣмъ уйдетъ... А онъ съ его шофферскимъ заработкомъ — главная опора семьи».

Полковникъ сталъ совать газету въ пасть собакѣ и говорить сердито, стараясь не глядѣть на сына.

— Пойди и переѣни!... Пойди и переѣни!

Мишель Строговъ все такъ же насмѣшливо, какъ взрослый на задурившаго ребенка смотрѣлъ на отца. Потомъ вздернулъ плечами, шмыгнулъ носомъ и, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ изъ комнаты. Его тяжелые башмаки загремѣли по лѣстницѣ. Звонко щелкнула желѣзная калитка палисадника.

— Позвольте мнѣ газету, Георгій Димитріевичъ, — сказала теща. — Я пойду и переѣню вамъ ее.

Неонила Львовна была въ старомодной — изъ Россіи еще — черной шляпкѣ грибомъ, въ черномъ старомъ платьѣ, подобранномъ по манерѣ прабабушекъ резиновымъ пажомъ, въ порыжѣлой накидкѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Она отобрала отъ полковника газету, крикнула собаку и пошла къ дверямъ. Топси, поджавъ хвостъ въ сознаніи горькой обиды, покорно шла за нею. Въ прихожей она взяла въ зубы корзину. Это была другая ея обязанность — носить за «мамочкой» провизію.

Полковникъ, сердито фыркая, пилъ кофе. Противъ него сидѣла Ольга Сергѣевна.

— Хотя бы воспользовались случаемъ и хоть разъ почитали газету другого направленія. А то на все смо-

трите глазами «Возрожденія», — говорила она наигранно спокойно.

Полковникъ мрачно молчалъ. Онъ косился на часы, бывшіе у него на ремешкѣ на рукѣ и рассчитывалъ, успѣетъ онъ встрѣтить тещу, или проще самому взять у газетчика, да за одно и выругать его. И онъ придумывалъ слова, чтобы газетчикъ не слишкомъ обидѣлся. «Espèces de pouilles» — не сильно ли будетъ?... Хотѣлъ спросить у жены, да побоялся: — смѣяться надъ нимъ станетъ.

Они вышли вмѣстѣ. Молча, толкаясь раскрытыми зонтиками — полковникъ все никакъ не могъ научиться носить зонтикъ — спустились по узкой пѣшеходной дорожкѣ къ станціи. Молча сидѣли рядомъ въ вагонѣ и, когда вышли, — онъ пошелъ вверхъ по набережной, она направилась къ мосту съ золотыми статуями, самому красивому мосту въ Парижѣ, носившему гордое, славное и звучное имя: — «мостъ Императора Александра III».

Разставаясь они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Не кивнули другъ другу головой. Не улыбнулись ласково. Они все давно сказали другъ другу, и новыхъ ласковыхъ словъ у нихъ не было. Они не понимали одинъ другого и потому не могли простить, онъ ея холодности къ нему, она той тяжелой трудовой бѣдности, что смѣнила ихъ когда то безпечальное, красивое житіе въ прежней Россіи.

Этотъ мостъ съ золотыми статуями всякій разъ невольно блескомъ своего имени возвращалъ ее къ воспоминаніямъ Петербургскаго дѣтства. Печальная улыбка накладывала складки на ея еще красивое, увядающее лицо, и она шла, широко раскрывъ громадныя, лучистые глаза и никого не видя. Она спотыкалась о каменные плиты, попадала ногою въ лужи и осуждала всѣхъ тѣхъ, кого считала виновниками потери прекраснаго прошлаго и въ ихъ числѣ и своего мужа.

«Георгій Димитріевичъ», — думала она. — «Какъ ей... тогда... казалось... Георгій Побѣдоносецъ... Димитрій Донской — побѣдитель татаръ на Куликовомъ по-

лѣ... И не побѣдоносецъ... Ку-у-да!... И чьи теперь побѣды, въ чьихъ рукахъ Куликово поле и берега Дона и Непрядвы?...»

VII.

Этотъ день былъ для Топси сложнымъ и труднымъ. Когда съ утра не повезетъ, то ужъ не повезетъ!

Но Топси съ честью вышла изъ труднаго положенія и Зося, «ами» Фирса Агафошкина, когда выслушала рассказъ Неонилы Львовны о всѣхъ подвигахъ Топси, хлопнула себя мокрыми руками по бедрамъ — она стирала Фирсово бѣлье — и, блистая свѣтло голубыми глазами, воскликнула:

— Алэ яки у насъ Топси, прошэ пани... Тэразъ вшысци о ней бэндонъ мувить...

И точно Топси отличилась на все мѣстечко. Она шла очень разсѣянная за Неонилой Львовной. Ея собачья совѣсть была смущена. Чѣмъ она такъ провинилась передъ полковникомъ?.. За что ее ругали и били?.. Она принесла какъ всегда газету?.. Что же такое случилось?..

Въ булочной было много народа. Неонила Львовна отобрала шесть простыхъ булочекъ для ужина и три хрустящихъ «круассана» себѣ для кофе, положила еще въ корзину большой вѣсовой хлѣбъ и все это сдала Топси. Въ своемъ разсѣянномъ съ утра состояніи Топси и не замѣтила, какъ старуха вышла изъ булочной. Топси выскочила на улицу съ корзиной въ зубахъ и посмотрѣла по сторонамъ. Нигдѣ не было видно старухи. Топси вернулась обратно, поставила корзину въ углу и сѣла рядомъ. Она думала: — «дождусь». Но сейчасъ же сообразила, что «мамочка» могла пойти рядомъ въ мясную. Топси выскочила было снова, но тотчасъ и вернулась.

«Развѣ можно въ теперешнее время оставить корзину съ булками?... Нынче народъ такой ненадежный. Вотъ, хоть взять того же Лимонадова? Съ газетой это

непремѣнно онъ что нибудь подстроилъ. Пакость какую нибудь сдѣлалъ!... Свиснетъ кто нибудь у меня корзину, а я отвѣчай... Люди!... Они такіе!... Отъ нихъ всего можно ожидать!...»

Булочникъ заинтересовался поведеніемъ собаки. Онъ, казалось, читалъ ея мысли. Это онъ все потомъ и рассказалъ «мадамъ Олтабассоффъ».

Топси между тѣмъ снова взяла корзину въ зубы и пошла съ нею искать Неонилу Львовну. Она, не входя въ мясную, оглянула глазомъ покупателей. Неонила Львовны тамъ не было. Дошла до мелочной «épicerie», тамъ Неонила Львовна всегда брала масло. Нѣтъ... И тамъ не было старухи. Топси постояла у дверей въ раздумьи и пошла обратно въ булочную.

«Хватится меня, а не меня, такъ булокъ и придетъ «мамочка» обратно въ булочную. Не пойдетъ она до мой безъ своихъ хрустящихъ круассановъ. Теперь, когда всѣ ушли, самое то старухино счастье начинается. Усядется съ газетой и станетъ кофеи распивать».

Топси поставила корзину въ самый уголъ и легла рядомъ.

И точно — Неонила Львовна вернулась. Булочникъ рассказалъ ей всѣ собачьи маневры, и старуха ласкала собаку, впрочемъ не столько за ея умъ, сколько въ отместку за побои полковника. Они шли вмѣстѣ подъ мелко сѣющимъ дождемъ. Старуха подробно рассказывала собакѣ, какое наказаніе для нихъ всѣхъ отъ тупого солдафона полковника и какъ онъ сегодня былъ несправедливъ къ Топси, а та слушала ее, поднимая временами на нее желтые топазы своихъ глазъ и настораживая уши. Топси хотѣлось все рассказать про Лимонадова, да какъ скажешь, когда во рту тяжелая корзина съ провизіей и совсѣмъ не умѣешь говорить по человѣчески? Вилать хвостомъ?... Направо и налѣво?... Но это только Александръ Ивановичъ Купринъ знаетъ «пуделиный языкъ», а мамочка — та ничего не пойметъ».

Дома опять были рассказы про Топсинъ умъ... Восторговъ было не обобратъся. Нифонтъ Ивановичъ ска-

заль: — «Экій умъ Господь всякой твари послалъ».

Фирсова «ами» цѣловала собаку и повторяла:

— Алэ яки у насъ Топси, панъ Нифонъ, тэразъ
вшысци о ней бэндонъ мувить.

VIII.

Задолго до того, какъ рѣзкою, надоѣдливою, заливистою трелью по всему сквозному домику зазвучалъ будильникъ Мишеля Строгова, когда еще было темно на дворѣ, и бѣдный разсвѣтъ не могъ пробиться сквозь туманы дождевой сѣтки — жолтымъ огнемъ за-свѣтились узкія окна маленькаго подвальчика и на крыльцѣ появился старый Нифонтъ Ивановичъ.

Онъ въ черномъ пальтишкѣ, надѣтомъ поверхъ грубаго холщеваго бѣлья — еще съ Дона — въ деревянныхъ, французскихъ башмакахъ «сабо» на босу ногу и съ непокрытой головой. Щуря узкіе глаза, онъ представляетъ лицо, лобъ и волосы холоднымъ каплямъ и жмурится, вглядываясь вдаль. Лучшее умываніе — Божья роса.

Въ мутныхъ проблескахъ свѣта его взоръ упирается въ высокую стѣну изъ тонкихъ плитокъ бетона со-сѣдняго дома, видитъ блеклыя черныя георгины и голыя сирени въ палисадникѣ, простую желѣзную рѣшетку, калитку и чуть бѣлѣющее пятно жестяного ящика для писемъ.

Онъ тяжело вздыхаетъ.

«А дома то что?» — съ тоскою думаетъ онъ. Съ от-вращеніемъ вдыхаетъ утренній воздухъ и, несмотря на свѣжесть, широкими ноздрями большого носа ощущаетъ запахъ керосиновой и бензинной гари. Онъ слышитъ греготаніе большого города, міровой столицы, Вавилона ужаснаго.

Сколько разъ, вотъ такъ же по утрамъ онъ стоялъ на маленькомъ крылечкѣ бѣлой, мазаной хаты на хуторѣ Поповскомъ. И такъ же осенью была непогода и

съ ночи сѣялъ маленькій дождь. Но тамъ утромъ!... Боже!... Какая красота была тамъ ранними зорями, даже и въ хмурные осенніе дни! Хата стояла на краю хутора. За низкимъ тыномъ, обвитымъ косматымъ терновникомъ чернѣла степь. И надъ нею — и какъ это всегда было красиво и полно Божьяго величія — подъ черными осенними тучами золотой разсвѣтъ пылалъ. Въ тѣ часы подъ такимъ же... да никогда не подъ такимъ, а подъ свѣжимъ душистымъ, съ неба спадающимъ дождемъ сами собою Давидовы псалмы лѣзли на память и удивительныя молитвы слагались въ головѣ.

«Господи, отрада моя, прибѣжище мое, красота міра Твоего передо мною и къ Тебѣ простираю руки мои».

А какой густой терпкій духъ полыни и этого особаго степного, земляного воздуха шелъ отъ широкой дали! Вдругъ перебьетъ его соломенною гарью — у сосѣда, знать, печь растапливать стали, — отнесетъ дымокъ въ сторону, и опять запахъ земли, безпредѣльной степи и старого жнивья. Отъ большой скирды хлѣбомъ пахнетъ. Навозомъ отъ сарайчика. Овцами изъ недалеко, камнями обложенной кошары... И народятся звуки. Запоютъ третьи пѣтухи, залаетъ собака у Байдалаковыхъ, и ей отвѣтятъ другія по всему хутору. И потомъ вдругъ на минуту все смолкнетъ. Станетъ тогда слышно, какъ вздыхаютъ лошади, со звономъ льется молоко въ ведро. Значить, тетка Марья съ Аниськой пришли доить коровъ.

— Да... Хорошо!... Ахъ хорошо!...

Нифонтъ Ивановичъ замѣчаетъ, что пальтишко его намокло и съ сѣдыхъ прядей холодныя капли бѣгутъ по бритымъ щекамъ и падаютъ на сѣдые усы.

Пора за работу.

На маленькой газовой плиткѣ, въ жестяномъ чайникѣ ключомъ кипитъ вода. Чернѣетъ рядомъ въ кастрюлкѣ, плаваясь, вонючій сапожный варъ.

— Фирсъ, — кричитъ старикъ за перегородку.

Оттуда слышенъ шопотъ, смѣшокъ, будто поцѣлуи, шлепокъ по спинѣ, и появляется Фирсъ, невымытый, лохматый, по модѣ остриженный — копна волосъ на темени, а надъ ушами такъ гладко острижено, что скво-

зить желтая кожа. Лицо кругомъ бритое — на казака совсѣмъ не похожій. На бѣлую съ голубыми полосками рубашку, безъ воротника и безъ галстука, накинуть потрепанный пиджачишко, штаны въ полоску спускаются едва до щиколотокъ, а на большихъ ногахъ обуты толстоносые американскіе рыжіе ботинки.

— Здравствуйте, дѣдушка, Нифонтъ Ивановичъ, — развязно говоритъ Фирсъ.

— Ты, братъ, раньше морду да лапы помой, да Богу помолись, а тады уже здоровкайся.

Фирсъ идетъ къ умывальнику съ проведенной водой въ углу комнаты и плещется тамъ. Потомъ у зеркала расчесываетъ жесткіе, перьями торчащіе волосы и подходитъ къ дѣду, протягивая руку съ широкою ладонью.

— Бонжуръ гран-пэръ, — говоритъ онъ, громко фыркая. Ему нравится его шутка.

— Обормотъ... Право обормотъ, — ворчитъ дѣдъ, — А ты что же Богу то молился?

— Какъ я могу молиться, Нифонтъ Ивановичъ, коли ежели я сомнѣваюсь? Кругомъ, можно сказать, такая культура... Автомобили, метрополитэнъ, Тур - д - Эйфель, Трокадеро... — Тутъ молитва мнѣ кажется жестокой сарказмой.

— Обормотъ... И въ кого ты такой дурной уродился?..

— Ну, что вы, Нифонтъ Ивановичъ, одно слово затвердили... Тутъ такое образованіе... Права человѣка... Рентабельность...

— Ты... Образованный... — сердито кричитъ дѣдъ. — Ты какъ дратву то держишь. Ты мнѣ эдакъ только товаръ портишь... Образованный... Тебѣ сколько годовъ?

— Двадцать третій пошелъ.

— Это тебѣ уже въ первой очереди служить... Я въ твои годы какъ джигитоваль... Ты на лошадь сѣсть не сможешь!... Образованный... Съ какой стороны къ ей подойти такъ и то не знаешь.

— Съ правой... Нѣтъ... съ лѣвой... Конечно, съ лѣвой.

— Съ лѣвой... Дурной... Ты къ ей подходи такъ, чтобы она тебя издаля восчувствовала. Уваженіе тебѣ оказала. Ты къ ей съ любовью... Огладь!... Осмотри!... Чтобы большой палецъ подъ подпругу пролѣзаль... За луку потрогай... Поводъ разбери... А тады уже садись по приему, какъ учили... Вотъ это тебѣ красота будетъ.

— Что жъ, Нифонтъ Ивановичъ, старыя то пѣсни пѣть. Нынче, какая такая лошадь?... Ее теперь можетъ въ зоологическомъ саду только и сыщешь. Теперь — машина. Еропланы по небу, таньки по землѣ. Я видалъ войну то въ синема. Совсѣмъ даже не такъ, какъ вы рассказываете... Люди въ землѣ закопались... Лошади нигдѣ и не видать... Людей на каміонахъ везутъ... Соскочутъ и заразы въ землю ушли... Тамъ бетонъ... Газы... Вотъ она война то такъ обернулась... Да и теперь, какая такая война, когда Лига Націй и образовательный милитаризмъ.

— Обормоть...

Старикъ наклоняется подлѣ низко опущенной электрической лампочки и стучитъ молоткомъ по кожѣ, натянутой на деревянную колодку.

Такъ работаетъ онъ, молча, хмуро, сердито сверкая сѣрыми глазами, пока не услышитъ голосъ полковника:

— Нифонтъ Ивановичъ, откройте собакѣ дверь.

XI.

День проходитъ въ работѣ. Нифонтъ Ивановичъ и Фирсъ тачають сапоги, подбивають подметки, наставляютъ каблуки, ставятъ заплатки — работа черная, дешевая, неблагодарная. Весь уголъ подвала заваленъ старыми башмаками съ мѣловыми отмѣтками на рваныхъ подошвахъ, и нудно пахнетъ отъ нихъ старою кожею и людскою, нечистою прѣлью. Рядомъ Зося готовитъ обѣдъ и тутъ же стираетъ бѣлье.

Обѣдаютъ молча. Дѣловито суютъ ложки въ общій

чугунокъ, тарелки обтирають корками бѣлаго хлѣба.

Послѣ обѣда Нифонтъ Ивановичъ дремлетъ чашокъ на своей постели. Рядомъ за перегородкой шушукуются, охаютъ и вздыхаютъ Фирсъ съ Зосей. Нифонтъ Ивановичъ молчитъ. «Что жъ дѣло молодое», — думаетъ онъ. — «Нехорошо, что съ полькой... И опять же... Невѣнчанные»...

Съ двухъ часовъ снова стучать молотки, снуетъ игла съ дратвой, шило ковыряетъ кожу. Пахнетъ казачьими щами и варенымъ мясомъ, но постепенно этотъ запахъ сѣдается запахомъ сапожнаго лака. Малиново-коричневая, блестящая подошва новыхъ подметокъ чинно выстраиваются на окнѣ.

— Тутъ этого... Деревянныхъ гвоздей никакъ не знаютъ... Тутъ все машиной... А какой съ ей прокъ... Съ машины то... Двѣ недѣли поносилъ и дырка, — ворчитъ старый дѣдъ. — А онъ ожерелокъ да халстукъ нацѣпить и ховорить: — культура!...

Онъ ждетъ шести часовъ. Тогда можно пошабашишь.

Покончивъ съ работой Нифонтъ Ивановичъ поднимается къ полковницкой квартирѣ и, хотя — вотъ она кнопка электрическаго звонка, — онъ осторожно стучитъ.

— Вы, Нифонтъ Ивановичъ? — отзывается изъ своей комнаты Неонила Львовна.

— Я, ваше превосходительство.

Нифонтъ Ивановичъ отлично знаетъ, что Неонила Львовна совсѣмъ не генеральша, и мужъ ея былъ по гражданской части, но знаетъ и то, что «масломъ каши не испортишь».

— Дозвольте газетку.

Получивъ газету, Нифонтъ Ивановичъ спускается въ палисадникъ и садится на «вольномъ воздухѣ» читать.

Читаетъ онъ медленно. Читаетъ онъ всю первую и послѣднюю страницы, пропуская фельетоны. «Тамъ зря пишутъ... Брехня одна»... Онъ поджидаетъ полковника. Нордековъ возвращается въ половину седьмого, и

какъ бы ни былъ усталымъ, — всегда присядетъ поболтать со старымъ казакомъ. Въ немъ онъ чувствуетъ челоуѣка единомышленнаго, одинаково сильно страдающаго за Россію и не могущаго примириться съ жизнью заграницей.

Едва полковникъ показывается у желѣзной рѣшетки, Нифонтъ Ивановичъ поднимается со скамейки, вытягивается и, если былъ въ шапкѣ, снимаетъ шапку. Нифонтъ Ивановичъ не любитъ носить шляпы.

— Уже очень неподобные тутъ уборы, — объяснялъ онъ свое нерасположеніе къ заграничнымъ шляпамъ. — Котелки — на нѣмца похоже... Фулиганскія шляпы — ну чисто — «товарищи»... Мягкую шляпу взять — не то тальянецъ, не то ахтеръ.

— Здравствуйте, Нифонтъ Ивановичъ, — защелкивая калитку, говоритъ полковникъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе.

— Ну, какъ вы?

— Какъ вы, ваше высокоблагородіе?... Не слыхали ли чего утѣшительнаго? Можетъ изъ Россіи что слышно?... На Тихомъ Дону не поднимаются ли наши?... Что Бріанъ насчетъ перемѣны политики?... Пора бы, кажется, суть дѣла понять... Уже кругомъ идетъ... Хуже некуда!... Можетъ дѣдъ Хинденбургъ чего не надумалъ?... Али по прежнему съ большевиками?... съ хриstopродавцами?...

Ничего утѣшительнаго не было слышно. Дни шли за днями, вытягиваясь въ длинную очередь, становились годами, и нечего было сказать полковнику Нордекову старому казаку Агафошкину такого, отъ чего дружно надеждою забились бы ихъ сердца.

— Что жъ, ваше высокоблагородіе, — съ тоскою въ голосъ говорилъ Нифонтъ Ивановичъ, — пора, наконецъ, и въ походъ. Нюжли же не увидимъ родной земли? Тихому Дону не поклонимся низко?...

Тогда говорилъ полковникъ все то, что слышалъ на ихъ собраніяхъ, что прочиталъ въ газетахъ, во что и самъ не вѣрилъ, но чему такъ хотѣлъ вѣрить.

— Да... да... конечно... Положеніе кругомъ и точно напряженно тяжелое. Въ Англіи Макдональдъ и Гендер-

сонъ — рабочее правительство. Они не понимаютъ того, что творится въ Россіи... Они думаютъ, что тамъ и правда рабоче крестьянская власть.

— А не куплены они, бываетъ, ваше высокоблагородіе? — тихо вставляетъ Нифонтъ Ивановичъ.

— Нѣтъ.. не думаю... Не можетъ того быть... Хотя?... Отчего?... Теперь все можетъ быть... Германія за-
давлена Версальскимъ миромъ и ищетъ спасенія въ большевикахъ... Все это точно вѣрно... Но отчаяваться нечего. Просвѣтъ есть... Вы посмотрите, повсюду идутъ протесты противъ гоненій на вѣру, собираются многочисленные митинги... Работаетъ Лига Обера...

— Имъ, ваше высокоблагородіе, протесты что!... Имъ надо, чтобы по шапкѣ наклали по первое число. Нагайками ихъ какъ слѣдуетъ надо бы...

— Все таки... И въ самой Россіи... Пятилѣтка имъ не удастся... А когда послѣ этого страшнаго напряженія будетъ все тотъ же голодъ, та же нищета... Народъ непременно возстанетъ...

Нифонтъ Ивановичъ тяжело вздыхаетъ.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, трудно ему воз-
стать. У нихъ сила...

— Отчаяваться, Нифонтъ Ивановичъ не приходится. Отчаяніе это уже послѣднее дѣло. Надо вѣрить въ милосердіе Божіе и молиться.

— Это точно... А только...

Нифонтъ Ивановичъ растерянно мнетъ въ рукахъ газету.

— Вѣра, ваше высокоблагородіе, отходить... Мой Фирсъ отъ Бога отошелъ. Мамашу вашу, ея превосходительство, взять... Я осуждать, конечно, не смѣю... Лба никогда не перекрестить... А образованныя очень... Да и какъ быть вѣрѣ, когда въ самой церкви шатаніе идетъ.

Нифонтъ Ивановичъ смущенно какъ то показываетъ мѣсто на послѣдней страницѣ, и полковникъ читаетъ: — «церковь... Въ воскресенье... митрополичьимъ хоромъ... Подъ управленіемъ.. будетъ исполнена литургія А. Т. Гречанинова...»

Полковникъ поднимаетъ на Нифонта Иванова глаза.

— Ну?

— Вы изволили прочесть?... «Начало въ десять часовъ тридцать минутъ утра»... Это что же такое?... Какъ с кіятрѣ объявляютъ... Нѣтъ тебѣ, чтобы трезвономъ въ колоколъ ударить... По православному... Нѣтъ, какъ о смотрѣ какомъ пишутъ: — начало!... Вы понимаете: — «начало»!!... Опять же, ваше высокоблагородіе... Литургія... Какая бываетъ литургія?... Какъ положено... Іоанна Златоуста... Василия Великаго, когда какая указана. Это какая же такая литургія Гречанинова?... Соблазнъ челоуѣкамъ... Тамъ жертва великая, безкровная у алтаря приносится... Тамъ предстоятъ надо со страхомъ и трепетомъ... Тамъ Ликъ Божественный видѣть можно... Тамъ херувимы и серафимы... А тутъ, какъ въ Парамунтѣ какомъ господа въ гусарскихъ мундирахъ зазываютъ. «Впервые будетъ исполнено»... «Начало въ десять съ половиною часовъ»... Это же, ваше высокоблагородіе, только господа такое могли придумать. которые, какъ ваша мамаша невѣрующіе...

— Это не такъ, Нифонтъ Ивановичъ, — начинаетъ сбѣяснять полковникъ, и не находитъ словъ объяснить Нифонту Ивановичу, зачѣмъ это такъ дѣлается.

— Это, ваше высокоблагородіе, Парижъ, — говоритъ старый Агафоскинъ и въ это слово вкладываетъ весь ужасъ своего отчаянія.

Онъ смотритъ на ворота переулочка.

— Ну, ваше высокоблагородіе, пошабашимъ до завтрава. Барыня ваша идутъ.. возвращаются.

И какъ два школьника, боящіеся попасться въ запрещенномъ куреніи, они быстро шмыгаютъ изъ садика. Нифонтъ Ивановичъ сбѣгаетъ въ подвалъ, полковникъ торопливо поднимается во второй этажъ и нажимаетъ пуговку электрическаго звонка. Его сердце быстро бьется. Онъ торопится войти такъ, чтобы Ольга Сергѣевна не замѣтила его на лѣстницѣ.

Х.

Такъ и жили они, обитатели виллы «Les Cocci-nelles» въ № 24 по rue de la Gare маленькаго припа-рижскаго мѣстечка. Раньше, когда они были въ Россіи, до войны, ихъ жизни сливались въ одну общую, какъ сливались жизни полковника, Ольги Сергѣевны и Шу-ры. Тогда была у нихъ одна общая вѣра въ Бога — не Карловацкая и не Евлогіанская, не восточно-католиче-ская и не краснаго епископа, присланнаго изъ Совдепіи. Тогда было все равно, куда ходить молиться — въ ари-стократическую церковь при министерствѣ Удѣловъ, или молиться со «всѣми» во Владимірскомъ соборѣ, или другой «приходской» церкви. Вѣра была одна — пра-вославная. И служители ея не вызывали никакихъ со-мнѣній.

Тогда былъ Царь. Государь Императоръ, о комъ благолѣпно, величественно и благоговѣйно возгла-шали моленія въ церквахъ всей Россіи. Когда незадолго до войны пріѣзжалъ Государь въ Ялту — Ольга Сер-гѣевна видѣла путь къ молу чуть не по ступицу колесъ усыпанный цвѣтами:—розы, глициніи, нарциссы, магно-ліи, — все дождемъ сыпалось подъ ноги лошадей вѣн-ценоснаго Монарха и его супруги — Матушки Царицы... Какое возбужденіе, какой восторгъ были на Ялтинскомъ молу, гдѣ Императрицей былъ устроенъ благотвори-тельный базаръ и гдѣ стояла ошвартованная у мола Императорская яхта.

Тогда было — Отечество. Не Украина, не Польша, не Казакстанъ, не Армянская республика, но великая Россійская Имперія — владычица трехъ океановъ. Отъ Калиша до Владивостока, отъ Торнео до Батума — все была одна Россія, съ однимъ языкомъ, съ однимъ ца-ремъ, съ разными религіями, но съ одною святою вѣ-рою.

Если и тогда не всѣ жизни сливались въ одну линію, стремящуюся къ одной цѣли — карьерной ли, обогащенію ли, къ славѣ ли, къ благополучію, къ жерт-

венному ли исполненію долга, то шли онѣ параллельно, какъ шли тогда жизни полковника и Нифонта Ивановича. Другъ друга тогда они не знали, но въ своемъ служеніи Родинѣ и царю были совершенно единомышленны.

Теперь, когда, какъ то вдругъ и совершенно неожиданно — не на то они рассчитывали, когда одни сознательно, другіе бессознательно шли за границу — вышло такъ, что не стало у нихъ Родины, стали они «sans Patrie», «Heimatlos» «бѣженцы», «эмигранты», вдругъ и жизни ихъ разошлись и, исходя изъ одной точки — виллы «Les Coccinelles» — стремительно, пучкомъ уходили въ разныя стороны, гдѣ были разныя понятія, разные идеалы, гдѣ не было дружбы и любви, но гдѣ были скрытая вражда и непониманіе другъ друга.

Все дальше уходила Ольга Сергѣевна отъ полковника. И жутко было слушать Георгію Димитріевичу, какъ иногда, узнавъ, что онъ сдѣлалъ взносъ въ полковое объединеніе — она фыркала и со злобою ворчала:

— Игра въ солдатики... Все бросить этого не можете?... Музей полка... Могила дорогого покойника... Кладбище старыхъ мечтаній... Разбитое корыто... Не зачѣмъ было мѣнять Государя на временное правительство... Домѣнялись!... Проворонили все!!...

Полковникъ тогда до верху застегивалъ свое крашеное англійское пальто, поднималъ воротникъ и уходилъ изъ дома. Онъ шелъ на берегъ Сены и долго ходилъ взадъ и впередъ, ничего не видя, никого не замѣчая. Все то, что такъ жестоко и больно осуждала Ольга Сергѣевна было для полковника — вѣрой. Вѣрой въ побѣду, въ возвратъ того стараго, лучше чего не было въ его жизни. Потерять эту вѣру... И что останется?... Вилла «Les Coccinelles»?...

Когда старуха Неонила Львовна вдругъ пускалась — обыкновенно послѣ вечерняго чая — въ свою философію и, куря папиросу за папиросой, рассказывала о стратосферѣ, объ электронахъ, энергія которыхъ такъ велика, что всякаго бога затмить, о томъ, что на высотѣ пяти километровъ воздухъ такъ чистъ и заряженъ

электричествомъ, что тамъ никакія болѣзни невозможны, полковникъ сосредоточенно и мрачно курилъ.

— Какъ же, — говорила Неонила Львовна, пыхая папиросой и съ ненавистью глядя въ лицо полковника. — Ученый одинъ.. Французъ, конечно... Устроилъ свою лабораторію на самомъ на Мон-Бланѣ. И что то изъ него... изъ его тѣла стало выдѣляться. Онъ отжалъ и собралъ цѣлую коробку... Произвелъ анализъ... Вся мочева кислота, что была въ немъ, вышла безъ всякихъ тамъ уродоналовъ, Виши и прочаго... Онъ совсѣмъ помолодѣлъ... Живой такой сталъ... Здоровый... Будетъ время — города будутъ поднимать на пять километровъ и даже и выше, въ стратосферу. И тамъ будутъ жить вѣчно... Безъ всякаго Бога... Вотъ оно что такое современная наука!

Она упрямо вскидывала голову, и сѣдя космы встряхивались на ея затылкѣ. Ольга Сергѣевна съ недоумѣніемъ, но безъ всякой любви смотрѣла на «мачочку». Полковникъ глядѣлъ съ отвращеніемъ. Мишель Строговъ слушалъ внимательно, сурово глядя въ ея лицо узко поставленными, напряженными глазами.

— Этого, бабушка, нельзя, — вдругъ строго и внушительно перебилъ онъ старуху. — Никакъ этого нельзя, бабушка. Теперь вотъ трудящемуся человѣку послѣ шестидесяти лѣтъ работы не даютъ... И правильно... Не загромождай мѣста... Давай дорогу молодымъ силамъ... А въ будущемъ? Я такъ полагаю, недалеко даже будемъ — какъ стукнуло шестьдесятъ — ну и не дыши... Очищай землю отъ своего ненужнаго присутствія... Дали нюхнуть тамъ чего — и готово... Вотъ это наука!... Это культура!... Къ тому идемъ, бабушка.

Нѣсколько мгновений старуха со страхомъ, Мишель Строговъ съ холоднымъ любопытствомъ смотрѣли въ глаза другъ другу. Потомъ всѣ, точно сговорившись, не прощаясь, не пожелавъ другъ другу «спокойной ночи» — какая сентиментальность — расходились по своимъ комнатамъ.

Ну развѣ не шли они по линіямъ, уходящимъ все дальше и дальше другъ отъ друга... Развѣ было у нихъ что нибудь общее, что связывало бы ихъ, кромѣ зара-

ботной платы и возможности платить за «Les Coccinelles» и какъ то питаться?...

Только съ Нифонтомъ Ивановичемъ и было у полковника нѣчто общее. Оба шли, какъ будто, по близкимъ параллельнымъ линіямъ, тосковали одинаково по прошлому и ждали и вѣрили.

Да... крѣпко, несокрушимо, не колеблясь, вѣрили...

И все-таки все больше было тоски и скорби въ голосѣ стараго казака, когда онъ спрашивалъ — и теперь все болѣе и болѣе несмѣло — «что утѣшительнаго привезли, ваше высокоблагородіе, изъ Парижа?... Не надумали ли чего въ Палатѣ Депутатовъ въ помощь Россіи?...»

Но ничего уже утѣшительнаго не могъ рассказать дѣду Агафошкину старѣющій полковникъ Нордековъ.

Такъ и жили они всѣ вмѣстѣ, въ одномъ маленькомъ, точно карточномъ домикѣ, гдѣ будилъ ихъ всѣхъ по утрамъ будильникъ Мишеля Строгова. Казалось въ этой борьбѣ, не за жизнь уже, но просто за прозябаніе, они забыли, что есть на землѣ любовь, слава, честолюбіе, что есть гдѣ то Родина, за которую надо непрерывно бороться...

XI.

Въ яркій ноябрьскій полдень, когда надъ Парижемъ вдругъ точно разостлали голубое Ницское небо, и воздухъ сталъ прозраченъ, а Сена голубѣла, зеленѣла и текла полноводная отъ пролившихъ дождей, заливая колѣни каменнымъ статуямъ зуавовъ на Парижскомъ мосту, совсѣмъ неожиданно, прямо съ вокзала на такси, на виллу «Les Coccinelles» приѣхала изъ Союза Совѣтскихъ социалистическихъ республикъ, изъ Россіи, изъ Петербурга племянница Ольги Сергѣевны — Леночка.

Впрочемъ ея появленіе не должно было быть такъ

уже неожиданнымъ. Ее ждали, но какъ то не вѣрили, что она пріѣдетъ. Ибо какъ можно оттуда пріѣхать?...

У «мамочки», Неонилы Львовны Олтабасовой, былъ младшій братъ, Алексѣй Львовичъ, крупный чиновникъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на видномъ посту. Онъ умеръ въ тюрьмѣ еще при Временномъ Правительствѣ. У него была дочь Софья Алексѣевна, вышедшая замужъ за доктора Зобонецкаго. Докторъ Зобонецкій въ 1920 году умеръ отъ голода. Вдова осталась съ шестилѣтней дочерью Леночкой и проживала въ Троцкѣ, подъ Петербургомъ. Вдова Олтабасова, Александра Петровна, бабушка Леночки, умудрялась регулярно переписываться съ Неонилой Львовной, и по этой перепискѣ на виллѣ «Les Coccinelles» кое-что знали о жизни въ совѣтской республикѣ.

Было всегда почему то жутко получать письма, большею частью открытыя, гдѣ коротко, Эзоповскимъ языкомъ сообщалось о той страшной жизни. Почтовая карточка переходила изъ рукъ въ руки. Внимательно, какъ что то чуждое и, пожалуй, враждебное разсматривали коричневую, напечатанную въ углу марку съ изображеніемъ космато - бородатаго мужика съ густыми волосами копной и четко оттиснутый почтовый штемпель съ такимъ страннымъ и дикимъ словомъ Русскими буквами: — «Ленинград», «4 эксп.»... Въ лѣвомъ углу было изображеніе земного шара, перечеркнутаго бѣлымъ оттискомъ серпа и молота въ вѣнкѣ изъ ржи, обвитомъ лентою съ такими мелкими, что только одни зоркіе глаза Мишеля Строгова могли прочитать — да и прочитать ли? — вѣрнѣе догадаться — надписями: — «пролетарии всехъ странъ соединяйтесь»...

Карточка обычно была написана или карандашомъ, или какими то блѣдными лиловыми чернилами, вѣроятно разбавленными водою, такими, какихъ за граница не знаетъ. Съ лицевой стороны и, надо полагать, на зло, — въ этомъ сказывался характеръ Олтабасовой, тамъ, гдѣ стояло: — «Куда» — «наименование места, где находится почта, и губернии или округа, а для станцій наименование железной дороги» — было написано твердымъ размашистымъ почеркомъ: — «Madame Neonile

Oltabassoff», а пониже шель адресъ, по французски, и тамъ, гдѣ значилось: — «Кому. Подробное наименованіе адресата» — стояло: — «Франція. Париж».

Въ письмѣ, всегда по старой орѳографіи, писали о чемъ то загадочномъ, за чѣмъ скрывалось ужасное.

...«Дядя Петя, совсѣмъ того не желая, уѣхалъ очень далеко. Александръ Сергѣевичъ, о которомъ я писала, что онъ получилъ казенное мѣсто совсѣмъ къ намъ никогда не воротится. А мы живемъ хорошо и ни въ чемъ, кромѣ развѣ хорошаго воздуха, не нуждаемся. Въ смыслѣ кормежки было трудно и дорого. Брать у частника многое не могу, но все таки кое что перепадало. Ты мнѣ не пиши. Нечего писать: — все про тебя знаемъ и жалѣемъ. Погода испортилась, опять пошли дожди»...

Собравшись вокругъ лампы въ комнатѣ Неонилы Львовны письмо расшифровали.

— Дядю Петю очевидно сослали въ Соловки, — печально говорила Ольга Сергѣевна.

— Ну можетъ быть еще и въ Нарымъ, — вставилъ хмуро полковникъ.

— Жаль... А надо было ожидать. Не такой былъ человекъ, чтобы гнутья.

— А про дожди — это, мамочка, про разстрѣлы.

— Да, — вздыхала Неонила Львовна, — опять тер-роръ. — И, забывъ про свои «винтики», съ глубокою печалью въ голосъ добавляла: — ну, никто, какъ Богъ.

Въ эти минуты чтенія короткой открытки «оттуда», точно вдругъ сходились расходящіяся линіи ихъ жизней. Дуновеніе Родины сближало ихъ, и разошедшаяся семья снова ненадолго собиралась.

И на другой день, когда Нордековъ возвращался со службы, старый Нифонтъ Ивановичъ поджидалъ его у самой калитки и, вкрадчиво и любовно заглядывая полковнику въ глаза, спрашивалъ:

— Слыхать, ваше высокоблагородіе, ихъ превосходительство письмо изъ Россіи получили... Ну что тамъ пишутъ?... Скоро ли окончаніе всей этой муки?...

И странно было думать, что полученіе открытки изъ Петербурга въ Парижѣ, отъ вдовы тестя — событіе, и что нельзя было написать туда все, что думаешь, что

это грозило для получателя арестомъ, тюрьмою, можетъ быть, — смертною казнью. И уже никакъ нельзя было поѣхать туда, навѣстить вдову тестя, племянницу и поглядѣть на внучку.

Но еще страннѣе было то, что такъ просто, какъ къ чему то неизбѣжному и неотвратимому относились къ тому, что дядю Петю, ученаго профессора, ушедшаго въ свои гербаріи, о которомъ нельзя было даже представить, что онъ сдѣлаетъ что нибудь противозаконное, такъ — «здорово живешь» — сослали въ ссылку, или что Александра Сергѣевича — ихъ большого друга, товарища Георгія Димитріевича, ни за что ни про что разстрѣляли. Объ этомъ говорили съ какимъ то эпическимъ спокойствіемъ, какъ о нормальной смерти ста двадцати лѣтняго старика, не возмущались, не плакали, не служили панихидъ.

Иногда Александра Петровна писала и о Леночкѣ.

...«Леночка поступила въ школу второй ступени...»
«...Леночка кончила школу второй ступени...»

Невозможно было представить себѣ Леночку въ совѣтской школѣ. Чему тамъ учили? Какъ воспитывали?... Ольга Сергѣевна возмущалась, что тамъ школа была безъ Бога, а «мамочка» скорбѣла, что Леночка навѣрно не говоритъ по французски.

— Развѣ что Александра Петровна ее научить.

Этимъ лѣтомъ пришелъ конвертъ, надписанный рукою старухи Олтабасовой. Въ немъ не было письма, но лежала вырѣзка изъ газеты. Съ одной стороны были отчеты о театрахъ... «Въ Филармонии»... «Подсчитали — прослезились», гдѣ рассказывалось о крахѣ какого то совершенно непонятнаго «театрального отдела куб'а».

На другой сторонѣ была небольшая замѣтка: — «В суде. Жилкошмар», подписанная Н. С—скимъ. Эту замѣтку прочитали. Была полна она такого ужаса, что даже не сразу могли понять весь смыслъ ея содержанія.

Авторъ коротко и сухо, — стоитъ ли много писать о такомъ обыкновенномъ въ совѣтскомъ быту происшествіи — повѣствовалъ:

...«Сухое обвинительное заключеніе говоритъ о дикомъ кошмарѣ, и о томъ, какъ изъ за нѣсколькихъ метровъ жилплощади не дали жить человѣку. Убили его не просто, а предварительно затравивъ.

«26-го сентября прошлаго года, послѣ прохода поѣзда изъ Ленинграда на Лугу, на 43 километрѣ Варшавской дороги, былъ найденъ перерѣзанный колесами трупъ неизвѣстной женщины. Голова была пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ, тѣло исковеркано, но крови вытекло очень мало. Это вынудило врача отказаться отъ дачи заключенія о причинѣ смерти гражданки Софіи Зобонецкой.

«Зобонецкая съ дочерью Еленой снимала двѣ комнаты въ домѣ, арендованномъ Андреемъ Аггусомъ по улицѣ Юнаго Ленинца въ Троцкѣ. Семья Аггуса была очень не мала, кромѣ того, онъ поселилъ у себя семью Древицкихъ. Тамъ же жила гражданка Барашкина.

«Аггусъ усиленно таскалъ Зобонецкую по судамъ, обвиняя ее то въ умышленной порчѣ комнаты, то «въ нагломъ поведеніи и ругани». Помогали Аггусу въ этихъ судебныхъ похожденіяхъ мужъ его сестры, членъ Троцкого горсовѣта и жиличка Барашкина.

«Тѣмъ не менѣе выселить Зобонецкую имъ не удавалось. Для того, чтобы «допечь» Зобонецкую, Аггусъ не гнушался подсылать къ ней пьяныхъ гробовщиковъ, якобы за срочнымъ заказомъ.

«Наконецъ, Зобонецкая была найдена мертвой на рельсахъ.

«Аггусъ за бутылкою вина разсказалъ всю исторію расправы съ Зобонецкой. Онъ оглушилъ ее ударомъ гири по головѣ на площадкѣ вагона, въ которомъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Зобонецкой въ Ленинградъ по какому то умышленному, срочному дѣлу. Доканавъ старуху, онъ сбросилъ ее на полотно, въ заранѣе условленномъ мѣстѣ, гдѣ дожидались жена его и жиличка Барашкина, которой за содѣйствіе было обѣщано перевести ее въ лучшую комнату. Они и подложили трупъ подъ поѣздъ, чтобы замести слѣды.

«Барашкина черезъ два мѣсяца не вынесла угрызений совѣсти и отравилась.

«Не довольствуясь убійствомъ, Аггусъ укралъ всѣ цѣнныя вещи Зобонецкой, хранившіяся на чердакѣ.

«Дѣло объ убійствѣ изъ за жилплощади на дняхъ будетъ слушаться въ Окружномъ судѣ...»

Когда прочли это газетное извѣстіе, какъ всегда всякую вѣсточку «оттуда», всею семьею, за вечернимъ чаемъ, Ольга Сергѣевна почувствовала, что на нее это кошмарное убійство не произвело впечатлѣнія. Оно не входило, не умѣщалось въ рамки ихъ Парижской жизни. Потомъ, изъ короткаго обмѣна мнѣній съ мужемъ и «мамочкой», — она убѣдилась въ томъ, что ихъ поразило не самое убійство — къ убійству они отнеслись холодно: — иначе и быть не могло въ совѣтскомъ раю — но ихъ удивило, что у Зобонецкой могли быть цѣнныя вещи. Значить, не все отобрали. А еще болѣе поразило ихъ, что убійца былъ арестованъ, что пособница Барашкина изъ за угрызений совѣсти отравилась, а самое дѣло будетъ слушаться въ окружномъ судѣ.

Имъ все въ совѣтской республикѣ казалось такимъ кошмарнымъ сномъ, такую чудовищною неразберихою, что убійство близкаго человѣка ихъ не поразило — оно входило въ совѣтскій бытъ, какъ входили въ него бессмысленные аресты и казни невинныхъ людей. Ихъ поразило, что тамъ все таки была какая то жизнь и вмѣстѣ съ нею какая то правда, въ которую входили и угрызения совѣсти и арестъ убійцы и преданіе ихъ суду.

Повидимому и на самага близкаго человѣка къ Зобонецкой, на ея мать, самый фактъ убійства тоже не произвелъ большого впечатлѣнія. Въ очередномъ письмѣ открыткѣ ничего по этому поводу не писалось. Старая Олтабасова помянула только про внучку.

...«Леночка поселилась у меня»...

Потомъ пришло извѣстіе, что такъ какъ Леночка выросла, она озабочена ея будущимъ: — «хлопочу послать Леночку къ вамъ и это мнѣ повидимому удастся»...

Потомъ очень долго не было писемъ, и, такъ какъ ни денегъ, ни визъ ни откуда не просили, то какъ то и позабыли о томъ, что Леночку посылають въ Парижъ. Да и казалось это такимъ невозможнымъ... «Оттуда и въ Парижъ»!...

И вдругъ Леночка явилась сама, что называется — «собственною персоной» и совѣтъ не робко, но увѣренно позвонила въ дребезжащій звонокъ въ переулочкѣ у дома, имѣвшаго номеръ 24-ый.

XII.

Леночка ощутила странную легкость, когда отдала шофферу такси послѣдніе восемнадцать франковъ, показанный счетчикомъ, прибавила два франка на чай, и у ней осталась какая то мелочь — дырявые сантимы и темно мѣдные су.

Она была въ блѣдно-голубой, блеклаго, вялаго цвѣта высыхающихъ васильковъ шляпкѣ колпачкѣ, въ короткомъ, выше колѣнъ, не модномъ уже платьѣ и кофточкѣ. Все было очень старое и заношенное. Особенно плохи были чулки желто-розоваго цвѣта и всѣ въ штопкахъ. Башмаки были стоптаны, и на пескѣ, гдѣ стояла Леночка, переминаясь съ ноги на ногу, выдавливали маленькій слѣдокъ ея ножки, и въ немъ отпечатывалась глубокая дырка на подошвѣ.

Она позвонила еще разъ. Никто не открывалъ калитки. Крошечные домики въ паутинѣ плюща, съ окнами, заставленными ставнями, точно склеенные изъ картона казались необитаемыми. Но на веревкѣ палисадника между ржавыхъ георгинъ сушилось бѣлье и изъ калитки вдругъ выскочила большая темная собака и съ лаемъ бросилась къ воротамъ.

Леночка испугалась. Но собака понюхала воздухъ, посмотрѣла желтыми, умными глазами въ глаза дѣвушкѣ и, толкнувъ носомъ калитку, выскочила на улицу и убѣжала.

Леночка, убѣдившись, что калитка не замкнута, вошла въ узкій дворикъ тупичокъ. Справа были высокія слѣпныя стѣны сосѣдняго дома, слѣва палисадники и маленькія дачки. Леночка шла и читала надписи на бѣлыхъ эмалированныхъ дощечкахъ.

...«Les Platanes», «Villa les Tilleuiles», «Les Eglantines»... «Les Coccinelles»...

Леночка остановилась. Да, конечно, она помнила это имя. Ей его часто называла бабушка. Здѣсь и должна жить ея Парижская бабушка.

Она вошла въ открытую калитку. Сухія вѣтки кустовъ привѣтствовали ее. Черные стволы засохшихъ георгинъ торчали изъ клумбъ. У бетоннаго крылечка Леночка остановилась, не зная, кого спросить. Снизу изъ подвального окошка высунулась лохматая голова. Копна волосъ на темени, бритые виски, — совсѣмъ какъ у ихъ совѣтскихъ атлетовъ на пролетарскомъ стадіумѣ, гдѣ упражняются физ-культурники.

— Кэ дезир мадамъ?...

Какой это былъ ужасный французскій языкъ!... Леночка умѣла таки говорить по французски. Конечно не въ школѣ второй ступени она научилась этому, а дома, у Ленинградской бабушки. И произношеніе у нея было совсѣмъ Парижское, съ красивымъ раскатомъ на «р».

На вопросъ на такомъ ужасномъ французскомъ языкѣ и отвѣчать по французски не хотѣлось. Неужели это ея двоюродный братъ Шура Нордековъ, о комъ такъ много говорила ей ея мать? Она смутно помнила его мальчикомъ — комсомольцемъ.

Леночка посмотрѣла на окошечко подвала. Оно раскрылось совсѣмъ и голова «физ-культурника», покоящаяся на широкой шеѣ, появилась въ немъ. За шеей слѣдовала рубаха безъ воротника и безъ галстука, облегающая могучія плечи.

Леночка вопросительно сказала, подчеркивая французское произношеніе Русской фамиліи:

— Madame Oltabassoff?...

Физ-культурникъ выразительно ткнулъ пальцемъ вверхъ и твердо по русски сказалъ:

— Звоньте во второй этажъ. Пуговка налѣво. Мамочка дома. Знать кофій пить.

Леночка поднялась и позвонила. За дверью зашмыгали мягкія туфли, и передъ Леночкой въ растворенной двери появилась старуха со стриженными волосами —

ни дать, ни взять — сама Крупская — Ленинская супруга, совѣтская «вдовствующая императрица».

— Вамъ кого? — спросила старуха.

— Я... Леночка... Зобонецкая...

— Ахъ ты... Боже мой!...

Мягкія пахнуція кофеемъ объятія охватили Леночку. Такъ въ объятіяхъ она и вошла въ комнату. Тамъ было сумрачно. На простомъ кругломъ столѣ безъ скатерти кипѣлъ на примусѣ кофейникъ. Въ проволочномъ лоткѣ лежали маслянистыя подковки.

— Ну, садись, — отдуваясь отъ волненія, проговорила старуха. — Шляпу сними... Стриженная... Что жъ и правильно... Для работы лучше... А хорошенькая... въ мать.

Леночка и точно была прелесть какая. И что то было особенное Русское — въ ея лицѣ съ чуть широкими скулами, выдающимися у висковъ, прозрачною смуглинкою, сквозь которую просвѣчивалъ персиковый румянецъ, съ пушистыми бровями. Подъ ними въ темной опушкѣ очень густыхъ и длинныхъ, по дѣтски загнутыхъ вверхъ рѣсницъ, сияли молодостью, золотою шампанскою игрою горѣли большіе каріе глаза. Волосы были темно каштановые, губы маленькія, сердечкомъ, безъ краски пунцовыя, носъ небольшой, задорно вздернутый, по Русски открытый. Когда Леночка сняла безобразившую, не по ней сшитую, съ чужого плеча кофту, она оказалась высокой и стройной, съ маленькими, не слишкомъ чистыми, послѣ дороги, руками и стройными ногами прекраснѣйшихъ линій.

Она сѣла противъ «мамочки».

— Голодная?.. Ну, ничего... Потерпи... Пока вотъ кофею попей... Съ круассанами... По нашему — подковки... У нихъ, у французовъ, круассанами прозываются.

Леночка была очень голодна. Она второй день ничего не ѣла. Денегъ хватило въ обрѣзъ. У нея послѣ долгаго пути, ночей, проведенныхъ въ «жесткомъ» вагонѣ кружилась голова, и ей казалось что полъ ходилъ подъ ногами, какъ въ поѣздѣ.

Ея маленькій облѣзлый чемоданчикъ, такой легкій,

что она сама его и принесла былъ поставленъ на соломенный стулъ. Неонила Львовна кивнула на него.

— Всѣ твои вещи тутъ?

— Всѣ, бабушка.

— Какъ же ты доѣхала?...

Леночка не поняла вопроса. Она смотрѣла на старуху и молчала.

— Какъ тебя, говорю, выпустили?... Съ какимъ паспортомъ?...

— Съ нашимъ... Совѣтскимъ, — робко сказала дѣвушка.

— Ты тутъ этого не болтай... Заклюютъ... Ольга тебѣ все устроитъ. Чтобы шито, крыто. Полковникъ чтобы не пронюхалъ... Со свѣта сживетъ. Всю чистоту его бѣлыхъ ризъ испортишь.

Неонила Львовна пожевала губами. Леночка жадно пила кофе. Подковки исчезали за ея молодыми, бѣлыми, сверкающими изъ за алыхъ губъ зубами. Она плохо соображала, что ей говорила старуха. Все было такъ необыкновенно и совсѣмъ не такъ, какъ ей представлялось это въ ея думахъ во время дороги.

— Безбожница?

Леночка искоса посмотрѣла на бабушку и точно насторожилась.

— У насъ, бабушка, не учили... Мама когда то говорила немного.

— Да ты не смущайся. Я и сама такая. Своимъ умомъ до всего дошла. Ни къ чему всѣ эти поповскія исторіи.

Надолго замолчали. «Мамочка» налила еще чашку Леночкѣ.

— Пей, милая. Ты голодна. Я еще приварю. На вотъ тебѣ хлѣбца пожуй... Съ масломъ.

Неонила Львовна достала съ небольшого буфета длинную тонкую булку, приготовленную къ обѣду, сливочное масло и поставила передъ Леночкой.

— У васъ всего изобиліе, — тихо сказала, прожевывая булку съ масломъ, Леночка. — Намъ говорили: — у васъ голодъ большой. Ничего не хватаетъ.

— Все врутъ, милая. И тутъ, какъ и тамъ врутъ. А ты не вѣрь... Никому и тутъ не вѣрь.

И опять замолчали.

Неонила Львовна смотрѣла, не сводя глазъ на Леночку. Все было въ ней такъ необычно. «Съ совѣтскимъ паспортомъ», — думала старуха. — «Хуже, чѣмъ съ волчьимъ... Право — лучше бы «желтый билетъ» у ней былъ... Никуда не примутъ. Ни туда — ни сюда... И замѣнить, сколько хлопотъ будетъ. Гдѣ помѣстить ее?... Какъ содержать?... Ъсть то какъ много!... Куда ее устроить?... Что она умѣетъ дѣлать?... Ну, помѣстить?... Помѣщу къ себѣ. Больше и некуда. Рядомъ полковникъ съ Ольгой... Не къ нимъ же?... Наверху — Шурка дуракъ... Мишель Строговъ... А деньги?... Надо какънибудь поддержать... Вѣдь брата родного внушка»...

Послѣ кофея разставляли въ маленькой комнатушкѣ мебель, устраивая ложе для Леночки. Разсматривали ея барахло. Вещей, бѣлья, платьевъ у дѣвушки ничего не оказалось. Все надо будетъ купить.

— Деньги то, Лена, есть ли у тебя?

Дѣвушка со смѣхомъ высыпала содержимое старого Русскаго кошелька на столъ.

— Вотъ, посчитайте: — тридцать пять... нѣтъ... вру... сорокъ сантимовъ. Всѣ и мои капиталы... Настоящая капиталистка... Буржуйка... Я, бабушка трудовой народъ... Пролетарка стопроцентная...

ХІІІ.

Послѣ ужина вся семья осталась сидѣть за круглымъ столомъ. Мишель Строговъ не сводилъ узкихъ глазъ съ милаго лица Леночки. Полковникъ слушалъ, задавая отъ поры до времени вопросы, и каждый его вопросъ заставлялъ Леночку умолкать, настораживаться и уходить въ себя.

«Нѣтъ все-таки она очень запугана», — думала, наблюдая Леночку, Ольга Сергѣевна.

Леночка оживленно рассказывала своимъ не всегда понятнымъ языкомъ о томъ, какъ проводится смычка города съ деревней, о работѣ въ кол-хозахъ, о задачахъ пятилѣтки. Она говорила такъ, точно ей шелъ не восемнадцатый, а по крайней мѣрѣ тридцать пятый годъ и была она проповѣдницей новой вѣры.

— У насъ... Америкѣ не уступить... Черезъ два года переплюнемъ и Америку.

— Такъ у васъ же голодъ!... Голыми люди ходятъ! Вонъ въ какихъ лохмотьяхъ вы пріѣхали, смотрѣть страшно. Тебѣ, Леля, надо будетъ завтра со службы отпроситься, да въ «Самаритѣнъ» ее свести, одѣть, обуть надо, — рѣзко сказалъ полковникъ.

— Это... голодъ, дядя, пока, — быстро и твердо, какъ заученный урокъ сказала Леночка.

— Ну... А какъ красная армія?...

Точно какая то вѣнь пробѣжала по глазамъ Леночки. Какъ то рѣзче выдались скулы.

— Ничего, дядя.

— Ну, а все-таки?... Въ Бога, напримѣръ, не вѣрить?...

— Кто хочетъ вѣрить... Кто не хочетъ... Никто не насилуетъ, — холодно отвѣтила Леночка. Ея оживленіе какъ то сразу пропало.

Ольга Сергѣевна пришла на помощь племянницѣ.

— Ты маму вспоминаешь?...

— Да.

— Какъ же ее похоронили?...

— Обыкновенно какъ... Отвезли въ Троцкѣ на кладбище и зарыли...

— Безъ священника, — съ ужасомъ сказала Ольга Сергѣевна.

— Гдѣ это еще такой Троцкѣ? — возмутился полковникъ и закурилъ чуть не десятую папиросу. Разговоръ его очень уже волновалъ. Онъ потомъ признавался, что у него было такое чувство, какое бываетъ, вѣроятно у собаки, когда та лааетъ на кошку, забравшуюся на дерево. Весь онъ какъ то подобрался и напружился. Въ виски у него стучало. Очень хороша была Леночка и такъ напоминала ему его Лелю, когда пер-

вый разъ увидалъ онъ ее на гимназическомъ балу. И вмѣстѣ съ тѣмъ было въ ней нѣчто чуждое и какъ бы страшное... «Совдепка»!...

— Священникъ... Очень дорого... И мама?... Она никогда не ходила въ церковь.

— Ну, а какъ же эти люди, которые?... Ты съ ними потомъ жила?... Видалась?... Ужасные, должно быть, люди, — плохо скрытая брезгливость и пренебреженіе были въ голосѣ Ольги Сергѣевны. Она не посмѣла сказать прямо: — «убійцы твоей матери».

— Тетя... Послушайте... Но мама же сама была во всемъ виновата. Она ихъ все хамами называла... Они на это обижались. И потомъ. Вотъ у васъ тѣсно. А тамъ жил-площадь ужасно какая маленькая... А у мамы двѣ комнаты... Ну и они злились.

Нѣтъ, Леночка не осуждала убійцъ своей матери. Она ихъ понимала. И страшной казалась ей чисто Русская красота. Она была другая. Изъ другого міра, гдѣ инныя были понятія и новая была мораль. И что въ ней было — своя правда, которой ни полковникъ, ни Ольга Сергѣевна не могли постигнуть, или страшная безъоглядная сатанинская ложь? Это сразу почувствовали, и даже самоувѣренный и самовлюбленный Мишель Строговъ понималъ, что Леночка говоритъ точно на какомъ то другомъ языкѣ.

Она принесла съ собою на виллу «Les Coccinelles» большія заботы. Прежде всего заботы матеріальныя. Нордековы еле концы съ концами сводили. «Мамочка» давно продала все, что только можно было продать. Она готовила ужинъ и прибирала комнаты, тѣмъ помогая своей дочери и зятю. Мишель Строговъ былъ «самъ по себѣ». Съ него взятки были гладки. Онъ платилъ за столъ и квартиру и врядъ ли онъ далъ бы что нибудь на Леночку. Устроить Леночку на службу, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время было невозможно... Сразу было видно, что она ничего не умѣла дѣлать. Пролетарская школа второй ступени не дала ей ничего для того, чтобы она могла зарабатывать хлѣбъ. Правда она знала французскій языкъ. Рукодѣліемъ не занималась, по Русски писала — по совѣтски, — значить: — здѣсь это

ни къ чему. Манеры у нея были такія, что даже въ треть-разрядный ресторанъ подавальщицей ея не приняли бы. И притомъ — красота!... Оригинальная Русская, съ французской точки зрѣнія — экзотическая — красота!... Ей гейшу на сценѣ безъ грима играть! Въ Русскомъ сарафанѣ Русскую плясать!... да умѣетъ ли еще? При ея годахъ, при ея морали — скользкій это былъ путь и ни Ольга Сергѣевна, ни даже Неонила Львовна не хотѣли рисковать толкнуть на него Леночку.

Внесла она и заботы моральныя. Съ совѣтскимъ паспортомъ!... Какъ сказать объ этомъ знакомымъ?... Безбожница?... Какъ повести ее въ церковь? гдѣ такой красавецъ и святой священникъ... Пріѣхала изъ Совѣтской Россіи. А у исповѣди была?... Ее спрашивать стануть, а она вотъ какая!... Чуть посерьезнѣе вопросъ и замолчитъ, уйдетъ, какъ улитка въ раковину, ежомъ свернется въ клубокъ, и только красивые глаза горятъ исподлобья недобрымъ, недовѣрчивымъ огнемъ... Точно и не человѣкъ, а какой то хищный, красивый звѣрекъ.. Какъ такую покажешь ихъ колоніи?... Заподозрятъ чего добраго въ шпіонажѣ?... Чураться будутъ ихъ дома. Совдепка!... Какое это страшное слово! Хуже чумы, или оспы. Точно заразно больная у нихъ появилась... Какъ, почему ее выпустили?... Вотъ другія бѣгутъ, съ опасностью для жизни тайкомъ перебираются черезъ границу, идутъ «нелегально». Выходятъ фиктивно замужъ за латышей, эстонцевъ, поляковъ... А она съ совѣтскимъ паспортомъ!... Значитъ, были у ней какія нибудь заслуги передъ совѣтской властью. Значитъ что то въ ней есть... ее бы спросить?... Да, такъ она вамъ и отвѣтитъ!... Вотъ она какая! Полковникъ спросилъ ее: — «есть ли въ красной арміи барабаны?...»

— Не знаю, — коротко и рѣзко сказала Леночка.

— А какіе конные полки видали вы въ Петербургѣ?

— Я никакихъ полковъ не видала, — какъ ножомъ отрезала Леночка.

Развѣ съ ней согласишься?

Леночку уложили пораньше спать. Глаза у нея слипались. Очень она устала съ дороги. «Мамочка» и Нордековы заперлись въ полковницкой комнатѣ на семей-

ный совѣтъ. Говорили шопотомъ. Стѣны тонкія, дверь, какъ изъ картона. Французскій домъ... Пересчитали отложенное на черный день на случай чьей нибудь болѣзни или смерти: — тысяча двѣсти тридцать франковъ. Еще полковникъ могъ въ своемъ объединеніи позаимствовать двѣсти. На эти деньги надо обрядить Леночку. У нея всего одна рубашечка, да и та такая заношенная, что здѣсь ни одна прачка не возьметъ ее стирать.

Завтра въ часы перерыва Ольга Сергѣевна откажется отъ завтрака и поѣдетъ съ Леночкой въ «Samaritaine» одѣть ее. Мамочка привезетъ ее до Парижа. На *Marché des ruses* полковникъ ей купитъ какое нибудь *sommier*, подушку и одѣяло.

Когда разошлись они всѣ трое, наконецъ, по постелямъ было у нихъ на душѣ что то особенное. Смущена была ихъ душа. Точно вошло въ ихъ жизнь что то новое, неизвѣстное и страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и родное, родное, родное!!...

Это чувство, уже засыпая, Ольга Сергѣевна весьма ясно опредѣлила.

— Ты спишь, Георгій, — спросила она.

— Ну?

— Ты знаешь?... Отъ нея Россіей все таки пахнетъ... Вотъ, какъ у насъ сирень пахнетъ... А тутъ цвѣла, а запаха почти и не слышно... Вотъ и мы... Отъ насъ Россіей никакъ уже не пахнетъ... Выдохлись мы... А она, хотя и совѣтская, а все Русская.

— Ну, ну, — промычалъ полковникъ и повернулся на другой бокъ.

XIV.

Странная была Леночка. Она старалась помогать по хозяйству «мамочкѣ». По вечерамъ сидѣла со всѣми за ужиномъ, но почти всегда молчала. Если ее о чемъ нибудь спросятъ — она коротко отвѣтитъ: — «да»... «нѣтъ». А больше отзовется незнаніемъ: — «не слыжала»... «не знаю»...

Но, когда всё уѣдутъ въ городъ на службу, и «мачочка», напившись кофею, приляжетъ «на часокъ» — отъ 2-хъ до 5-ти, — Леночка тихой мышкой сбѣжитъ въ подвальчикъ къ Нифонту Ивановичу.

Старый казакъ сидитъ на низкомъ стульцѣ — такъ почему то полагается сапожнику, — противъ него сучить дратву Фирсь. Изъ открытой въ сосѣдную каморку двери несетъ парнымъ бѣльемъ, тамъ шлепають босые ноги: — суетится Зося со стиркой.

Леночка войдетъ въ каморку и сядетъ на единственный стулъ, предназначенный для заказчиковъ. Такъ сидитъ она довольно долго, наблюдая работу.

— Дѣдушка, дайте-ка и я попробую.

Нифонтъ Ивановичъ охотно ей показываетъ.

— Самое правильное, барышня, по нынѣшнимъ временамъ рукомесо, — наставительно говорить Нифонтъ Ивановичъ. — Новые башмаки съ нынѣшнимъ кризисомъ кто укупить? Подметки всякому нужны... Въ дырявыхъ башмакахъ долго не проходишь. Чинка, заплаты — отбоя нѣтъ... Французы мою работу очень даже уважаютъ... Моя подметка на годъ... Хотя по стеклу толченому ходи.

Леночка поработаетъ съ часокъ. Потомъ отложить работу, откинется на спинку стула и запоетъ:

— Жила была Россія
Великая держава.
Враги ее боялись —
Была и честь и слава.. .

Голосокъ у нея жиденькій и слабый, но поетъ она вѣрно, и такъ жалобно, что Нифонтъ Ивановичъ задумывается и отложить въ сторону инструментъ.

— Теперь ужъ нѣтъ Россіи: —
Россія вся разбилась
Ахъ Солнышко!...
Куда ты закатилось?...

— Эту пѣсню, барышня, у насъ на Лемносѣ тоже пѣли. Ну только не такъ жалостно. Гдѣ вы ее узнали?...

— Въ Ленинградѣ, помню, эту пѣсню дѣтишки пѣли. Вотъ этакія — Леночка показала на полъ аршина отъ земли, — совсѣмъ маленькія... Какъ ихъ ругали!... Запрещали настрого... А они пѣли... Да... Правда... Я помню...

— Поди, кто ихъ училъ.. Не безъ того...

Леночка надолго примолкла. Потомъ вдругъ устремила глаза куда то въ даль, гдѣ точно она что то видѣла давнее и далекое и стала говорить съ какою то внутреннею дрожью:

— Я помню... Это еще тогда... Раньше было... Извожикъ по Загородному ѣдетъ. И на немъ офицеръ съ бѣлымъ околышкомъ... Преображенскій что ли?... Безъ ноги... Раненый, значитъ... Инвалидъ... Ногу у него на войнѣ отняли. И два солдата съ нимъ... Съ ружьями... И, значитъ, бьютъ его... Толкаютъ.. Кровь съ лица течетъ... Да... Правда... А онъ блѣдный, нахмуренный... Что онъ думаетъ?... И молчитъ... Не пикнетъ.. И глаза такіе... Страшные, претрашные... Я хоть и маленькой тогда была, а помню...

Нифонтъ Ивановичъ, сосредоточенно нахмурясь, моталъ рукою съ шиломъ, сшивая кожу. Фирсъ пересталъ работать и внимательно, не мигая, смотрѣлъ на Леночку. Въ мастерской было тихо и только рядомъ негромко плескала вода и мокро шлепало бѣлье...

Леночка подняла опущенную головку и негромко запѣла:

— Схоронили яблочко.

Остался только кончикъ,

А теперь вся наша жизнь —

Кисленькій лимончикъ...

— Вотъ, помню, маму хоронили... Вотъ ужасъ то былъ!... Ее убили и пока тамъ вскрытіе было, да разбирали, почему она умерла, — она, знаете, и протухла. Мнѣ ее изъ больницы выдали — вези на кладбище. Да... просто сказать... Гробовъ нѣтъ... И на прокатъ то взять такъ и то дорого. Барашкина жилица, — она потомъ повѣсилась, — взялась мнѣ помочь. Взяли мы сазанки... А снѣгу то еще и нѣтъ совсѣмъ. Привязали ма-

му и повезли. А салазки, знаете, короткія, и ноги по землѣ волочатся. Кожа даже сходитъ. Кости обнажаются... Вотъ было страшно то...

Въ мастерской стало томительно тихо. У Нифонта Ивановича сосало подъ ложечкой. Слышно было, какъ за стѣной и совсѣмъ недалеко непрерывно гудѣлъ Парижъ. Иногда по rue de la Gare протрещитъ мотоциклетка, и стихнетъ вдали за поворотомъ. Вдругъ громко прошумитъ грузовикъ, стѣны домика затрясутся и опять станетъ тишина, сопровождаемая немолчнымъ гуломъ города гиганта.

— Много и вы повидали, барышня, — какъ то проникновенно, съ большимъ уваженіемъ и глубокою сердечною жалостью сказалъ старый Агафшкинъ.

Леночка посмотрѣла на него. Золотыя искры зажглись въ ея глазахъ. Она погладила Топси, лежавшую на полу между нею и Нифонтомъ Ивановичемъ и сказала съ нескрытою насмѣшкою:

— Послушайте, что вы мнѣ все «барышня», да «барышня»... Какая я барышня?... Или еще того смѣшнѣе, дядю «ваше высокоблагородіе» называете? Такого и слова то нѣтъ... Смѣшно ужасно и дико...

Нифонтъ Ивановичъ растерялся. Онъ не зналъ, что и отвѣтить. Хмуро и со злобою пробурчалъ Фирсъ:

— Потому въ васъ голубая кровь... Слыхали, можетъ быть?

Леночка безтрепетно взглянула прямо въ узкіе, сосредоточенные, такіе же упорные, какъ у Мишеля Строгова, глаза Фирса.

— Это то я давно слышала... Еще тамъ... Помню... Только большевики давно всю голубую кровь выпускали... Нѣтъ ея больше.

— Видать... Осталась...

Нифонтъ Ивановичъ уже нашелся.

— Сколько разовъ я говорилъ тебѣ, обормоть, что никакой голубой крови нѣтъ. Каждый могётъ своего достигнуть... Очень даже просто... Кажный... Отъ солдата до генерала дорога одна: — усердіе къ службѣ, рвеніе передъ Государемъ, вѣра въ Господа, молитва

и храбрость... А голубая кровь очищается черезъ образованіе. Понялъ?...

Фирсъ весь вскипѣлъ. Онъ съ сердцемъ бросилъ на кирпичный полъ колодку и сказалъ со злобою:

— Ежели образованіе, то подавай его всѣмъ равно... Ты инженеръ и я инженеръ... Ты офицеръ и я офицеръ... А то однимъ ниверситетъ съ профессорами, а другимъ начальная школа съ учительшей, что ни бѣ ни мѣ не мэмэкаетъ.

Фирсъ былъ такъ взволнованъ, что вышелъ изъ мастерской и поднялся въ садикъ. Слышно было черезъ окно, какъ онъ тамъ шумно вздыхалъ и чиркалъ спичку — курить собирався.

— Онъ у васъ такой, дѣдушка? — прикрывая маленькой смуглой ручкой ротъ тихо спросила Леночка.

— Какой такой?...

— Большевикъ!..

— Ну да, — недовольно проворчалъ дѣдъ. — Какой онъ большевикъ? Дуракъ стоеросовый и все... Обормоть!...

Леночка вскочила со стула и стремительно прошмыгнула изъ мастерской. Топси, виляя хвостомъ, бросилась за нею.

— Фирсъ Петровичъ, пожалуйста, снизойдите къ намъ. Устроимъ смычку между голубою и алою кровью. Я вамъ пѣсню про ваше сапожное дѣло спою.

Фирсъ, мрачный, накутившійся, нарочно стуча сапогами, спустился въ мастерскую и взялъ колодку. На дѣда онъ не смотрѣлъ. Ворочалъ колодку подъ самымъ носомъ, точно облизать ее хотѣлъ. Леночка стала у окна. Низъ ея тѣла былъ въ тѣни. Только стройный станъ и головка съ растрепавшимися волосами были освѣщены голубоватымъ свѣтомъ. Кончики волосъ свѣтились какъ бы окруженные ореоломъ. Леночка подняла голову и запѣла весело и звонко, не боясь разбудить «мамочку».

— Растоптала я ботинки,
А мой милый сапоги.
Каждый день ходи на сходки,
Митинги, да митинги...

XV.

Вотъ и разгадай ее, эту Леночку? Ни «мамочка», ни Ольга Сергѣевна, ни полковникъ, ни даже самъ премудрѣйшій Нифонтъ Ивановичъ понять ее не могли.

— Ну, какъ ты нашла Шуру? — спросила Леночку Ольга Сергѣевна.

— Ахъ, тетя... Я его совсѣмъ не узнала, такъ онъ перемѣнился. Прелесть. Настоящій человѣкъ. Онъ пробыетъ себѣ дорогу... И что мнѣ особенно нравится — что онъ — Мишель Строговъ!... Значить — безъ предразсудковъ. Отказался отъ отцовской фамиліи и имени. Онъ таки завоюетъ себѣ мѣсто на землѣ.

Леночка искала случая оставаться вдвоемъ съ «настоящимъ человѣкомъ». Она ходила встрѣчать его на станцію и провожала его до дома. Она брала въ свою маленькую ручку его большую сырую отъ работы и усталости руку и такъ шла съ нимъ какъ ходятъ дѣти. Мишель смущался, краснѣлъ, но руки не отнималъ и шелъ, надутый и важный. Они больше молчали. Леночка смотрѣла на него восторженными глазами и не знала, что сказать. Однажды, во время такого шествія она вдругъ и совершенно неожиданно выпалила:

— Мишель!... Я хотѣла бы, чтобы вы мнѣ сдѣлали ребенка.

Она сказала это совершенно серьезно, почти строго, прямо глядя въ немигающіе глаза Мишеля. Сказала съ такою откровенною наивностью, что Мишель смутился и совершенно растерялся. Онъ выдернулъ свою руку изъ ея руки и почти побѣжалъ къ дому. Дома онъ заперся въ своей комнатѣ.

Онъ считалъ себя «безъ предразсудковъ». Но и ему это показалось слишкомъ грубымъ.

Въ эти, какъ разъ дни Топси вдругъ пополнѣла, и Ольга Сергѣевна сказала, что она щенная, что у нея дѣти будутъ, а полковникъ доказывалъ, что это потому, что она кушаетъ слишкомъ много.

И Мишелю Строгову пришла на память Топси. Не

эстетъ онъ былъ, конечно, но сопоставленіе собаки съ тѣмъ, что ему «выпала» Леночка было ужасно. Онъ не хотѣлъ спускаться къ ужину, но матеріальныя соображенія, что за ужинъ имъ заплачено взяли верхъ и онъ сошелъ къ столу.

Леночка была въ рѣдкомъ настроеніи возбужденія, когда ее вдругъ точно прорывало и она говорила затверженные въ школѣ уроки и проповѣдывала новую мораль. Ея лицо пылало. Золотыя искры сверкали въ ея глазахъ. Полковникъ оперся лицомъ на ладони и съ нескрываемой тоскою слушалъ ее. Ольга Сергѣевна плакала. «Мамочка», не мигая, смотрѣла на внучку маленькими, хищными глазками.

— Націонализмъ и патріотизмъ, — рубила Леночка, — чувства, заслуживающія презрѣнія. Я знаю народъ... Кажется повидала его достаточно. Въ школѣ кругомъ меня все были дѣти народа. Народъ не интересуется величіемъ своей Родины. Короли и буржуи выдумали это совсѣмъ ненужное слово. Будущее это — интернаціональ... Намъ съ высокаго дерева плевать на историческія традиціи, на красоту и на религію... Все это продукція прежней болѣзненной сентиментальности... Вы, дядя, давали мнѣ читать Тургенева. Я его не понимаю... Одинъ вздоръ. И Пушкинъ вздоръ — мармеладная конфетка, сладкая резина, что жуютъ американцы.

— Но какъ же, Леночка, поднимая голову на племянницу съ тоскою въ голосъ сказалъ полковникъ. — Вы еще такъ недавно говорили намъ, что, когда кончится пятилѣтка, большевики перещеголяютъ Америку... Вы гордились этою самою Америкою.

— Да... говорила... Ну что жъ?

— Но это же патріотизмъ.. Скрытый патріотизмъ!..

— Ахъ, что вы, дядя!... Это торжественное шествіе интернаціонала!... Это завоеваніе міра большевиками.

Ольга Сергѣевна не могла больше выносить. Она встала и пошла въ переднюю мыть посуду. За нею прошлепала «мамочка». Мишель Строговъ, уязвленный тѣмъ, что Леночка смотрѣла на него, какъ на пустое мѣсто, ушелъ къ себѣ и, запершись на ключъ, углубил-

ся въ чтеніе «Le Sport», единственной газеты, которую онъ признавалъ.

Полковникъ внимательно, съ глубокою жалостью, смотрѣлъ въ прекрасные Леночкины глаза. Она смѣло выдерживала его взглядъ. Ея щеки горѣли, какъ въ лихорадочномъ жару.

— Родина — мать, — тихо сказалъ полковникъ. Ему казалось, что голосъ его былъ тепелъ и глубокъ. Онъ вложилъ много чувства и сердца въ эти слова. — Съ любви къ родителямъ, къ отцу и матери, и начинается патріотизмъ. Семья... Потомъ — Родина... И только послѣ всего этого — человѣчество. Вѣдь любили же вы свою маму, такъ трагически окончившую жизнь?

— Любила?... Я какъ то не думала никогда объ этомъ... Когда мы увязывали съ гражданкой Барашкиной протухшее тѣло на салазки, я не плакала. Я только думала, какъ бы поскорѣе это кончить. Мнѣ было все-все равно. Я точно провѣрила свое дочернее чувство. И, знаете, его у меня не было. Да его и не должно быть. Это чувство животное, не достойное культурнаго человѣка. У прежнихъ людей оно было привито искусственнымъ образомъ черезъ религію. Я не коммунистка и ею никогда не была. Но, когда мы увязывали мамино тѣло, гражданка Барашкина мнѣ сказала, что мама была буржуйка и что она была врагомъ рабочихъ и крестьянъ, вообще всего трудового народа. Я промолчала... Но это была правда. Мама всегда рабочихъ называла хамами. Она ихъ и точно не любила.

— Да... Вотъ оно какъ!... Что же это за новое поколѣніе растетъ въ Россіи?...

Леночка встала. Ея красивая грудь часто вздымалась.

— Это растетъ... Да, конечно, новое поколѣніе... Не смѣшные ваши Рудины, Онѣгины и Райскіе, Донъ Кихоты Россійскіе, на комъ вы хотите воспитывать меня, но поколѣніе, не знающее сентиментализма. Настоящіе борцы за право жить.

— Васъ хорошо и крѣпко учили въ школѣ второй ступени.

— Учили... Да... Но, дядя... Когда такъ жить хочется... Ахъ какъ хочется жить!..

Леночка закинула руки вверхъ и назадъ, охватила ладонями затылокъ и, качая бедрами, вышла изъ комнаты. Она спустилась въ маленькій палисадникъ, въ темноту ночи.

Тамъ она долго стояла, опершись о калитку спиною и смотрѣла на незавѣщенное, ярко освѣщенное окно Мишеля. Но окно было высоко, балкончикъ загромаждалъ его, и не было видно, что дѣлаетъ тамъ Мишель Строговъ.

Въ подвалѣ у Агафошкина погасли огни. Въ комнатѣ у полковника спустили штору и зажгли лампу; полковникъ и Ольга Сергѣевна ушли изъ мамочкиной комнаты. Тогда Леночка медленно пошла домой.

«Зачѣмъ я это говорила», — думала она. — «Развѣ могутъ они понять меня?... Слѣпорожденные... Какъ я могу понять ихъ «Дворянское гнѣздо»?... Гнѣздо... Гнѣздо... Какъ это смѣшно звучить!...»

Она всходила на лѣстницу и повторила уже вслухъ: — Гнѣздо... Это — гнѣздо?... И здѣсь Евгений Онѣгинъ, или Вѣра изъ «Обрыва»... Все у нихъ въ прошломъ!... Все — земное и непонятное... Идеалы... А я тянусь къ будущему... Къ свѣтлому будущему... Къ звѣздамъ!..

XVI.

Съ кѣмъ согрѣшила Топси такъ и осталось невыясненнымъ. Во всякомъ случаѣ врядъ ли съ косматымъ и колючимъ Марсомъ. Щенята родились темненькіе, темнѣе матери и такіе нѣжные и пушистые, точно кроты. Съ тоненькою, короткою, бархатистою шерсткою.

Топси оценилась утромъ въ саду. Въ этотъ день она не принесла полковнику газеты, но по одному перетаскала всѣхъ шесть щенятъ въ зубахъ и положила ихъ на коврикъ подлѣ печки.

Всѣ любовались ими. Даже полковникъ не разсер-

дился на то, что онъ остался безъ газеты. Ольга Сергѣевна, какъ съѣла надъ ними, такъ и свой кофе позабыла и чуть не опоздала на службу. Такіе они были забавные, слѣпые и безпомощные. Такъ славно чмокали они, уткнувшись въ грудь матери. Топси съ благосклонною гордостью показывала ихъ всѣмъ, и заботливо тыкала мордою тѣхъ, кто не сразу находилъ, гдѣ сосать.

Въ этотъ день, кажется, первый разъ полковникъ съ Ольгой Сергѣевной обмѣнялись двумя словами, когда расходились у вокзала Invalides.

— Что же мы будемъ съ ними дѣлать? — сказалъ полковникъ.

— Они прелестные, — сказала Ольга Сергѣевна. Ея грудной голосъ звучалъ тою молодою красотою, которую она нѣкогда покорила Георгія Димитріевича.

И супруги разошлись. Въ этотъ день солнце ярко свѣтило. Сена была въ золотистыхъ искоркахъ и крыша на grand Palais нестерпимо сверкала. Зеленоватые бронзовые кони на ея углу несли колесницу съ голымъ богомъ въ голубыя дали. По небу плыли розовые барашки. Само небо походило на тѣ яркіе плафоны, что украшаютъ Версальскій дворецъ. Казалось, что вотъ вотъ раздвинутся шире розовыя облака, обратятся въ раковины, въ гирлянды цвѣтовъ, и изъ за нихъ проглянетъ въ серебряномъ хитонѣ торжественно шествующая Аврора, окруженная трубящими въ золотыя трубы геніями.

Дѣлать что то со щенятами было нужно. Въ тѣсныхъ комнатахъ они мѣшались. Хозяинъ сказалъ, чтобы ихъ не было. Онъ и Топси не разрѣшалъ держать, но только терпѣлъ ее.

— Il faut débarrasser, — сердито, тономъ, не допускающимъ возраженія сказалъ онъ. — Il faut!

Нордековы знали цѣну французскаго «il faut»... «Il faut payer»... «Il faut vivre»... «Quand même»... «Mais — alors...»

— Что же, топить ихъ развѣ придется, — сказалъ раздумчиво Нифонтъ Ивановичъ.

— Зачѣмъ топить?... Ну, сказали тоже?... По людямъ раздадимъ, — вмѣшался Фирсъ.

Но раздать по людямъ оказалось не такъ то просто. Напрасно предлагала ихъ Ольга Сергѣевна въ церкви пѣвчимъ и отцу діакону и самому батюшкѣ. Всѣ сочувствовали ей. Нѣкоторые даже приходили полюбоваться на нихъ, находили ихъ удивительными. Одна хохлиха, и тоже полковница, безъ конца цѣловала ихъ, прижимала къ груди, тискала, выбирала. кого возьметъ, разглядывала, кто мальчишки, кто дѣвочки, а взять такъ никто и не рѣшился.

— Знаете, у насъ хозяинъ, ни за что не позволить.

— Мы отъ жильцовъ комнату имѣемъ... Намъ никакъ нельзя.

— Рада бы, милая, взять, да консьержка у насъ чистая вѣдьма...

И топить ихъ тоже не смогли.

Сказали Нифонту Ивановичу. Тотъ руками замалхалъ.

— Ну что вы, ваше высокоблагородіе... Никакъ это невозможно. Божія тварь вѣдь... Это все одно, какъ дите потопить.

Отказался и Фирсъ.

Мишель Строговъ посмотрѣлъ своимъ неломаящимся взглядомъ узко поставленныхъ глазъ и проворчалъ :

— Мараться то не охота.

Такъ и жили они, приговоренные къ смерти, жили потому, что оказалось приговорить то ихъ къ смерти приговорили, а привести приговоръ въ исполненіе никто не рѣшался: не было палача.

А у собачекъ между тѣмъ уже прорѣзались глазки. Черными блестящими изюминами смотрѣли на свѣтъ Божій, и такая была въ нихъ радость бытія, что у всѣхъ обитателей виллы «*Les Coccinelles*» нестерпимо болѣли сердца и тяготила тяжкая дума, какъ бытіе это отъ нихъ отнять.

XVII.

Весною у полковника было такъ много воспоминаній и поминальныхъ дней. И тяжелыхъ, печальныхъ и героическихъ. Ледяной походъ... Атака Екатеринодада... Смерть Корнилова... Все это заставило полковника соприкоснуться съ былыми боевыми друзьями сораатниками. Къ огорченію Ольги Сергѣевны было много выпито и еще болѣе произнесено хорошихъ, бодрыхъ рѣчей о побѣдахъ прошлыхъ и о побѣдахъ будущихъ... «Борьба продолжается»...

Размякшій полковникъ приглашалъ на ближайшее воскресенье гостей.

Всѣ позванные имъ были люди твердые, вѣрующіе въ окончательную побѣду, не «свернувшіе знаменъ», честные, славные и бодрые люди и потому, — полковникъ это отлично понималъ — особенно ненавистные Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Но, назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ. Ольга Сергѣевна была нѣкогда полковой дамой хоть куда и обычаи гостепріимства знала. Сцена была только домашняя — до приѣма — а къ самому приѣму гроза и буря миновали. «Мамочка» и Леночка были мобилизованы. На кругломъ обѣденномъ столѣ тонко катали тѣсто и рюмкою отбивали кружки для рассыпчатого печенья «совсѣмъ, какъ въ Россіи». Нифонтъ Ивановичъ съ Фирсомъ — не ударить же въ грязь лицомъ виллѣ «*Les Coccinelles*» — носили бутылки блѣднаго бѣлаго «ординера» и толстыя пузатыя бутылки краснаго вина съ этикеткой, гдѣ былъ изображенъ румяный красный почтальонъ въ сѣромъ цилиндрѣ...

По словамъ полковника готовился еще и сюрпризъ, и Ольгѣ Сергѣевнѣ было сказано, что особенно думать о закускѣ не приходится:—гости сами принесутъ закуску.

Погода выдалась замѣчательная. Сирень въ палисадникѣ цвѣла. Въ клумбахъ хозяинъ натывалъ какихъ то цвѣтовъ. И, если что смущало — такъ это категорическое приказаніе хозяина, чтобы завтра никакихъ ще-

нять ни подъ какимъ видомъ не было. А они, какъ на зло, такъ уморительно, весело и безпечно кувыркались и рѣзвились подлѣ своей мамыши...

Вечеръ общалъ быть теплымъ. Рѣшено было приѣмъ устроить въ палисадникѣ. Со всего дома вынесли столы и стулья, приспособили скамьи. Посуда была разнокалиберная: — ее занимали черезъ дачу у знакомыхъ Русскихъ. Столы были безъ скатертей. Не всѣмъ было на что сѣсть, — но всякій же долженъ понимать, что это не мирный приѣмъ у царскаго полковника Нордекова, а приѣмъ на походѣ («война продолжается») — и потому: — *à la guerre comme à la guerre* — эта старая избитая поговорка, какъ нельзя болѣе подходила къ обстановкѣ приѣма у Нордековыхъ.

Въ восьмомъ часу Нифонтъ Ивановичъ сталъ хлопать пробками, откупоривая бутылки. Неонила Львовна торжественно принесла большое блюдо тонко наръзанныхъ сандвичей, а Леночка, сияя красотою своихъ девятнадцати лѣтъ и новаго Парижскаго платья, представляла стаканы и рюмки. Ольга Сергѣевна съ Зосей и Фирсомъ на двухъ газовыхъ плиткахъ въ двухъ этажахъ кипятили большіе чайники. Полковникъ похаживалъ, поджидая гостей и о чемъ то таинственно перешептывался съ Нифонтомъ Ивановичемъ.

Первыми пришли Парчевскіе и съ ними безрукій инвалидъ, молодой и молодцеватый капитанъ Ротовъ. Они принесли съ собою небольшой чемоданчикъ.

— Что это, господа, — говорила, цѣлуясь съ Лидіей Петровной Парчевской, Ольга Сергѣевна, — развѣ такъ полагается со своей закуской въ гости ходить?... Совсѣмъ это напрасно такое баловство.

Парчевскій, нарядный, въ прекрасномъ сѣромъ костюмѣ, съ большими «гусарскими» усами на холеномъ бритомъ лицѣ, изящно склоняясь и цѣлуя руку, сказалъ :

— Это все Кавказъ надумалъ. Его и вините.

— Ольга Сергѣевна, дорогая, шашлыкъ будемъ готовить, — сказалъ безрукій капитанъ. Онъ говорилъ съ легкимъ кавказскимъ акцентомъ. — У васъ тутъ великолѣпно... А я мастеръ по этой части... И только, гос-

пода, прошу мнѣ не мѣшать... Кто помогаетъ — тотъ мѣшаетъ — это основное правило... Никогда не надо этого забывать.

— Но, позвольте... Вѣдь шашлыкъ, кажется надо на угольяхъ?...

— На угольяхъ, дорогая... Уголья несетъ Ферфаксовъ.

— Но гдѣ же?... Какъ же?...

— Это не беспокойтесь, пожалуйста... Все соорудимъ... Мнѣ бы только нѣсколько кирпичей достать... Больше ничего и не нужно...

— Гдѣ же вы думаете это дѣлать? — уже съ безпокойствомъ сказала Ольга Сергѣевна.

— Въ саду, дорогая Ольга Сергѣевна... Здѣсь прямо прекрасно въ затишкѣ.

— Но это же костеръ надо разводить?

— Никакой не костеръ... Немного угольковъ, чтобы жаръ былъ.

— Но, господа, что вы такое придумали? Вы знаете французскихъ хозяевъ... да насъ завтра съ квартиры погонятъ, если мы здѣсь въ ихъ садикѣ костеръ будемъ раскладывать.

— Мы все приберемъ послѣ, дорогая Ольга Сергѣевна, пожалуйста, не беспокойтесь... Станичникъ, — обратился Ротовъ къ Нифонту Ивановичу, — нельзя ли у васъ тутъ нѣсколькими кирпичами разжиться?

Нифонтъ Ивановичъ, живо заинтересованный господской затѣей быстро спустился къ себѣ и принесъ шесть кирпичей.

— Такъ довольно будетъ, ваше высокоблагородіе?

— Отлично, — распоряжался какъ въ своемъ собственномъ саду Ротовъ. — Вотъ онъ и Ферфаксовъ и съ углями.

— Но, господа, — пробовала еще протестовать Ольга Сергѣевна, но приходъ новыхъ гостей отвлекъ ее.

Полковникъ Ферфаксовъ съ женою Анелей и съ ними громадный полковникъ Амарантовъ, теперь булочникъ и музыкантъ, когда то лихой командиръ бронепоезда проходили въ калитку. На Ферфаксовѣ, какъ и на Амарантовѣ были надѣты новенькіе костюмы, ори-

гинального покроя, и Ольга Сергѣевна сейчас же обратила вниманіе на ихъ платье. На нихъ были совершенно одинаковые пиджаки, что ничего бы особеннаго не представляло: — Русскіе офицеры всѣ болѣе или менѣе одинаково одѣвались, но Ольгу Сергѣевну поразило то, что костюмы ихъ были — и это она сразу своимъ женскимъ глазомъ подмѣтила и оцѣнила — не изъ дешеваго «бѣженскаго» матеріала построены и не были куплены въ универсальномъ магазинѣ готоваго платья, или на открытомъ рынкѣ, гдѣ покупали они всегда, но сшиты изъ прекраснаго англійскаго темно-синяго сукна и у хорошаго портного. И покрой ихъ былъ особенный. Это были штатскіе пиджаки, но было въ нихъ что то военное. Юбка была шире и длиннѣе, и карманы были большіе. Воротъ былъ мало открытъ, за нимъ немного были видны тоже одинаковыя сѣро-синія рубашки и одинаковыя галстуки синяго цвѣта съ узкой серебряной дорожкой.

— Что это, господа, вы точно въ формѣ?... Развѣ вы одного полка?

— Ну какъ, — здороваясь съ Ольгой Сергѣевной, отвѣчалъ Ферфаксовъ. — Я коренной Заамурецъ, а Викторъ Павловичъ — лихой двѣнадцатой, Калединской.

Видъ у Ферфаксова былъ какой то хитрый и таинственный. Подъ мышкой онъ держалъ большой пакетъ съ древеснымъ углемъ.

Ольга Сергѣевна хотѣла еще попытаться протестовать противъ шашлыка въ ихъ садикѣ, но въ калитку входили Дружко и молодой князь Ардаганскій. Надо было принимать ихъ. Князь Ардаганскій — Микахо — его всѣ такъ звали несъ коробку съ пирогомъ. Онъ былъ тоже въ такомъ же синемъ полувоенномъ костюмѣ, только галстухъ у него былъ безъ серебряной строчки.

— У тебя, Георгій Димитріевичъ, совсѣмъ, какъ на войнѣ, — говорилъ красивый Парчевскій. — Знаешь у какойнибудь халупы... А эти — онъ кивнулъ на дѣда и внука Агафошкиныхъ — ну право, какъ деньщики изъ запасныхъ «дядей» и молодыхъ «бѣло-билетчиковъ»... Да вотъ оно какъ!... И это во Франціи?... Шашлыкъ?...

А вѣдь и правда шашлыкѣ!...

— Господа, — командовалъ Ротовъ, — прошу какуюнибудь папку, чтобы раздувать уголья.

Нифонтъ Ивановичъ, уже соорудившій между поставленными на ребро кирпичами маленькій костерчикъ изъ бумаги и щепокъ, сейчасъ же отозвался.

— Не хорошо будетъ, я кусокъ подошвенной кожи принесу?

— Отлично, станица.

Ферфаксовъ насыпалъ на костеръ уголья.

— Господа, только пожалуйста безъ помощниковъ!

Ротовъ скинулъ съ себя пиджакъ и, широко разставивъ ноги надъ угольями, большимъ лоскутомъ твердой желтой кожи раздувалъ огонь. Душнымъ жаромъ несло отъ еще черныхъ углей.

— Можетъ быть, Нико, вамъ помочь, нанизать мясо на вертела, — сказалъ Парчевскій.

— Никакихъ помощниковъ, сейчасъ и готово. — Это почти-что, какъ балетъ. Дѣвочки съ дѣвочкамъ танцуютъ, а малшиковъ почти-что нѣтъ!

Откинувъ въ сторону подошвенную кожу, Ротовъ зажалъ подъ локоть ампутированной руки стальные вертела и ловко здоровой рукой началъ низать сочные, розовые куски баранины. Сало текло по его пальцамъ. Онъ ихъ отиралъ полотенцемъ, лежавшимъ на его колѣняхъ.

— Огонь все очищаетъ. На огнѣ все сгараетъ. — приговаривалъ онъ.

Нифонтъ Ивановичъ замѣнилъ его надъ угольями, которые уже начинали краснѣть. Гости толпились около костра. Ротовъ накладывалъ на кирпичи вертела, и своеобразный запахъ поджариваемой баранины шелъ отъ нихъ.

— Какъ это мнѣ Владикавказъ напоминаетъ, — сказала Лидія Петровна.

— А мнѣ Константинополь... Помните эти маленькія улочки вечеромъ, — сказала Ольга Сергѣевна и тяжело вздохнула.

Пестрыя воспоминанія рождались въ головахъ и исчезали вмѣстѣ съ восточнымъ запахомъ поджариваемого мяса.

— Господа, прошу садиться. Ольга Сергѣевна, пожалуйста тарелки, — командовалъ Ротовъ.

Садились на чемъ, кому досталось. Ферфаксовъ, Амарантовъ и князь Ардаганскій усѣлись втроемъ прямо на землѣ. Старый Агафошкинъ обносилъ стаканами съ краснымъ виномъ. Быстро темнѣло. Надъ городомъ стояло розовое зарево. Въ садикѣ было сумрачно. Жидкіе кустики сирени казались сплошною зарослью. За ними не стали видны заборы палисадниковъ. Стоявшій у входа въ переулочекъ высокій фонарь бросалъ клочки свѣта на деревья и кусты, и все въ этомъ неясномъ освѣщеніи стало казаться не тѣмъ, что было. Нордекову и точно стало представляться, что это не крошечная вилла «Les Coccinelles» въ Парижскомъ предмѣстьи, но какой то бивакъ на войнѣ, и не заборы и стѣны домовъ стоятъ кругомъ, но громадныя прикарпатскіе лѣса. Трое гостей — Амарантовъ, Ферфаксовъ и Михако — одѣтые въ однообразную одежду, въ одинаковыхъ черныхъ шляпахъ съ широкими полями и правда были похожи на солдатъ какого то экзотическаго, будто американскаго войска. Всѣ притихли. Занялись шашлыкомъ. Раздавались короткія замѣчанія.

— Ну и шашлыкъ!... Такого и на Кавказѣ не достанешь!...

— Хорошо было бы еще его съ барбарисомъ приготовить...

— Это Карскій шашлыкъ.

— Нѣтъ, Карскій шашлыкъ готовится изъ цѣльнаго куска бараньяго сѣдла.

— И гдѣ это вы, Нико, такую баранину достали?

— Удивительная баранина.

Леночка стояла сзади, смотрѣла и ничего не понимала. Вотъ они тѣ «бѣлые», капиталисты, буржуи, о комъ она такъ часто слышала въ Россіи... Ей говорили: — у нихъ голодъ, гораздо болѣе лютой, чѣмъ въ совѣтской республикѣ... Готовятъ шашлыкъ и не боятся никого и ничего. И какъ свободно обо всемъ говорятъ!.. Точно у себя дома... Что же это свобода, или свобода тамъ, откуда она уѣхала?...

И вдругъ стала тишина. Разговоры смолкли. Ночь колдовала и красивые несла сны. Слова казались пошлыми. Красные уголья покрылись сѣрымъ пепломъ. Было темно. Нордековъ, онъ таки и выпилъ подъ баранину и послѣ баранины немало, уже не разбиралъ, кто былъ противъ него... Какіе то американцы... Солдаты... Солдаты — въ это понятіе, такъ много вкладывалъ онъ совсѣмъ особаго чувства. Солдаты это были тѣ, кто только и могъ освободить Россію и создать въ ней такую же прекрасную жизнь, какая была сейчасъ здѣсь, въ этомъ таинственномъ саду, совсѣмъ не походившемъ на крошечный палисадничекъ виллы «*Les Coccinelles*». Дивныя видѣнія вставали въ его памяти... Сотни биваковъ у костра, тысячи людей такъ имъ любимыхъ и дорогихъ, его солдатъ и офицеровъ.. «Да это все вѣдь и сидятъ офицеры», — думалъ онъ и всю силу любви вкладывалъ въ это слово.

И въ этой тишинѣ сама собою родилась пѣсня.

Кто запѣлъ ее, — Нордековъ не замѣтилъ. Кажется, это Амарантовъ, сидѣвшій между Ферфаксовымъ и Михачо завелъ ее такимъ нѣжнымъ теноромъ, какого нельзя даже было и ожидать отъ такого крупнаго и рослаго человѣка.

— На берегъ Дона и Кубани
Мы всѣ стекались, какъ одинъ...

И точно вздохнуло нѣсколько голосовъ, повторяя:

...Какъ одинъ...

И еще нѣжнѣе, точно самую душу раздвигая и входя въ святое святыхъ ея, сладкій теноръ продолжалъ:

— Святой могилѣ поклонялись
Гдѣ вѣчнымъ сномъ спитъ Калединъ...

Чуть слышно вздохнулъ хоръ:

— ... Калединъ...

XVIII.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней. Изъ сосѣднихъ палисадниковъ заглядывали французы. Слышались апплодисменты и сдержанные крики bravo. Нифонтъ Ивановичъ съ заплаканнымъ лицомъ трясущимися руками наливаль вино въ протягиваемые ему стаканы.

И въ самый разгаръ этого колдовскаго сна, когда настоящее совсѣмъ растворилось въ прошломъ и, казалось, что будетъ и будущее, съ каменнаго крыльца спустилась Неонила Львовна съ большою корзиною въ рукахъ. За нею шла точно сконфуженная, виноватая въ чемъ то Топси.

«Мамочка» рѣшительными шагами подошла къ полковнику и, протягивая ему корзину, сказала:

— Уже первый часъ, Георгій Димитріевичъ, завтрашній день наступилъ. Какъ хотите, а ихъ надо убратъ. Хозяинъ три раза вчера присылалъ — чтобы до свѣта никакихъ собакъ у насъ не было, иначе... сами понимаете?

Въ корзинѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, лежало шесть маленькихъ клубочковъ шелковистой шерсти. Изъ отворенной на виллу двери на нихъ лился свѣтъ, и они мигали черными изюминками глазъ и испуганно озирались на обступившихъ ихъ людей.

— Боже, какая прелесть, — воскликнула Лидія Петровна. — Посмотрите-ка на этого съ бѣлой мордочкой!

— Ихъ написать великолѣпно... и въ этомъ освѣщеніи... — сказалъ Дружокъ.

— Тоже, поди, жить и имъ хочется, — сказалъ Парчевскій.

— Еще и какъ, — груднымъ задушевымъ голосомъ протянула Лидія Петровна.

— Вы слышали... Ихъ приказано прикончить до свѣта, — сказалъ Нордековъ. — Викторъ Павловичъ, ты силачъ и герой... Помнишь, какъ въ Крыму ты съ бронепоездомъ цѣлую дивизію красныхъ держалъ... И

потомъ доплылъ до англійскихъ кораблей. Ну-ка помоги намъ спровадить ихъ на тотъ свѣтъ...

— Идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, — басомъ провозгласилъ Ферфаксовъ.

— Ну вотъ еще, — сказалъ Амарантовъ, — шестьдесятъ большевиковъ хоть сейчасъ своими руками задушу. А этихъ шестерыхъ... За что лишать ихъ жизни, которую имъ послалъ Господь?

— Это, какъ дитѣ убить, чисто какъ дитѣ, — вставилъ слово Нифонтъ Ивановичъ.

— Но какъ то порѣшить ихъ надо, — нерѣшительно заговорилъ Нордековъ. — Таковъ французскій законъ... Собакъ не дозволяется... Задушить ли, камнями ли побить, въ водѣ ли утопить, а угробить какъ то надо? Чтобы не дышали... А ни-ни!... Нельзя... Il faut... Pas possible. Et alors!...

— Ну да, — сказалъ Ферфаксовъ, — законы на то и пишутся, чтобы ихъ обходить.

— Ну только не французскіе, — сказалъ Парчевскій, — это Русскіе Императорскіе законы мы всегда стремились обходить и вотъ и дообходились, что вотъ куда зашли... Гдѣ, хочешь не хочешь, а исполняй законъ.

— Анеля, возьмемъ одного... Совсѣмъ какъ мой Берданъ будетъ. Помнишь?

— Вѣте паньство!... Сказали тоже!... А что консьержка скажетъ?... Какъ намъ такого звѣря держать на шестомъ этажѣ въ мансардѣ.

— Стасику была бы игрушка...

— Вамъ все игрушки, а мнѣ разорваться, прибирая за вами.

— Да я возить его съ собою буду. Знаете, господа, у одного офицера, шоффера, какъ и я есть собака «вольфъ». Такъ она всегда подлѣ него у руля сидитъ. И такъ онъ ее, симпатягу, заучилъ, что, если кліентъ мало даетъ на чай, онъ ее незамѣтно толкнетъ, а та высунется въ окошко да на кліента «ррр», зарычитъ... Мало, молъ, даешь... А если кліентъ разщедрится, онъ ей скажетъ: — «dis merci à monsieur» и его «вольфъ» — правую лапу къ уху — честь, значить, отдаетъ!... Пасть

откроетъ... Улыбается. Такая славная умная собачушечка.. Всѣ кліенты ее прямо обожаютъ... Вотъ и у меня такъ же будетъ...

— Ну нечего, нечего, сказки рассказывать, — сказала Анеля и потащила мужа отъ корзины со щенятами за рукавъ.

Неонила Львовна поставила корзину на землю и строго сказала:

— Какъ хотите, а кончайте до свѣта. — И пошла твердою поступью обратно на дачу.

— Нѣтъ, это и правда тяжело, — сказалъ Нордековъ. — Подумайте, собака совсѣмъ безпомощна. Она вѣритъ человѣку и такое предательство...

— А что, если, господа, китайцамъ свезти. На кухню... Подлѣ Ліонскаго вокзала есть, говорятъ, такой ресторанъ... Тамъ собакъ готовить... Все таки, какъ то лучше, чѣмъ такъ душить?... — предложилъ Парчевскій.

— Это надо, чтобы черные язычки у нихъ были, — изъ угла отозвался Ферфаксовъ.

Корзина, подлѣ которой смущенная и виноватая, все поглядывая на людей, вертѣлась Топси, разрушила колдовскіе сны ночи и пѣсень. Парчевскій отошелъ къ забору и мрачно курилъ. Мишель Строговъ шептался у дома съ Леночкой. Дружко подходилъ къ щенятамъ то съ одной, то съ другой стороны, шурилъ помутнѣвшій глазъ, любовался ими, щелкалъ языкомъ и говорилъ, ни къ кому не обращаясь:

— Ахъ ты, ну какіе право, аппетитные... А тона то!... Масломъ ли, водою, или итальянскимъ карандашемъ ихъ хватить!... Карти-ина!...

Разговоръ не клеился. Амарантовъ началъ было вспоминать, какъ первый разъ онъ встрѣтился съ Нордековымъ на войнѣ, но тотъ слушалъ какъ то разсѣянно и, наконецъ, рукой махнулъ и сказалъ съ отчаяніемъ:

— Ахъ, да не до того мнѣ теперя!

Ольга Сергѣевна сидѣла въ углу палисадника съ Лидіей Петровной. Она смотрѣла на мужа, и злая улыбка кривила ее губы. Недобрымъ огнемъ загорались ее глаза. Презрѣніе было въ нихъ.

Леночка вдругъ прошла къ самой корзинѣ.

— Ну что налюбовались, — съ какимъ то восторгомъ сказала она и взялась за ручки корзины.

Всѣ разступились передъ нею. Она подняла корзину и унесла ее обратно на дачу.

И какъ только унесли эту корзину, всѣмъ стало легче. Парчевскій съ силой бросилъ папиросу и сказалъ ни къ кому не обращаясь:

— Эхъ, жаль, пьянино нѣтъ... Часъ то такой, что самое время подъ пьянино цыганщину пѣть.

— А на столѣ чтобы недопитые стаканы шампанскаго стояли, да на хрустальныхъ блюдечкахъ каленый миндаль съ крупною солью, — оживляясь, сказалъ Дружко. — Вотъ оно какъ, Михako, у насъ бывало въ старые то годы.

— И блѣдный свѣтъ утра... Разсвѣтъ зарождается, — продолжалъ вспоминать Парчевскій. — Трубачи устали забавлять господъ и пошли пиво пить съ французскими булками и колбасой.

— Эхъ и колбаса, братцы, была, — воскликнулъ, окончательно прогнавшій мысли о приговоренныхъ къ смерти щенятахъ Дружко. — Вареная, съ саломъ и чеснокомъ... На зубахъ, ажъ хруститъ...

— И позовемъ мы пѣсенниковъ. Вотъ, когда шло сліянiе съ народомъ... Четвертая водки... Пьяныя мокрыя уста... Поемъ вмѣстѣ и пьемъ вмѣстѣ. Дружко, ты помнишь, у васъ въ полку былъ запѣвало Кареловъ?

— А что!... Да Викторъ Павловичъ нѣшто ему уступить? Чѣмъ мы сами то не пѣсенники?

— Такъ что же? — нѣтъ солдатъ — мы сами солдаты... Нѣтъ пѣсенниковъ — мы за нихъ...

— Нѣтъ Россіи, — тихо и зло сказала съ крыльца Ольга Сергѣевна.

— Мы и сами Россія, — весело и пьяно отвѣтилъ ей Дружко. — Не пропадетъ, поди, она. Куда ей дѣваться? Запѣвайте, Викторъ Павловичъ...

XIX.

Никто не замѣтилъ, какъ снова вошла въ палисадникъ Леночка. Она принесла что то круглое, плотно укутанное подушками и пледомъ, какой то низкій стулъ и крѣпко усѣлась на немъ, поднявъ высоко колѣни. Подлѣ нея стала, повиливая хвостомъ словно печальная Топси. Леночка сидѣла и слушала пѣсни, опустивъ лицо на ладони и облокотившись о колѣни. Ея лицо было задумчиво и строго.

— Молись, кунакъ, въ странѣ чужой,
Молись, кунакъ, за край родной,
Молись о тѣхъ кто сердцу милъ
Чтобы Господь ихъ сохранилъ,

лилась къ самому небу пѣсня.

Французы сосѣди давно полегли спать. Съ сосѣдней дачи присылали сказать, нельзя ли потише, нельзя ли перестать пѣть. Никто и вниманія не обратилъ на посланца.

— У насъ въ Медонѣ никогда бы не посмѣли такъ нахальничать, — сказалъ Парчевскій.

— Стоитъ ли стѣсняться въ своемъ отечествѣ, — сказалъ Дружко. Онъ, чтобы звончѣе пѣть зажималъ себѣ горло подъ кадыкомъ.

— Пускай теперь мы лишены
Родной страны, родной семьи,
Но вѣримъ мы: — настанетъ часъ
И солнца лучъ блеснетъ для насъ...

Послѣдній поѣздъ на Парижъ давно прогудѣлъ невдалекѣ.

— Что жъ, господа, до перваго метро, — предложилъ Дружко.

— Конечно... Конечно, — сказала Ольга Сергѣевна. Въ ея голосѣ звучали усталость и раздраженіе, но никто не обратилъ на это вниманія.

— Предложеніе принято единогласно, — сказалъ Нордековъ.

Снова запѣли.

Свѣтало. На лиловыхъ кистяхъ сирени свинцовымъ налетомъ легла роса. Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ. Вдали розовѣлъ востокъ. Золотые лучи тамъ играли. На верху небо съ каждымъ мигомъ становилось голубѣе. Надъ Парижемъ дымными языками клубился туманъ. Съ Сены, должно быть съ моторной баржи, неслись рѣзкіе звуки трубы.

Всѣ устали, притихли, какъ то осоловѣли.

Леночка поднялась съ своего низкаго сидѣнья. Ея лицо было блѣдно. Глаза горѣли суровымъ огнемъ. Брови были нахмурены. Что то мужественное было въ ея прекрасныхъ глазахъ. Она казалась худѣе и стройнѣе въ блѣдномъ свѣтѣ утра.

— Ну вотъ и готово, — сказала она.

Никто ее не понялъ. Непонятная тревога охватила Ольгу Сергѣевну.

— Что готово?... — спросила она.

— Собачки ваши.

— Что такое вы сдѣлали съ собачками? — грозно подступая къ Леночкѣ, сказалъ Нордековъ.

— А вотъ, сами смотрите.

Леночка подняла подушки и пледъ, на которыхъ сидѣла. Подъ ними оказалась корзина. Въ ней неподвижными, жалкими, точно сморщенными комочками лежали щенята. Леночка взяла корзину за край и вытряхнула ихъ на землю.

Первый лучъ солнца упалъ на нихъ. Съ жалобнымъ повизгиваніемъ, плача, крутилась подлѣ нихъ Топси. Она точно жаловалась кому то на людскую жестокость и несправедливость.

— Леночка, да что же это значить?.. Какъ ты могла только, — съ нечеловѣческимъ страданіемъ въ голосѣ крикнула Ольга Сергѣевна.

— Да вѣдь вы хотѣли отдѣлаться отъ нихъ... Ну, я и рѣшила вамъ помочь. Закутала ихъ чѣмъ могла поплотнѣе, чтобы имъ никакъ дышать было невозможно... Сѣла... Сажу.. Слышу, чуть пищать... Возятся... Тоже и

имъ, значитъ, умирать не сладко... Ну а потомъ затихли... Вы и про кунака пропѣть не успѣли, а они уже готовы. Жмуриками стали... Теперь только закопать и вся недолга. Развязала я васъ.

— Дѣйствительно... развязала, — со слезами въ голосъ воскликнула Ольга Сергѣевна.

Напряженное молчаніе было въ палисадникѣ. Всѣ толпились подлѣ щенятъ. Дружко даже снялъ шляпу. Никто не поднималъ глазъ на Леночку. У всѣхъ была одна мрачная, больная, страшная и острая мысль: — «совдепка»...

— Мнѣ въ глаза Топси будетъ стыдно смотрѣть, — тихо сказалъ полковникъ.

Никто ничего не возразилъ. Головы опустились ниже. Изъ толпы этихъ пожилыхъ, потрепанныхъ жизнью, видавшихъ всякіе виды людей, отдѣлился Мишель Строговъ. Онъ твердыми шагами подошелъ къ Леночкѣ и, протягивая ей руку, сурово сказалъ:

— Я уважаю васъ, Леночка. Вы настоящій чловѣкъ...

Его слова точно вывели всѣхъ изъ вдругъ охватившаго ихъ столбняка. Всѣ засуетились и стали прощаться съ хозяевами, точно торопясь уйти отъ того мѣста, гдѣ лежали мертвые щенята.

— Милая, это ужасно, — протягивая руку и цѣлуя въ щеку Ольгу Сергѣевну, говорила Парчевская. — Въ четвергъ въ половинѣ девятаго на спѣвку.

— Славнечко провели время, — зѣвая говорилъ Дружко. — Только вотъ это самое ужасно, какъ мнѣ не понравилось. Какая, однако, жестокость и хладнокровіе...

— Факсъ, ты въ гаражъ?

— Нѣтъ. Я больше не работаю на такси. Въ бюро предупредилъ, что не буду. Послѣ до полудня.

— Господа, дойдемъ пѣшкомъ до подземки. Не стоитъ поѣзда ждать. Утро такое прекрасное.

— Да послѣ всего этого надо все-таки подышать свѣжимъ воздухомъ.

И кто то негромко, но четко сказалъ: — совдепка!
Ольга Сергѣевна и полковникъ провожали гостей

до калитки. Нифонтъ Ивановичъ на томъ мѣстѣ, гдѣ жарили шашлыкъ тяжелой, садовой лопатой рылъ могилу для щенковъ. Топси все продолжала жалобно скулить.

Въ воротахъ Ольга Сергѣевна еще разъ поцѣловалась съ Парчевской. Мужчины и Анеля, громко разговаривая, спускались по каштановой аллеѣ на рыночную площадь.

Ольга Сергѣевна показала Лидіи Петровнѣ рукой на уходящихъ.

— Видали, — сказала она. — Это же ужасно... Божіи коровки какія то!...

— Но, милая, вы слишкомъ строги... Они же такъ много пережили.

— Тѣмъ болѣе... И кто же... Дѣвушка!... Оттуда!...

— Послушайте, милая... Ихъ всѣхъ, и ее, надо понять и простить...

— Ахъ, не могу больше ни понимать ни прощать...

— Лида, — крикнулъ изъ толпы Парчевскій. — Что же ты? Идемъ.

Въ толпѣ зарождалась въ полголоса запѣтая пѣсня:

— Смѣло пойдемъ мы
За Русь святую...

XX.

Еще во время вечеринки Ферфаксовъ улучилъ минуту и, отведя Нордекова въ сторону, сказалъ ему:

— Вы Ранцева знаете?

— Такъ не знакомъ, а слыхалъ. Онъ предсѣдатель Маріенбургскаго полкового объединенія. Мы съ нимъ контактъ держимъ.

— Удивительнѣйшій по нашему времени человѣкъ... Рыцарь... Честность и офицерскій долгъ... Такъ вотъ этотъ Ранцевъ мнѣ говорилъ: — сюда изъ Чехословакии пріѣхалъ нѣкто Стасскій. Въ прошломъ едва

ли не революціонеръ... Антимилитаристъ... Ну, да Ранцевъ, я васъ съ нимъ познакомлю, — вамъ все про него расскажетъ. Стасскій считался когда то первымъ умомъ въ Россіи... Теперь глубокій старикъ. Въ будущую субботу онъ читаетъ здѣсь лекцію о томъ, что происходитъ въ Россіи... Пойдемте... Входъ свободный. Три франка на покрытіе расходовъ.

— Непремѣнно.

Это было слабостью Нордекова и Ферфаксова: — набираться чужого ума, ходить по лекціямъ и докладамъ, которые бывали въ тѣ времена въ Парижѣ почти каждый день.

Нордековъ давно, еще въ годы своей Петербургской службы, слыхалъ о Стасскомъ. Теперь о немъ шумѣли эмигрантскія газеты. Отъ него ожидали глубокаго профессорскаго, академическаго анализа сущности совѣтской власти. Ожидали откровенія, пророчества.

Ранцевъ, встрѣченный Нордековымъ у входа въ залъ, на вопросъ, зналъ ли онъ лично Стасскаго, отвѣтилъ:

— Я его, можно сказать, совѣмъ не знаю. Одинъ разъ какъ то видѣлъ его на вечерѣ и слышалъ, какъ онъ говоритъ. Ужасный человѣкъ. По настоящему ему тогда уже было мѣсто гдѣ нибудь въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ, а еще того лучше въ сумасшедшемъ домѣ, но, вы знаете, какъ было слабо наше правительство съ такими господами. «Стасскій первый умъ Россіи»... «Стасскій другъ графа Льва Николаевича Толстого», — какъ же такого сослать?... Съ нимъ нянчились... Его принимали въ великосвѣтскихъ салонахъ... Онъ проповѣдывалъ самый крайній анархизмъ и антимилитаризмъ. Потомъ, говорятъ, раскаялся и перемѣнился. Умъ ѣдкій и оригинальный. Ему приписываютъ формулу: — «ни Ленинъ, ни Колчакъ». Мноѣ рассказывали, что въ Крыму онъ бывалъ у генерала Врангеля, помогалъ ему своимъ вѣсомъ въ общественныхъ кругахъ, своимъ умомъ и богатыми знаніями. Въ Добровольческой арміи его даже будто полюбили, и онъ самъ измѣнилъ свой взглядъ на «военщину», какъ онъ насъ называлъ... Онъ безъ копѣйки очутился за границей, но у него вез-

дѣ старые друзья. Онъ близокъ ко многимъ главамъ нынѣшнихъ правительствъ. Когда то съ ними разрушалъ Императорскую Россію... Ему помогаютъ... Для него безкорыстно работаетъ наша молодежь... У него друзья и тамъ... Въ Россіи... Ея мучители — его бывшіе пріатели... Я думаю, онъ многое знаетъ, чего мы не знаемъ.

— Потому то вы и пришли... Я никогда раньше не видалъ васъ ни на какихъ докладахъ.

Какая то тѣнь пробѣжала по лицу Ранцева. Онъ точно нехотя отвѣтилъ:

— Отчасти и потому.

— Да, какъ можно не быть на такомъ докладѣ, — воскликнулъ Ферфаксовъ. — Вы посмотрите весь эмигрантскій Парижъ собрался сюда. Какой съѣздъ!... Этотъ докладъ событіе въ нашей бѣженской жизни.

У нихъ мѣста были на хорахъ. Оттуда все было отлично видно. Залъ былъ небольшою, но помѣстительный. На невысокой эстрадѣ стоялъ, какъ полагается, длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, для президіума. На немъ лежали листы бѣлой бумаги, стоялъ графинъ со ржавой водой и стаканъ для оратора. Точно тутъ ожидался судъ. Кого будутъ судить на немъ: — Россію, или эмиграцію?..

Подъ гомонъ голосовъ и стукъ шаговъ залъ быстро наполнялся. Въ переднихъ рядахъ усаживались старые генералы. Они, какъ и всѣ, были въ скромныхъ пиджакахъ. Кое кто изъ чиновъ постарше надѣлъ сюртукъ ласточкой, или потертый «официальный» смокингъ.

На краю перваго ряда въ длинномъ черномъ сюртукѣ сѣлъ красивый старикъ Федоровъ, другъ учащейся молодежи, взявшій на себя тяжелую и неблагодарную работу стучать въ черствыя людскія сердца и заставлять людей открывать тяжелые, набитые и легкіе скудные кошельки, чтобы помогать Русской молодежи, жаждущей знаній. Его лицо, обрамленное сѣдою бородой было скорбно и устало. Не легко было взятый имъ на себя крестъ помощи ближнему. Годъ отъ года оскудѣвала рука дающаго, и сколько было нужно силы воли, характера, изобрѣтательности и любви къ учащейся молодежи, чтобы добывать средства! Новая ни-

ва росла, поднималась и требовала помощи. Полчища молодежи Русской устремлялись въ университеты и политехникумы, и кто имъ поможетъ?

Рядомъ съ нимъ сѣлъ, рѣзко выдѣляясь на фонѣ штатскихъ костюмовъ своей черной черкеской съ бѣлыми гозырями, генераль Баратовъ, председатель союза инвалидовъ. Одинъ просилъ для будущаго Россіи, другой просилъ поддержать тѣхъ, кто до конца исполнилъ свой долгъ передъ Родиной и, проливъ за нее кровь, сталъ инвалидомъ. Баратовъ медленно вытянулъ раненую ногу и положилъ вдоль нея черную палку съ резиновымъ наконечникомъ. Онъ снялъ съ сѣдой головы большую бѣлую папаху и, привѣтливо, ласково оглянувъ залъ, сталъ раскланиваться со знакомыми, а знакомыми у него были всѣ слушатели.

Нордековъ, всѣхъ положительно знавшій, называлъ Ранцеву писателей: — З. Н. Гиппиусъ, философа Д. С. Мережковского, М. А. Алданова, чьими романами онъ зачитывался, И. С. Сургучева, С. Яблоновскаго... представителей партій и политическихъ группировокъ. А. Н. Крупенскій по странной случайности оказался рядомъ съ П. Н. Милюковымъ, а подлѣ молодого и задорнаго Каземъ-Бека усѣлся старый Зензиновъ.

На лекцію пришли Великіе Князья, и была одна Великая Княгиня, давнишній кумиръ Ранцева и Нордекова. Въ шелковыхъ рясахъ и въ строгихъ черныхъ пиджакахъ были и духовныя особы обѣихъ расколовшихся церквей.

Стасскій, всю свою жизнь всѣхъ разъединявшій, теперь объединилъ своею интересною лекціей людей самыхъ различныхъ направленій.

Залъ своимъ видомъ, не блестящимъ — нѣтъ, онъ былъ тусклъ и не наряденъ костюмами, но онъ блисталъ именами, каждое войдетъ со временемъ въ исторію, — одни, какъ разрушители Императорской Россіи, другіе, какъ смѣлые и неутомимые борцы за великую Россію, создатели Добровольческой арміи и всего «бѣлаго» движенія, — показывалъ, что тутъ былъ весь Русскій Парижъ.

Не мало было и иностранцевъ.

Рядомъ съ Нордековымъ высокій красивый французъ по старинному съ длинной и узкой сѣдой бородкой говорилъ сопровождавшему его Русскому. Нордековъ невольно прислушался къ его словамъ.

— L'Europe est promise au plus douloureux avenir. Elle refuse de s'en rendre compte. C'est une aveugle volontaire. Qui pourrait lui dessiller les yeux? La presse ne peut plus remplir le rôle pour qui elle avait été naguère créée. Les juifs ont magnifiquement travaillé. Contre leur puissance et leur action, nous sommes totalement désarmés. Dans notre sphère individuellement, nous tenons de formuler la vérité. Mais nous sommes considérés comme des prophètes de mauvaise augure. Vous savez que le peuple n'aime pas à entendre la vérité. Les mensonges flattent son désir de sécurité. J'adore les mensonges*).

— Сейчасъ вы услышите правду, — отвѣчалъ ему по французски Русскій.

— А... Правду! — съ большой горячностью сказалъ французъ. — Какъ хотите вы бороться противъ громадной еврейской организаціи? Она вездѣ. Elle tient tous les carrefours**). Къ власти она пускаетъ только своихъ, «услужаящихъ», или убѣжденныхъ къ повиновенію, или купленныхъ... Мы побѣждены, даже и не понимая того, что мы не боролись... Послушаемъ, что намъ скажетъ вашъ Illustre***). Вы мнѣ будете переводить.

— Съ особымъ удовольствіемъ.

*) Будущее Европы самое печальное. Она не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. Это добровольная слѣпота. Кто можетъ ей открыть глаза? Газеты уже не могутъ выполнять ту роль, къ которой онѣ призваны. Жиды отлично работали. Мы безоружны противъ ихъ могущества и ихъ дѣятельности. Въ нашей сферѣ мы еще пытаемся искать истину. Но на насъ смотря, какъ на проковокъ плохого сорта. Вы знаете, что народъ не любитъ слушать правду. Ложь ласкаетъ его желаніе безопасности. Онъ обожаетъ ложь.

**) Она на всѣхъ перекресткахъ.

***) Знаменитость.

Президіумъ, и опять все имена, знаменитости, крупнѣйшія величины лѣваго и праваго лагерей — занялъ свои мѣста за столомъ. Портѣра позади стола распахнулась. Залъ разразился громомъ рукоплесканій. Многіе встали. Рядомъ съ Нордековымъ какой то совершенно лысый человѣкъ неистово хлопалъ въ ладоши, весь перегнувшись за перила хоровъ. Изъ за эстрады къ столу подошелъ Стасскій.

XXI.

Онъ былъ очень старъ и, видимо, слабъ. На немъ, какъ на вѣшалкѣ, висѣлъ длинный, черный, старомодный сюртукъ. Въ толпѣ кто то сказалъ — «народовольческій». И точно: — отъ костюма Стасскаго повѣяло шестидесятыми годами.

Совершенно лысый черепъ былъ цвѣта слоновой кости. Сивые волосы рѣдкими прядями обрамляли только шею и спускались косицами на воротникъ. Сморщенное, бѣлое, какъ у покойника, лицо было покрыто сѣтью частыхъ мелкихъ морщинъ. Жиденькая борода торчала ядовитымъ клинушкомъ... Руки у него были длинныя съ узловатыми тонкими пальцами. Онъ походилъ на хищную птицу.

— Настоящій кондоръ — орелъ стервятникъ, — прошепталъ на ухо Нордекову Ферфаксовъ. — Если бы вечеромъ увидалъ такого въ горахъ, — пристрѣлилъ бы его за милую душу.

Стасскій поклонился, легкимъ наклономъ головы отвѣчая на сдѣланную ему овацію, и оперся обѣими руками о край стола.

Апплодисменты стихли. Стала напряженнѣйшая тишина. Стасскій не торопился начинать. Нордекову показалось, что онъ такъ старъ и слабъ, что не въ силахъ будетъ говорить.

Но голосъ Стасскаго раздался, и дѣйствительно, совершенно отвѣчая его наружности, онъ походилъ на орлиный клекотъ.

Стасскій бросалъ отрывистыя, безсвязныя фразы, какъ всѣ Русскіе ученые злоупотребляя иностранными словами. Первое впечатлѣніе было — большое разочарованіе.

— Да онъ совсѣмъ не ораторъ!...

Но Стасскій зналъ, что дѣлалъ. Онъ бросалъ свои отрывистыя мысли, какъ скульпторъ бросаетъ глину на болванку. Онъ лѣпилъ ихъ безобразными комками, едва давая очертанія того лица, какое онъ хотѣлъ вылѣпить. И сейчасъ же онъ принимался эти наспѣхъ безсвязно брошенныя мысли дополнять, разъяснять, передѣлывать, опровергать, измѣнять и вдругъ, и совершенно неожиданно для слушателя, мысль Стасскаго вставала необыкновенно ясная и выпуклая.

— Репродукція... Воспроизведеніе... Я бы сказалъ — отображеніе... того, что происходитъ сейчасъ въ Россіи... Это... Депрессія... Какая то подавленность съ одной стороны... Полная толерантность массъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ неостывающій, вулканическій какой то, революціонный пафосъ... Кипѣніе толпъ... Массовая психологія... Митинги и образованіе совсѣмъ своеобразной демократіи, общественности въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ и самага этого слова не понимали.

Нѣтъ, онъ совсѣмъ не былъ старъ. И кто бы сказалъ, что ему за восемьдесятъ!... Душа его горѣла молодымъ огнемъ. Тѣло точно торопилось передать человѣческимъ языкомъ все то, что накипѣло въ его душѣ. Этотъ человѣкъ, казалось, понималъ и видѣлъ нѣчто скрытое отъ другихъ и спѣшилъ рассказать объ этомъ, пока онъ еще живъ, чтобы предупредить человечество о надвигающейся катастрофѣ.

— Соціализмъ проводится тамъ безповоротно... и жестоко... И какой соціализмъ! Соціализмъ Беллами и Уэлса! Соціализмъ необузданныхъ романистовъ, данный въ руки дикарямъ... Притомъ шовинистическій какой то соціализмъ... Олицетвореніе и оформленіе всѣхъ старыхъ лозунговъ. «Кто не съ нами — тотъ противъ насъ»... Отсюда — чрезвычайки, неслыханный въ мірѣ терроръ... Ссылки, какихъ не знала Императорская Россія... Каторжныя работы... Рабство... Но соціализмъ —

это то, на что молились... Это религія массъ... Если страна совѣтовъ со всѣмъ тѣмъ уродлива и страшна — значитъ уродливъ и страшенъ и самъ социализмъ. Кто, однако, посмѣетъ сказать это? Вотъ откуда эта всеобщая, вопреки здравому смыслу, поддержка совѣтовъ... Это поддержка социалистами социалистическаго правительства... А во вторую четверть двадцатаго вѣка, гдѣ не сидятъ въ Европѣ... Что въ Европѣ, во всемъ мірѣ — социалисты? Кто же посмѣетъ сказать: — «социализмъ — это глупость, социализмъ — это утопія»... И — «свобода, равенство и братство» тѣ самые лозунги, на которые болѣе вѣка молились — это обманъ.. Если не можете этого сказать вы, свободные и въ свободной странѣ находящіеся, какъ хотите вы, чтобы сказали это тамъ, гдѣ за одну такую мысль разстрѣливаютъ, казнятъ, пытаются и замучиваютъ... Поймите, какая же это сила!... Они... Ихъ режимъ... большевицкій... Вотъ кто то сказалъ — и хъ вѣра — оправдана и поддержана всѣми... всѣмъ міромъ... Ибо кто противъ нихъ — тотъ противъ социализма...

Стаскій сдѣлалъ маленькую паузу, отпилъ воды и съ силою, какой нельзя было ожидать отъ него снова повторилъ:

— Кто осмѣлится пойти противъ социализма?!... Въ немъ воспитаны наши отцы, наши дѣды... Мы сами выросли въ преклоненіи передъ нимъ. И дѣтей своихъ мы воспитали въ вѣрѣ въ социализмъ...

Съ большимъ искусствомъ Стаскій сдѣлалъ краткій очеркъ развитія социалистическаго ученія въ Россіи и въ Европѣ.

— Мы боролись противъ собственности, — говорилъ онъ теперь уже спокойно. — Прекрасное дѣло!... Мой другъ Левъ Николаевичъ Толстой не могъ мириться съ тѣмъ, что у одного столько тысячъ десятинъ, что онъ въ цѣлый день на лошади не можетъ объѣхать своего имѣнія, а у другого полторы десятины и громадная семья на шеѣ... Басня о клочкѣ земли, куда некуда куренка выпустить, стала такъ избитой, что я не стану вамъ повторять ее. Ну такъ вотъ — большевики совсѣмъ упразднили собственность... Такі вѣдѣ: это же

торжество социализма!.. И какъ я скажу своимъ избирателямъ, рабочимъ, въ огромномъ своемъ большинстве социалистамъ и социалистамъ тупымъ, что я иду противъ совѣтовъ?... Невозможно!... Тамъ въ Россіи, какъ въ странѣ неопитовъ энтузіазмъ массъ...

— Тамъ нищета и голодъ, — крикнулъ кто то изъ заднихъ рядовъ.

— Тамъ — небывалый подъемъ, пафосъ и энтузіазмъ массъ, — упрямо повторилъ Стасскій. — Тамъ «пятилѣтка»... «Погодите», — говорятъ тамъ голодному... Да, не отрицаю: — голодному, оборванному, отрепанному, босому нищему обывателю, — «погодите, пройдетъ еще три, два. одинъ годъ и все у васъ будетъ... Наступитъ рай на землѣ... Эта легенда о раѣ, какъ ни уничтожаютъ религію въ человѣческихъ умахъ, лежить въ нихъ прочно... Этого рая ждутъ и въ этотъ рай вѣрятъ... А когда что нибудь уже очень не удастся... Вредители!... Показательные процессы всевозможныхъ «спецовъ», инженеровъ, агрономовъ, техниковъ... Это міровой капиталъ мѣшаетъ народу... Ну и вотъ: — распни ихъ — вредителей!

— Пятилѣтка имъ никогда не удастся — крикнулъ кто то съ мѣста.

— Какъ можно говорить: — «не удастся» о томъ, что уже удастся. Другой, и совершенно праздный вопросъ — какою цѣной?... Весь союзъ совѣтскихъ, социалистическихъ республикъ, вся прошлая громадная Россія, скажу банальное избитое слово: — шестая часть свѣта, со ста сорока милліонами населенія обращается въ громадную фабрику, производящую все то, что нужно для человѣчества. Въ ней работаютъ — рабы. Нищіе, голодные, боящіеся окрика своихъ мучителей и притомъ фанатически вѣрующіе, что они проповѣдники новой свѣтлой религіи, религіи социализма... Это же Египетъ какой то... Египетъ времянь фараоновъ!... Но Египетъ съ усовершенствованными путями сообщенія, съ радіо, съ аэропланами... Вотъ они повсюду закупаютъ и заказываютъ коммерческой тоннажъ. Это готовится такой дампингъ, передъ которымъ не устоитъ никакое государство. Года черезъ два заводы Форда подъ Ниж-

нимъ Новгородомъ выпускать автомобили «Made in U.S.S.R.» цѣною, здѣсь, въ Парижѣ 2000 франковъ. Кто можетъ съ этимъ конкурировать?... Вы скажете: — «ихъ можно запретить... наложить такія пошлины, что они станутъ дороже здѣшнихъ»... Да не очень то запретите, когда самъ пролетаріатъ, сами рабочіе, скажемъ, работающіе у того же Рено, или Ситроена, кинутся покупать эту дешевку?.. Сами будутъ рубить сукъ, на которомъ сидятъ. Сами будутъ загонять себя въ соціалистическое рабство. А потомъ придутъ корабли съ хлѣбомъ, со всевозможнымъ сырьемъ, съ лѣсомъ, добытыми въ громадныхъ государственныхъ кол-хозахъ рабскимъ трудомъ и завалятъ всѣ рынки... Вотъ недавно въ Бразиліи пришлось выкинуть нѣсколько тоннъ мѣшковъ съ кофе, чтобы не подорвать цѣнъ на кофе... Еще гдѣ то по той же причинѣ пшеницей топили паровозы... Совѣтскій дампингъ затопитъ всѣ рынки. Трудъ станетъ безцѣльнымъ. Государства станутъ передъ дилеммой: — или заводите у себя такой же рабскій трудъ, такую же скотскую жизнь, стройте чрезвычайки, разстрѣливайте неповинующихся рабочихъ, или становитесь въ полную зависимость отъ совѣтскаго союза и увеличивайте до безконечности армію безработныхъ. Въ Европѣ готовится самое ужасное рабство и что примѣчательно: — сами будущіе рабы — рабочіе — куютъ себѣ рабское ярмо. У социализма два пособника: — жадность и глупость и оба они въ Европейскихъ демократіяхъ на лицо. Торжество социализма — обращеніе націи въ безсловесную толпу, которой легко управлять... И правители найдутся... Только будемъ ли мы тогда довольны своими правителями?...

Стасскій кончилъ. Онъ сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе головой, нѣчто въ родѣ поклона и безсильно опустился на стулъ. Воспламенившійся было, въ старомъ тѣлѣ духъ угасъ. Передъ толпою былъ старикъ, такъ странно похожій на большую хищную птицу. Теперь эта птица словно была мокрой и намохла.

Слушатели были подавлены. Раздавшіеся, было, жидкіе апплодисменты сейчасъ же и оборвались. Докладчикъ нарисовалъ такую жуткую картину будуща-

го, что странно и дико было рукоплескать своей грядущей гибели.

Нѣсколько мгновений въ залѣ стояла тишина. Потомъ она стала прерываться отдѣльными возгласами.

— Если бы это говорилъ ктонибудь другой... какойнибудь провокаторъ, прїѣзжій изъ совѣтчины агентъ чрезвычайки, а то — Стасскій... Стасскій!...

— Первый умъ Россіи.. Соціалистъ въ прошломъ.

— Какой онъ тамъ соціалистъ. Никогда ни въ какой партіи не былъ. Типичный Русскій анархистъ. Всегда и все отрицавшій...

— Раньше отрицалъ Императорскую власть, религію, армію, потому что они были въ силѣ. Теперь отрицаетъ соціализмъ, потому что настало его царство.

— Неужели и вы считаете, что совѣтскій коммунизмъ имѣетъ чтонибудь общее съ соціализмомъ? — Если не признать этого, придется согласиться съ крайними правыми, считающими, что все это еврейскій заговоръ, а согласитесь, что это было слишкомъ простое рѣшеніе вопроса въ духѣ «Сіонскихъ протоколовъ».

Залъ гудѣлъ голосами. Въ Президіумѣ совѣщались. Оставить докладъ Стасскаго безъ возраженій было нельзя. Слишкомъ тяжкое впечатлѣніе онъ произвелъ на слушателей. Не того ожидали отъ него устроители доклада.

Было рѣшено открыть пренія по докладу.

Зазвонилъ колокольчикъ предсѣдателя.

— Слово предоставляется Ѳедору Ѳедоровичу Разгону.

На эстраду вошелъ старикъ съ длинными и густыми, совершенно бѣлыми волосами, причесанными по старой «профессорской» модѣ назадъ. Сѣдые усы и сѣдая «интеллигентская» борода красили его усталое, покрытое морщинами, блѣдное лицо. Онъ поклонился публикѣ и началъ...

XXII.

— Господа! докладъ почтеннаго Владимира Васильевича — цѣлое откровеніе... Мы должны... Нашъ священный долгъ... довести его въ цѣломъ... Во всемъ его объемѣ до свѣдѣнія иностранцевъ. Намъ дано видѣть — имъ не дано видѣть... И мы должны имъ открыть глаза... Но, господа, отъ лица своей партіи... Я старый социалистъ считаю своимъ долгомъ заявить, что то, что дѣлается въ Совдепѣи отнюдь не социализмъ. И въ этомъ глубокоуважаемый Владимиръ Васильевичъ жестоко ошибается — никогда не социализмъ!... Социализмъ не рабство!.. Нѣтъ!... Тысячу разъ нѣтъ!... Не рабство и не обманъ!... Свобода, равенство и братство, какъ были, такъ и останутся священными лозунгами... Мы должны, господа, забыть всѣ наши разногласія, всѣ наши партійные споры и объединиться... Придти къ полному единенію... Всѣ отъ крайняго лѣваго до праваго нашихъ фланговъ начать рѣшительную борьбу словомъ съ большевиками, этими дѣйствительно разрушителями великой Русской культуры, давшей намъ Пушкина...

— Э... завелъ волынку, слышали, — довольно громко сказалъ кто то подлѣ Нордекова. — Теперь заговорить о митингахъ протеста, о подписныхъ листахъ съ воззваніями къ международной совѣсти. Надоѣло!...

И точно... Съ эстрады раздавалось:

— Мощные митинги протеста... Во всѣхъ городахъ всего свѣта... Рѣчи лучшихъ ораторовъ. Просвѣщенныхъ умовъ... Громкоговорители... Неослабно и неустанно будить народную совѣсть, призывать къ бойкоту всего совѣтскаго, къ презрѣнію ихъ всѣми, разъяснять всю пагубность, всю несостоятельность совѣтской системы...

— Они насъ шимозами, а мы ихъ молебнами, — говорилъ, ни къ кому не обращаясь, сосѣдъ Нордекова. — Это уже было разъ.. Ничему мы не научились... Они насъ изъ пулеметовъ... А мы иконы... Митинги, рѣчи, протесты... Придумайте, господа, что нибудь новое и дѣйствительное.

И будто для подтвержденія словъ говорившаго рядомъ съ Нордековымъ, на эстрадѣ стараго профессора смѣнилъ маленькій щупленькій человѣчекъ въ изящномъ смокингѣ, въ лакированныхъ аккуратно завязанныхъ туфелькахъ, старый, но красивый барскою изнѣженною красотою, съ блѣднымъ лицомъ и голубыми, выцвѣтшими глазами.

— Слово предоставляется писателю Ивану Максимовичу Леонардову.

Довольно дружные аплодисменты вспорхнули по залу.

— Господа, — сладкимъ, негромкимъ голосомъ началъ писатель, — и то, что говорилъ Владиміръ Васильевичъ, и то, къ чему насъ призывалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ взаимно одно другое дополняетъ и разъясняетъ... Вы простите меня за нѣкоторую несвязность рѣчи... Тотъ, кто хорошо пишетъ не всегда можетъ хорошо говорить... Поднятый вопросъ меня необычайно волнуетъ. Оба почтенные оратора не коснулись главного, по моему мнѣнію, самаго существеннаго. Они говорили о матеріальной сторонѣ, не касаясь стороны духовной. Идетъ борьба Христа съ сатаной. И намъ надо объединить свои души въ этой борьбѣ. «Едиными устами и единымъ сердцемъ»... Я не говорю, что надо отказаться совсѣмъ отъ дѣйствій... Отнюдь нѣтъ... Но каждый изъ насъ понимаетъ, что всякая, такъ называемая интервенція съ оружіемъ въ рукахъ совершенно исключается. Дѣйствія противъ большевиковъ выражаются не въ одномъ террорѣ, не въ бряцаніи оружіемъ, а въ каждомъ нашемъ словѣ, движеніи, жестѣ, мысли, проникнутыхъ дѣйствительностью, рождающей здоровую атмосферу и убивающей охватившій насъ маразмъ... Мы должны проникнуться извѣстнымъ мистическимъ настроеніемъ вѣры, чтобы создать опредѣленные, такъ сказать, флюиды борьбы... Важно, господа, не то, когда падутъ большевики, а важно то, что они непременно падутъ, что они должны пасть... Важно, что мы хотимъ, чтобы они пали и знаемъ и вѣримъ, что это такъ и будетъ... Иными словами я васъ призываю къ вѣрѣ, что горами движетъ... Будемъ всѣ вѣрить въ паденіе

большевиковъ, создадимъ атмосферу, насыщенную флюидами такой вѣры и этимъ своимъ невидимымъ воздействиемъ, мистическою своею вѣрою мы погубимъ ихъ навѣрно и навсегда...

— Такъ вѣдь вѣра то безъ дѣлъ мертва есть, — громко сказалъ сосѣдъ Нордекова. Онъ сильно волновался рѣчами ораторовъ и близко принималъ къ сердцу то, что говорилось съ эстрады.

Записалось еще нѣсколько ораторовъ, желавшихъ возразить докладчику, но за недостаткомъ времени и приближеніемъ рокового въ Парижѣ часа «послѣдняго метро» имъ было отказано, и заключительное слово было предоставлено Стасскому.

Онъ говорилъ его усталый и, видимо, раздраженный. Ему точно казалось, что его не поняли, что не захотѣли услышать то, что онъ говорилъ, можетъ быть, передъ смертю.

— Я сказалъ, господа, — слабымъ, но яснымъ и далеко слышнымъ голосомъ говорилъ Стасскій. — то, о чемъ я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ. Извините, что я не пришелъ къ вамъ съ коробкой мармеладныхъ конфетъ фабрики Лиги Націй... Я пришелъ къ вамъ, чтобы, какъ по радіо съ корабля крикнуть на весь міръ:—S.O.S.!! Спасите насъ!!! Эти слова, эти ужасныя слова предсмертной муки, уже крикнулъ на весь міръ въ 1920 г. писатель Леонидъ Андреевъ, крикнулъ ихъ со своего сторожевого поста, изъ Финляндіи, откуда онъ могъ наблюдать то, что дѣлается въ Россіи. Міръ его не услышалъ. Пусть сегодняшнее мое слово будетъ новымъ крикомъ, новымъ призывомъ къ странамъ, къ народамъ всего міра: — S.O.S.!!

Послѣднія слова онъ сказалъ едва слышнымъ голосомъ, потомъ съ неожиданною быстротою повернулся, и, согнувшись, сгорбившись, вошелъ за портьеру и скрылся изъ зала.

Съ глухимъ говоромъ публика стала вставать и, тѣсясь въ проходахъ, выходитъ изъ помѣщенія. Всѣ торопились. Часъ послѣдняго метро наступалъ. Перспектива ожидать ночныхъ автобусовъ, или сидѣть до утра никому не улыбалась. Россіи этимъ не спасешь, а себѣ

надѣлаешь непріятностей. Расходились молчаливо въ мрачномъ раздумьи о надвигающейся катастрофѣ, предотвратитъ которую, казалось не было никакой возможности.

XXIII.

— Факсъ, — окликнулъ выходившаго изъ зала Ферфаксова Ранцевъ. — Ты свободенъ?... Впрочемъ, напрасный вопросъ... Даже, если бы ты былъ и тысячу разъ занятъ, ты долженъ сдѣлать то, что я тебѣ скажу.

Ферфаксовъ остановился передъ Ранцевымъ съ видомъ собаки, слушающей своего господина.

— Посмотри на полковника Нордекова, — сказалъ Ранцевъ, показывая на человѣка, закуривавшаго у фонаря. — Ты понимаешь, его нельзя сейчасъ оставлять одного. Онъ дошелъ до точки. Онъ стоитъ надъ пропастью. Мы должны его спасти и сдѣлать его своимъ. Слѣди за нимъ все время... Переговори, когда найдешь это нужнымъ... Я его насквозь вижу. Проклятый Стаскій!... Развѣ можно говорить такъ слабымъ духомъ... А, между прочимъ я никогда не ожидалъ, что будетъ день, когда и онъ прозрѣетъ.

За эти три часа, что продолжался докладъ и пренія, Нордековъ постарѣлъ на тридцать лѣтъ. Сгорбившись, поднявъ плечи и опустивъ голову, онъ тщетно пытался раскурить на ночномъ вѣтру папиросу. При свѣтѣ фонаря было видно его ставшее совсѣмъ сѣрымъ лицо. Наконецъ, папироса пыхнула. Нордековъ пошелъ впереди Ранцева и Ферфаксова. Походка его не была его обычной бравой и легкой поступью. Такъ, какъ онъ шелъ сейчасъ — топиться ходять, или подходятъ къ эшафоту съ качающейся надъ нимъ веревкой висѣлицы. Ферфаксовъ понялъ, что приказалъ ему Ранцевъ и удивился проницательности своего бывшего начальника.

«Впрочемъ», — подумалъ онъ, — «Ранцевъ, какъ

офицеръ, умѣть читать въ человѣческихъ сердцахъ и угадывать въ нихъ холодъ смерти».

Онъ прошелъ за Нордековымъ къ спуску въ подземную дорогу, онъ стоялъ съ нимъ на платформѣ въ ожиданіи поѣзда, сѣлъ съ нимъ въ одинъ вагонъ — Нордековъ не видалъ его.

Сложная и тяжелая работа шла въ душѣ у Нордекова. Докладъ Стасскаго точно открылъ ему глаза. Какъ все было безнадежно и безотраднo!

«И все это говорилъ Стасскій, первый умъ Россіи!... Какое общество собралось слушать его и какъ слабы были возраженія! Большевики побѣждаютъ и нѣтъ силы, могущей противоборствовать ихъ побѣдѣ. Ужасно!... Всѣ мечты, все то, чѣмъ онъ жилъ всѣ эти годы — только мечты... И не только дивизіи, бригады, полка, но даже и батальона онъ никогда не увидитъ... Значить: — вѣчно... До самой смерти — экспортная контора и возня съ тяжелыми ящиками, писаніе накладныхъ и коносаментовъ и тѣсная, по совѣтски уплотненная жизнь на виллѣ «Les Coccinelles».

Нордековъ тяжело вздохнулъ.

Онъ жилъ мечтами возвращенія въ Россію. Ему казалось, что стоитъ вернуться въ Россію — «домой» и все станетъ по старому. И жена его будетъ опять той милой красивой Лелей, съ которой такъ дружно, весело и хорошо жилось. Онъ, сидя въ душномъ вагонѣ электрической Парижской дороги, мечталъ о Петербургѣ и о Красномъ Селѣ, гдѣ лучшіе прошли его годы.

«Развѣ здѣсь такая весна?... Такъ пахнетъ?... Наши бѣлыя березки съ еще клейкими листочками... Распускающіеся молодые тополя въ садикахъ главнаго лагеря... Какой шелъ отъ нихъ свѣжій весенній духъ! Утромъ встанешь раненько на стрѣльбу, и уже слышенъ трескъ винтовочныхъ выстрѣловъ на стрѣльбищѣ позади бараконъ... Раздается частый топотъ казачьей сотни, идущей на ученіе... Значить, никогда, никогда не увидитъ, не услышитъ и всѣмъ бытіемъ своимъ не ощутитъ онъ бѣнія русской военной жизни?... И все то, что они съ такою глубокою вѣрою и самоотверженіемъ дѣлаютъ здѣсь — химера?... Фантазія?... глупости?.. И

правы не они съ ихъ вождями, а Леля и «мамочка» съ ихъ тупымъ мѣщанскимъ матеріализмомъ. Пора опустаться на дно... Напрасно тратить послѣдніе гроши на собираніе по кусочкамъ осколковъ былой полковой славы, на разыскиваніе старыхъ фотографій и гравюръ, на созданіе уголка полкового музея... Вздоръ.. Безсмысленныя мечтанія... Призраки... Химеры... Ничего нѣтъ... Впереди — успѣхи совѣтской «пятилѣтки», вторженіе новыхъ варваровъ, гибель христіанской культуры... И... новое бѣгство что ли?... Куда?... Не лучше ли, не благодарнѣе ли уйти?..»

Нордековъ машинально, по годами установившейся привычкѣ пересѣлъ на поѣздъ электрической дороги и мчался къ себѣ. Ферфаксовъ неотступно слѣдовалъ за нимъ. Нордековъ его не замѣчалъ. Изъ его зрѣнія, изъ его наблюденія выпали всѣ люди. Окружающее онъ едва воспринималъ. Мозгъ его былъ сосредоточенъ на одной мысли о себѣ. О безотрадности, безсмысленности и ненужности своего существованія. Какое то страшное рѣшеніе зрѣло въ его головѣ. Въ немъ исчезалъ и растворялся весь внѣшній міръ. Въ немъ призракомъ, чѣмъ то несуществующимъ казался сидѣвшій въ одномъ вагонѣ съ нимъ человѣкъ съ бурымъ, будто знакомымъ лицомъ и глазами, сосредоточенно устремленными на него.

Ферфаксовъ чувствовалъ, что ему предстоитъ безсонная ночь. Это его не смущало. Это напоминало ему другія, волшебныя, колдовскія ночи въ Маньчжуріи, когда такъ же слѣдилъ онъ за звѣремъ, за медвѣдемъ, или за джейраномъ, все позабывъ, ночью крался по слѣду, чтобы выцѣлить его на зарѣ и свалить мѣткимъ выстрѣломъ. Онъ вдругъ вспомнилъ своего вѣрнаго охотничьяго пса Бердана. Теперь онъ несъ такую же работу, какъ его Берданъ. Онъ вѣрно такъ же чувствовалъ душевное состояніе дичи, какъ онъ теперь точно читалъ въ душѣ полковника Нордекова.

Полковникъ тихими, шатающимися, больными шагами дошелъ до своего переулка, открылъ калитку и пошелъ вдоль дачъ. Ферфаксовъ неслышною тѣнью слѣдовалъ за нимъ. Онъ прослѣдилъ, какъ полковникъ во-

шелъ въ домъ, отомкнувъ дверь своимъ ключомъ, какъ, должно быть, тихонько вошелъ въ спальню и зажегъ лампу. Окно ненадолго освѣтилось, потомъ стало темнымъ. Ферфаксовъ все понималъ. Онъ точно видѣлъ полковника сквозь стѣны. Полковникъ кончатъ съ собою будетъ...

Ферфаксову самоубійство было непонятно. Оно претило его православному пониманію жизни. Оно не отвѣчало понятію вѣчнаго служенія Родинѣ. Богъ далъ жизнь и только Онъ можетъ отнять ее. Человѣкъ принадлежитъ Отечеству и никогда не знаетъ, когда его жизнь потребуется Отечеству. Уйди изъ жизни — дезертирство.

Лекція Стасскаго не произвела особаго впечатлѣнія на Ферфаксова. Стасскій, несомнѣнно, очень ученый человѣкъ, кажется даже академикъ, но въ такихъ вопросахъ ученые то люди чаще всего и ошибаются. Притомъ Ферфаксовъ былъ приобщенъ къ нѣкоей тайнѣ, и эта тайна говорила ему, что бороться за Россію не только можно, но что эта борьба уже идетъ.

Но, зная всю семейную обстановку жизни полковника, Ферфаксовъ понималъ и Нордекова. Онъ понималъ, что полковнику уже некуда податься. Онъ дошелъ до стѣны. И, стоя подъ окнами дома Нордекова, Ферфаксовъ размышлялъ:

«Георгій Димитріевичъ дома съ собою ничего дѣлать не будетъ. Давиться не станетъ — не офицерское это дѣло, высунувъ языкъ на веревкѣ висѣть... Яду у него, сколько я знаю нѣтъ. Да и при всѣхъ травиться — какая охота!... Стрѣляться въ домѣ не будетъ... Онъ такъ воспитанный человѣкъ и свою жену любить... Сейчасъ вѣроятно написалъ записку и легъ... Думаетъ... Можетъ быть еще и одумается...»

Ночь тихо шествовала. Ферфаксовъ любовался ею. Парижъ затихалъ. Наконецъ настала торжественная, такая рѣдкая здѣсь тишина... Все успокоилось. Новые, не городскіе шумы тихо и осторожно вошли въ ночь... Сталъ слышенъ шумъ молодой листвы. Гдѣ то далеко прокричала ночная птица... Вѣтеръ разогналъ тучи. На небѣ узоромъ проглянули звѣзды. Ферфаксовъ слѣдилъ

за ними, какъ онѣ гасли одна за другою. Небо сѣрѣло. Дремота стала охватывать Ферфаксова. Сквозь нее онъ сталъ смутно слышать, какъ предъутренними шумами загудѣлъ Парижъ. Гдѣ то заунывно и дико завывала фабричная сирена, призывая вторую ночную смѣну.

Ферфаксовъ, стоя, спалъ и тяжело очнулся, когда въ ставшіе уже привычными далекіе шумы вошелъ вдругъ совсѣмъ близкій короткій стукъ двери. Ферфаксовъ открылъ глаза. Одно мгновеніе онъ не могъ сообразить, гдѣ онъ и почему стоитъ въ глухомъ пустынномъ переулкѣ. Но сейчасъ же съ охотничьею быстротою къ нему вернулась память. Было еще темно, но уже чувствовалось приближеніе утра.

XXIV.

Полковникъ вышелъ изъ дома. Онъ прошмыгнулъ мимо Ферфаксова и направился къ воротамъ. Ферфаксовъ тѣнью послѣдовалъ за нимъ.

Фонари въ мѣстечкѣ были погашены. Въ сумракѣ ночи покоились прямая улицы. Полковникъ прошелъ черезъ рыночную площадь и сталъ спускаться къ Сенѣ по широкой аллеѣ между зацвѣтающихъ каштановъ. Онъ вышелъ на набережную и пошелъ вдоль рѣки.

Нордековъ направлялся къ извѣстной ему глыбѣ цемента, торчавшей на самомъ берегу надъ водою. Когда то тутъ хотѣли строить что то, или, можетъ быть, везли и обронили большой кусокъ цемента и онъ такъ и остался надъ водою. Это было излюбленное мѣсто удильщиковъ. Мысль Нордекова работала съ поразительною ясностью и онъ вспомнилъ объ этой глыбѣ: — «самое удобное мѣсто».

Нѣтъ ничего хуже, какъ не дострѣлиться. Это удѣлъ мальчишекъ. Не дострѣлиться — это быть смѣшнымъ. Надо лѣчить — а гдѣ средства на это леченіе?... Да и надо устроить такъ, чтобы и хоронить не пришлось. Хоронить тоже дорого. Не по бѣженскимъ средствамъ

умирать. Полковникъ сядетъ на глыбу спиною къ рѣкѣ. Отъ толчка, что будетъ при выстрѣлѣ, онъ потеряетъ равновѣсіе и упадетъ въ воду. Тутъ достаточно глубоко. Течение подхватитъ его тѣло. Если бы онъ не дострѣлился, раненый онъ утонетъ. Тѣло его когда то найдутъ... Да и найдутъ ли?... Сколько гибнетъ тутъ народа, и тѣла ихъ никогда не находятъ.

Полковникъ взобрался на глыбу и сѣлъ лицомъ къ рѣкѣ. Разсвѣтъ наступалъ. Въ голубой дымкѣ тонулъ противоположный берегъ. Онъ былъ въ садахъ. Вдоль рѣки шла широкая аллея высокихъ старыхъ платановъ. За ними скрывались богатые дачи. Рѣка неслась гладкая, не поколебленная вѣтромъ. Изрѣдка плеснетъ у берега большая рыба, сверкнетъ серебрянымъ блескомъ взволнованной воды, и опять ровная сѣрая простыня стелется мимо, и не видно, течетъ рѣка, или стоитъ неподвижно, какъ длинная заводь. У цементнаго обрубка росла трава. Далеко за Сень-Клу гудѣлъ и шумѣлъ проснувшійся, неугомонный городъ.

Свѣтало. Вдоль по рѣкѣ потянуло прохладнымъ вѣтеркомъ. Чуть зарябило воду, но сейчасъ же она успокоилась. Рѣка стала глубокой, холодной, зеленой и прозрачной, какъ расплавленное бутылочное стекло.

«Хорошо... А жить нельзя... Какъ жить?... Совсѣмъ и навсегда безъ Родины?... Какъ красиво это утро... И Сень-Клу... Не напрасно это мѣсто такъ любили и Наполеонъ и Императрица Евгенія... Императрица Евгенія?... Прожить девяносто лѣтъ и только сорокъ изъ нихъ быть счастливой!... Пережить позоръ сдачи въ плѣнъ пруссакамъ мужа... Смерть въ англійскихъ войскахъ въ далекой колоніальной войнѣ въ Африкѣ сына, едва ли не убитого тѣми самыми англичанами, кому онъ предложилъ свою прекрасную молодую жизнь... Она пережила все это... Скиталась на яхтѣ, жила на чужбинѣ, отвергнутая Родиной. Пережила свою необычайную красоту, свою любовь, свою гордость, счастье и все жила, ожидая, когда приберетъ ее Господь... Вѣкъ другой... Сильнѣе что ли были тогда люди?... Вѣрили по иному?... Въ Сень-Клу былъ счастливъ съ Жозефиною Наполеонъ.. Тоже, сколько пережилъ! Московское поражение,

гибель арміи. Отреченіе отъ престола. Ватерлоо... Святая Елена... А вотъ все жилъ... Катался верхомъ, гулялъ подъ надзоромъ ненавистныхъ ему людей, а съ собою не кончилъ... Писалъ мемуары. Игралъ въ карты... Говорятъ, любилъ кого то поздною любовью. Мучился отъ тяжелой болѣзни. Совѣтовался съ докторами... Что же держало ихъ, бывшихъ владѣльцевъ Сень-Клу, на землѣ?... Вѣра?... Наполеонъ и не вѣрилъ... Я?... Какая же у меня вѣра?... Привычка и больше ничего...

Воспоминанія, вдругъ нахлынувшія при видѣ Сень-Клу отвлекали отъ главнаго... Если такъ думать, если это вспоминать — зачѣмъ и кончать съ собою?... Но жить уже нельзя было. Собственно говоря главное уже было сдѣлано. Записка написана. Онъ вышелъ въ неуточное время изъ дома, онъ все сдѣлалъ. Остается лишь пустая, такъ сказать, формальность: — засунуть револьверъ въ ротъ и нажать на спусковой крючекъ. Медлилъ. Ему вспомнилась его Леля и сынъ Шура, не Мишель Строговъ, а Шура, милый мальчикъ съ забавными вихрами на головѣ и съ дѣтскою серьезностью.

Тяжкимъ усиліемъ воли все это прозналъ. Зачѣмъ? Корабли сожжены и нѣтъ возврата... Онъ уже не самоубійца, но приговоренный къ смерти. Никто не можетъ помиловать его, или замѣнить казнь каторжными работами. Да вѣдь каторжиѣ того, что онъ, и всѣ они, дѣлаютъ, и не придумаешь, ибо безцѣльно, бессмысленно, а, главное, — бесконечно...

Если теперь это отмѣнить — ко всему этому прибавится еще не дострѣлившійся самоубійца... Пора...

Полковникъ повернулся спиною къ рѣкѣ. Все время искусно скрывавшійся отъ него Ферфаксовъ съ охотничьею ловкостью присѣлъ за кустами.

Полковникъ точно въ какомъ то раздумьи вынулъ изъ кармана пальто револьверъ и взвелъ курокъ.

Онъ какъ бы ощутилъ вхожденіе холоднаго дула въ ротъ, отвратительное прикосновеніе тяжелаго металла къ зубамъ, потомъ толчекъ, мгновенную боль... А дальше?...

Не все ли равно?

Полковникъ приподнялъ руку съ револьверомъ, усѣлся поудобнѣе, чуть откинулся назадъ... Онъ помнилъ, что ему надо непременно упасть въ воду...

.....

Все, что было потомъ, показалось ему сномъ. Такъ только во снѣ бываетъ: — вдругъ въ черноту небытія точно какое то окно откроется. И тамъ свѣтъ. Новая какая то жизнь. Невѣроятныя приключенія. Надолго ли? Такъ случилось и сейчасъ. То, что было — кончилось. Не стало виллы «Les Coccinelles», и не надо было ходить въ экспортную контору.

И потомъ, когда пошла и завертѣлась эта новая, такъ непохожая на все прошлое жизнь, полковникъ часто думалъ, что не покончилъ ли онъ тогда на берегу Сены съ собою и эта новая жизнь уже жизнь потусторонняя? Такъ все въ ней было необычно.

XXV.

Крѣпкая, точно изъ стали выкованная рука, мертвою, бульдожьей хваткою схватила руку полковника за запястье. Другая рука быстро выхватила револьверъ изъ его руки и, взмахнувъ имъ, далеко бросила въ рѣку. Блеснула въ холодномъ зеленомъ стеклѣ ея вспѣнвшаяся серебромъ волна, тихо булькнула и все успокоилось. Прямо противъ лица полковника было темное лицо. Каштановые собачьи глаза съ спокойнымъ блескомъ смотрѣли въ глаза полковника.

Полковникъ хотѣлъ возмутиться. Онъ искалъ словъ, какія говорятъ въ такихъ случаяхъ и не находилъ.

«Что вы дѣлаете!... Какъ вы смѣете?! Какое вамъ до меня дѣло?!», хотѣлъ онъ крикнуть, но языкъ не повиновался ему, и только легкое шипѣніе раздалось изъ его рта.

Онъ безсильно свалился въ объятія схватившаго его человѣка, едва слышно прошепталъ: — «оставьте меня», — и залился слезами, всхлипывая, какъ ребенокъ.

Ферфаксовъ взялъ полковника за талию, осторожно свелъ его съ глыбы и повелъ по пустынной береговой дорогѣ къ дому. Онъ зналъ, что тутъ надо что то говорить и успокоить полковника, но не рѣчистъ былъ Ферфаксовъ. При томъ же и смущенъ онъ былъ до нельзя. Полковникъ былъ и годами и положеніемъ старше его, и онъ боялся какъ нибудь обидѣть, или задѣть самолюбіе полковника. Ферфаксовъ призвалъ на помощь Бога. Онъ вспомнилъ, какъ напутствовалъ Христосъ апостоловъ и какъ говорилъ имъ, что не нужно заранѣе обдумывать, что сказать, но что Духъ Святый найдетъ на нихъ и научить, что говорить...

Полковникъ совершенно размякъ. До дома было недалеко и наступалъ тотъ часъ, когда надоѣдливый сверлящій звонъ будильника Мишеля Строгова подыметъ съ постелей все населеніе виллы «Les Coccinelles».

— Ну зачѣмъ это? — началъ нерѣшительно и не смѣло Ферфаксовъ. — Ну къ чему?... Старый дуракъ глупости болталъ, а вы и разстроились... Да все это вздоръ... Россія будетъ... Еще и какая прекрасная Россія будетъ!...

— Но мы не увидимъ ее, — блѣднымъ голосомъ сказалъ полковникъ.

— Еще и какъ еще увидимъ ее. Повѣрьте мнѣ, еще и сдѣлаемъ кое что для нея, для ея спасенія хорошее, большое дѣло сдѣлаемъ.

— Нѣтъ!... Что ужъ!... Куда ужъ!... Что вы меня, какъ ребенка утѣшаете, — проговорилъ съ тоскою въ голосѣ полковникъ, и сейчасъ же со злобою добавилъ: — напрасно, знаете, вы вмѣшались не въ свое дѣло... Что же я то теперь буду дѣлать? — съ ужаснымъ отчаяніемъ воскликнулъ полковникъ. — Ко всей пошлости моей жизни, вы прибавили еще и этотъ вѣчный позоръ.

— Говорить псалмопѣвецъ Давидъ: — «вечеромъ водворяется плачь, а на утро радость»*).

— А да что тамъ!... Псалмопѣвецъ Давидъ!... Глупости все это!...

*) Псаломъ Давида 29, ст. 6.

Но радость яркого, солнечного весеннего утра была кругомъ, и не могъ уже полковникъ не ощущать ее. Птицы пѣли въ вѣтвяхъ деревьевъ аллеи. Люди еще не появились. Мирны и тихи были въ утреннемъ свѣтѣ маленькія дачки съ закрытыми ставнями окнами. Пыль и газы машинъ прилегли къ землѣ вмѣстѣ съ росой. Воздухъ былъ свѣжъ и душистъ. Съ нимъ въ самую душу полковника вливалась такая радость бытія, которой онъ никакъ не могъ противостоять. Онъ невольно слушалъ, что спокойно и разсудительно говорилъ ему Ферфаксовъ и, хотя все продолжалъ думать, что все это просто сонный бредъ, задавалъ вопросы и давалъ отвѣты.

Удивительна была рѣчь Ферфаксова и такъ неожиданна.

— Вотъ вы, Георгій Димитріевичъ, на какое страшное дѣло покусились, а о томъ не подумали, что такая ваша рѣшимость, такая готовность разстаться съ лучшимъ Божьимъ даромъ — жизнью — могла бы послужить на пользу Родинѣ.

— Но... Какъ?... Поѣхать туда?... Для этого нужны визы, фальшивые паспорта?... Деньги?... Что же, я готовъ... Хотя сейчасъ... На какой угодно террористическій актъ я готовъ. Вы сами видали — мнѣ жизнь копѣйка... Научите, какъ это сдѣлать?... Къ кому пойти?... Вы можете мнѣ вѣрить, я не предамъ... Не разболтаю... Человѣкъ, пережившій все то, что я сейчасъ пережилъ, мнѣ кажется достоинъ довѣрія... Вы тѣмъ болѣе меня не первый день знаете, и знаете, почему я пошелъ на это...

— Вы все хотите идти старыми путями... Маленькіе террористическіе акты... Безусловно необходимые... Митинги протестовъ... Посылка агитаціонной литературы. Все это хорошо, когда мало денегъ и нѣтъ организаціи...

Полковникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ферфаксова. Немудрящій онъ офицеръ съ собачьими, не ломающими своего прямого взгляда глазами. Откуда онъ такъ говоритъ?... Что знаетъ онъ такое, чего онъ, полковникъ Нордековъ, не слыжалъ.

— А что же?... Есть деньги?... Есть организація?... Что то не вѣрится... У насъ объ этомъ ничего не слышно?... По Парижу объ этомъ не болтають...

— Вотъ это то, что не болтають и хорошо... Это доказываетъ серьезность того, что я вамъ предложу...

Они входили на rue de la Gare. Полковникъ заволновался и снова сталъ раздражителенъ.

— Что вы меня арабскими сказками успокаиваете. Вотъ я у своего дома. Мнѣ предстоитъ объясненіе съ женою. Если она встала — она уже могла найти мою записку и, согласитесь, что достаточно глупо послѣ нея взять, да вотъ такъ вотъ и явиться собственною персоною, цѣлымъ и невредимымъ... Глупо-съ... Нестерпимо глупо!...

— Вы что же тамъ написали?...

— То, что всегда въ такихъ случаяхъ пишутъ: — «въ смерти моей никого не винить»... Ну и прочее, что тамъ полагается... Чтобы и тѣла моего не искали... Ну и о причинахъ тоже... Хорошъ буду я... такъ вотъ и явиться... Воскресшій покойникъ.

— Гдѣ вы оставили вашу записку?

— На нашемъ единственномъ спальномъ столикѣ, подъ ея бюваромъ.

— Ну, бѣда не велика. Она еще, можетъ быть, жена то ваша, и не встала. Вѣдь и шести часовъ нѣтъ. А и встала, такъ не сейчасъ она станетъ по бюварамъ рыться. Вы не первый разъ не ночуете дома... Ну, а если она и встала, и переполохъ тамъ поднялся, такъ и то бѣда совсѣмъ не непоправимая...

— Ну те?...

— Скажите, что у меня съ вами была американская дуэль. На всякій случай вы заготовили записку, а жребій вытянулъ я, да и раздумалъ стрѣляться, и мы — помирились.

— Вы т а к о е берете на себя?...

— Что т а к о е ?...

— Да вѣдь это... какъ то... Некрасиво что ли для васъ то выходить.

— Въ жизни бываютъ такія положенія, когда мож-

но и маленькое, условное некрасивое, сдѣлать во имя громаднаго и несказанно прекраснаго.

— Какія же это такія времена?

— Когда идутъ спасать Россію.

— Вы шутите, Факсъ. Есть вещи, которыми нельзя шутить.

— Я это понимаю.

Полковникъ остановился у калитки палисадника. Вилла «Les Coccinelles» спала крѣпкимъ сномъ. Даже у Агафошкиныхъ не горѣло огня.

Это немного успокоило полковника.

— Но вы понимаете весь ужасъ моего положенія, — сказалъ онъ. — Значить, опять все по старому и то, отъ чего я рѣшился уйти — продолжается. Сейчасъ кофе... Газета... А!... да вы нашу жизнь знаете!... Неонила Львовна съ ея «винтиками»... Леночка — совдепка... Опять еще что нибудь учинить, какъ давеча со щенятами!... И контора!... Вы знаете: — мнѣ все это такъ обрыдло, осточертѣло, что, ей Богу, вотъ не могу я этого больше выносить. Это же пошлость, — крикнулъ полковникъ.

— Это не пошлость, — тихо сказалъ Ферфаксовъ, — но неизбѣжныя мелочи жизни.

— Все равно, — простоналъ полковникъ. — Не могу!... Ай... не могу!

— И не надо.

— То есть какъ это такъ не надо?...

— Да очень просто. Сегодня поѣдете въ контору послѣдній разъ и скажете, что берете расчетъ. Сегодня вы поступаете на новое мѣсто. И вся недолга.

— Полноте... Я не ребенокъ... Куда же это я пошпиль? Какое мѣсто?... При теперешнемъ то кризисѣ, при общей безработицѣ?... Да вѣдь мнѣ семью кормить надо. Посчитайте, сколько насъ... Я все-таки тысячу сто франковъ каждый мѣсяцъ въ общій котель вносилъ.

— Вы будете получать полторы тысячи на всемъ готовомъ.

— Гдѣ же это такія золотыя розсыпи открылись?

— Официально, вы поступаете въ фильмовое общество и ѣдете на съемки на острова Галапагосъ.

— Не официально?...

— Потомъ сами увидите.

— Н-ну, знн-наете, — дѣлая шагъ къ калиткѣ и берясь за ручку, сказалъ полковникъ. — Шутки ваши переходятъ границы дозволеннаго даже и между друзьями. Не знаю. какъ въ такихъ случаяхъ принято, благодарить за то, что вы сдѣлали, или нѣтъ... Я не благодарю... Я хотѣлъ уйти отъ каторги... Вы мнѣ помѣшали... А милыя шутки ваши бросьте... Я въ нихъ не нуждаюсь.

— Да я вовсе и не шучу... И чтобы доказать это извольте получить двѣ тысячи франковъ авансомъ.

Ферфаксовъ къ крайнему удивленію полковника, знавшаго денежныя дѣла его, вынулъ объемистый бумажникъ и досталъ изъ него двѣ большія пестрыя новыя тысячефранковыя бумажки и протянулъ ихъ полковнику. Но полковникъ ихъ не бралъ.

— Послушайте... а росписка?

— Вы распишитесь послѣ у казначея въ требовательной вѣдомости.

Полковникъ все не бралъ денегъ.

— Знаете, — сказалъ онъ, — хотя и говорятъ: «деньги не пахнутъ», для меня деньги очень даже пахнутъ... И теперь особенно. Мы въ такое подлое время живемъ... Вы меня простите... Но и брату родному вѣрить нельзя... Особенно, когда такъ вдругъ съ бухты барахты вамъ предлагаютъ такія большія деньги... Организациі могутъ быть различныя... Имѣйте въ виду, — очень строго сказалъ полковникъ, — хотя вы и видѣли меня въ моментъ полного и недостойнаго офицера упадка духа — я офицеръ!... И вы понимаете... Я ни въ какія этакія политическія авантюры, гдѣ раздѣломъ Россіи пахнетъ и распродажей ея по частямъ иностранцамъ никогда не пойду.

Ферфаксовъ прервалъ его. Онъ посмотрѣлъ немигающими глазами въ глаза полковнику, въ самую душу его, казалось, проникъ своимъ честнымъ собачьимъ взглядомъ и съ достоинствомъ сказалъ:

— Вы мнѣ можете вѣрить... Я вѣдь тоже офицеръ... Очень маленькій и глубокой арміи офицеръ... Тѣмъ бо-

лѣе... — Ферфаксовъ выпрямился, гордо поднялъ голову и съ громаднымъ достоинствомъ добавилъ послѣ нѣкоторой выдержки: — Я офицеръ Россійской Императорской арміи и вы должны мнѣ вѣрить. Эти деньги чистыя. Я даю ихъ вамъ, чтобы намъ вмѣстѣ работать для спасенія Россіи... всего міра... отъ большевиковъ.

Полковникъ медленно взялъ и спряталъ деньги.

«Все это», — снова подумалъ онъ. — «происходитъ не то въ томъ снѣ, что мнѣ гдѣ то снится, не то въ небытіи, послѣдовавшемъ послѣ моего быстрѣла... И это какая то совсѣмъ необыкновенная вилла «Les Cocci-nelles»... Посмотримъ, что будетъ дальше, когда я проснусь или совсѣмъ умру»...

Онъ крѣпко пожалъ руку Ферфаксову и быстрыми шагами пошелъ по дорожкѣ своего палисадника.

Въ ту же минуту, на верху, въ каморкѣ Мишеля Строгова, нудно, назойливо, громко и безконечно залился колокольчикъ будильника.

Въ подвальномъ этажѣ загорѣлся огонь. Проспалъ, значитъ, старый Агафошкинъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

« КАПИТАНЪ НЕМО ».

...«Пособіемъ художника всегда будетъ фантазія, а цѣлью его, хотя и несознательною, пассивною, или замаскированную, стремленіе къ тѣмъ или другимъ идеаламъ, хотъ бы, на примѣръ, къ усовершенствованію наблюдаемыхъ имъ явленій, и замѣнѣ худшаго лучшимъ.

И это лучшее и будетъ идеаломъ, отъ котораго не отдѣлаться художнику, особенно, когда у него, кромѣ ума, есть и сердце»...

И. А. Гончаровъ. «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

I.

Уже пять лѣтъ, какъ инженеръ Долле велъ двойную жизнь. У него было нѣсколько заводовъ и мастерскихъ, обслуживавшихъ его изобрѣтенія и находившихся въ рукахъ акціонерныхъ компаній и обществъ, его состояніе быстро росло и исчислялось уже во многихъ сотняхъ милліоновъ франковъ, а онъ продолжалъ вести тотъ же скромный образъ жизни. Онъ не игралъ въ игорныхъ домахъ, или на биржѣ, не имѣлъ дорогой любовницы, не расточалъ своего богатства на внѣшнюю, всѣмъ видную благотворительность. Онъ терпѣливо копилъ и приумножалъ свои капиталы. Люди спрашивали: «для чего»? Люди завидовали ему и осуждали его. Онъ не обращалъ на это вниманія. Впрочемъ, мало кто зналъ точно цифру его состоянія. Долле не любилъ, чтобы

ему заглядывали въ карманъ, или знали состояніе его текущихъ счетовъ.

Но кончался его рабочій день, день инженера и предсѣдателя многихъ компаній и обществъ, и Долле исчезалъ изъ богатаго особняка, и куда онъ ѣздилъ, чѣмъ занимался — это было тайной. При этихъ поѣздкахъ, если ему приходилось называть себя — онъ называлъ себя: — «Капитанъ Немо»... Люди смѣялись этому, изъ Жюль Верна взятому псевдониму, но принимали его, ибо то, что говорилъ и дѣлалъ съ ними этотъ таинственный Капитанъ Немо было интересно и завлекательно.

Началось это пять лѣтъ тому назадъ и совершенно случайно.

Инженеръ Долле былъ по дѣламъ въ Берлинѣ. Вечеръ у него былъ свободный, дѣваться было некуда, и Долле пошелъ по сосѣдству съ гостинницей, гдѣ онъ остановился, въ Винтергартенъ. Онъ никогда раньше не бывалъ въ подобнаго рода заведеній.

Программа, какъ всегда была разнообразная и интересная. Были дрессированные медвѣди, катавшіеся на конькахъ, былъ человѣкъ, въ котораго пускали токъ страшнаго напряженія и потомъ извлекали изъ него чудовищныя искры, былъ фокусникъ, были гимнасты, летавшіе подъ самымъ потолкомъ, были жонглеры, былъ какой то феноменальный математикъ.

Долле смотрѣлъ это все съ необычайнымъ вниманіемъ. Онъ понималъ, что передъ нимъ были люди-феномены, какъ и онъ самъ со своими изобрѣтеніями былъ тоже человѣкомъ-феноменомъ. Внезапно онъ всталъ на самомъ интересномъ мѣстѣ программы и, не обращая вниманія на воркотню сосѣдей и наступая имъ на ноги, поспѣшно вышелъ изъ зала.

Онъ пошелъ по Фридрихштрассе. Онъ шелъ, опустивъ голову, ни на кого не глядя, наталкиваясь на прохожихъ и самъ съ собою мысленно разсуждая. Его принимали за пьянаго, за умалишеннаго.

«Вотъ въ чемъ была ошибка», — думалъ онъ, шагая по тѣсной улицѣ. «Мы брали обыкновенныхъ лю-

дей. Чтобы побѣдить зло, надо отыскать вотъ такихъ феноменовъ. Феноменовъ химики, механики, радіотехники, самолетнаго дѣла, кинематографіи, да съ ними и работать. Тогда можно рассчитывать на побѣду... Борьба съ Сатаною... Сатана силенъ и всемогущъ, какъ и ангелы Господни. Надо противъ него призвать всю силу Божию, проявленную въ людскихъ талантахъ и людской геніальности... Мы брали среднихъ, можетъ быть, очень честныхъ людей, но людей технически отсталыхъ... Да, когда появились первый разъ танки... Все побѣждало... Надо глушить мозги все новыми и новыми изобрѣтеніями... Ихъ такъ много теперь, и такъ велико могущество человѣка.. Этимъ и займусь... Это и будетъ то, для чего я копилъ деньги... На мнѣ неоплатный долгъ той Россіи, что дала мнѣ образованіе....».

Онъ повернулъ назадъ, въ гостиницу, и съ этого дня въ его жизни появилась таинственность: — народился капитанъ Немо.

Съ громаднымъ усердіемъ и упорствомъ онъ отыскивалъ людей съ выдающимися способностями въ области химіи и механики. Его старыя связи, его извѣстность, какъ изобрѣтателя и химика, знаніе иностранныхъ языковъ и, конечно, деньги, — ему въ этомъ помогали. Передъ нимъ открывались самыя замкнутыя химическія лабораторіи, его пускали на самыя запретныя аэродромы и въ ангары съ самыми новыми аппаратами, его знакомили съ послѣдними открытіями въ области радіо и телевизіи.

Вездѣ капитанъ Немо искалъ феноменовъ. Онъ терпѣливо составлялъ свое «варьете», какъ онъ мысленно называлъ эти поиски, и когда находилъ достойнаго человѣка, онъ сходилъ съ нимъ, испытывалъ его съ разныхъ сторонъ и когда видѣлъ пониманіе того, что надо дѣлать — онъ нанималъ его на службу и давалъ ему опредѣленные заданія.

Такъ создавалась постепенно та сила, съ которой можно было выступить противъ врага.

Но, когда уже замыкался кругъ и работа приходила къ концу, капитанъ Немо увидалъ, что этого недо-

статочно, что въ этой работѣ не обойтись безъ простыхъ, немудрящихъ, но честныхъ людей. Въ дополненіе къ техникѣ, въ свое время понадобится и масса, а массу эту могутъ создать офицеры, отъ чьихъ услугъ онъ сначала отказался.

Какъ разъ въ это время случай привелъ къ нему его стараго товарища по корпусу и друга дѣтства — ротмистра Петра Сергѣевича Ранцева. Ранцевъ пришелъ къ нему по личному дѣлу, и въ немъ показалъ такое безкорыстіе, такую готовность отречься во имя дѣла отъ всего, даже отъ такъ естественной отцовской любви, что капитанъ Немо понялъ, что лучшаго исполнителя его плановъ ему не найти, и онъ пригласилъ работать Ранцева. Онъ поручилъ ему набирать роту честныхъ людей, самоотверженно любящихъ Родину...

Такъ началась работа капитана Немо съ Ранцевымъ.

II.

Капитанъ Немо проснулся среди ночи отъ ѣдкой боли въ боку. Боль эта сейчасъ же и прошла, какъ только онъ легъ на другую сторону. Но заснуть больше онъ не могъ. Онъ лежалъ въ своей богатой спальнѣ въ Парижскомъ домѣ и думалъ.

Въ городѣ была та тишина, что бываетъ въ Парижѣ между двумя и четырьмя часами ночи, когда на короткое время жизнь въ Парижѣ замираетъ. Въ этой непривычной тишинѣ хорошо и глубоко думалось.

Эта мимолетная боль совсѣмъ особенно направила мысли Немо.

«Въ сущности все мое дѣло виситъ на волоскѣ... Какая нибудь случайность... автомобильная катастрофа, несчастный случай на улицѣ... Наконецъ, меня могутъ отравить... Или простая болѣзнь, — и все мое дѣло погибнетъ, не увидавъ исполненія. Это большая ошибка съ моей стороны... И я ее исправлю».

Капитанъ Немо досталъ съ ночного столика часы. Было безъ четверти пять. Капитанъ Немо всталъ, зажегъ огни и тщательно одѣлся. Онъ продѣлалъ короткую гимнастику, потомъ прошелъ изъ спальни въ небольшой кабинетъ, дверь котораго была всегда подъ ключомъ и куда, кромѣ довѣреннаго слуги француза, никто не допускался.

Тамъ онъ остановился передъ изображеніемъ той, кому онъ отдалъ всѣ свои помыслы, все свое состояніе и трудъ.

Громадная двадцативерстная карта Россіи, испещренная значками и наклейками висѣла передъ нимъ на стѣнѣ.

Капитанъ Немо долго стоялъ передъ ней и молитвенное выраженіе не сходило съ его лица.

— Да, — это такъ, — тихо сказалъ онъ. — Это и есть главное... Все... Для чего жить и умереть... А то?... Глупости... И, если кто узнаетъ, найдутъ смѣшнымъ...

Онъ оторвалъ свой взглядъ отъ карты и подошелъ къ небольшому дорогому бюро краснаго дерева въ драгоцѣнной старинной рѣзбѣ. Онъ открылъ это бюро и выдвинулъ ящикъ. Въ немъ, въ рамѣ темно зеленаго бархата, подъ граненымъ стекломъ лежала увеличенная фотографія снимка, сдѣланнаго съ амазонки въ лѣсу. Стройная дѣвушка сидѣла на прекрасной лошади. Какъ ни мала была голова на снимкѣ, можно было разобратить тонкія и красивыя черты ея лица.

Капитанъ Немо долго смотрѣлъ на это изображеніе.

«Когда то», — думалъ онъ, — «мы, трое кадетъ, любили ея мать... Я о своей любви скрывалъ. Ушелъ въ науку. Два другихъ горѣли въ любви къ ней. Ранцевъ былъ съ нею счастливъ. Это его дочь. И надо же такъ быть, что мимолетная встрѣча, короткій разговоръ и люблю... Люблю... Люблю... Потому что это же она, наша королева Захолустнаго Штаба, наша милая, милая Валентина Петровна, только гораздо красивѣе и кажется безъ ея недостатковъ захолустнаго армейскаго воспитанія... Къ чему это?... Знаю, что ни къ чему... Знаю, что сейчасъ я, какъ влюбленный гимназистъ, но никому,

никому не довѣрилъ бы тайны, а ей скажу... Не все, скажу, но скажу, что живъ ея отецъ и скажу, что мы дѣлаемъ... Почему, зачѣмъ?... Да потому, что если бы этого не было, уже очень сталъ бы я черствымъ. И вотъ и у меня глупая, не открытая, ненужная и поздняя любовь»...

Капитанъ Немо захлопнулъ ящикъ и заперъ бюро на ключъ.

«Маленькая слабость большихъ людей».

Гдѣ то за стѣною часы пробили пять. Капитанъ Немо пошелъ въ рабочій кабинетъ. Тамъ, занимая всю стѣну передъ двумя окнами стоялъ широкій чертежный столъ. На немъ, въ большомъ порядкѣ, были положены папки съ бумагами. Угломъ къ нему былъ такой же столъ, гдѣ была укрѣплена доска съ чертежами, прикрытыми тонкой папиросной бумагой.

«Да», — подумалъ Долле, слегка приподнимая бумагу и разглядывая изображенный на ней чертежъ аэроплана. Въ углу тонко карандашемъ были сдѣланы выкладки. «Какъ долженъ я быть благодаренъ старому профессору Жуковскому. Это онъ вдохнулъ въ меня непоколебимую вѣру въ науку. Онъ въ своей аэродинамической лабораторіи предвидѣлъ возможность полетовъ, гораздо раньше, чѣмъ всѣ эти Блеріо и другіе стали летать... Онъ математикой выработалъ теорію устойчивости и приземливанія... Я передалъ свои знанія летчику Аранову, и мы создали то, что никому еще и не снилось...».

Капитанъ Немо, нѣсколько минутъ внимательно разсматривалъ выкладки цифръ въ углу чертежа, поправилъ въ нихъ, стеръ резинкой и снова написалъ.

— Надо будетъ провѣрить въ мастерской... Если бы это было въ Россіи, какъ легко было бы работать!... Съ этими людьми бѣда... Зажгутся, работаютъ, какъ маленькіе геніи, понимаютъ все съ полуслова, а потомъ, вдругъ, какая то подозрительность... И работа стоитъ недѣлями... И вездѣ надо скрываться, вездѣ тайна... Обманъ... и я не я, а капитанъ Немо... Даже глупо какъ то...

Капитанъ Немо снялъ съ руки золотые часики брас-

летъ и, положивъ ихъ на большой столъ, сталъ разсматривать бумаги. Временами онъ поглядывалъ на часы. Когда было безъ четверти шесть, онъ надавилъ пуговку электрическаго звонка.

Лакей безшумно открылъ дверь и внесъ подносъ со стаканомъ чая и хлѣбомъ съ масломъ.

Капитанъ Немо пальцемъ показалъ куда поставить подносъ и, не отрываясь отъ бумагъ, сказалъ:

— *Monsieur Richard est venu...*

— *Oui monsieur.*

— А господинъ Ранцевъ?

— Собираются уѣзжать.

— Задержите господина Ранцева. Попросите ко мнѣ господина Ришара.

— *C'est entendu, monsieur.*

Въ тѣ пять минутъ, что прошли послѣ ухода лакея и пока снова не постучали въ двери Немо успѣлъ закончить свой несложный завтракъ.

— Мосье Ришаръ?... — спросилъ Немо на стукъ.

— Да.

— Пожалуйте ко мнѣ.

Высокій бритый французъ съ сухимъ безстрастнымъ лицомъ секретаря большого человѣка вошелъ въ кабинетъ. На немъ былъ темно синій пиджакъ особаго покроя и сѣро-синяя рубашка съ голубымъ галстукомъ съ двумя серебрянными дорожками.

— Здравствуйте, мосье Ришаръ.

— Здравствуйте, господинъ инженеръ.

Дальше разговора не было. Немо быстро передавалъ бумаги и чертежи секретарю.

— Въ чертежную, генералу Чекомасову... На заводъ... Въ химическую лабораторію, господину Вундерлиху... Господину Лагерхольму... Отъ капитана Ольсона есть что нибудь?

— По нашему радіо сегодня ночью передалъ, что можно начинать погрузку. «Немезида» готова. Всѣ бумаги въ порядкѣ. Пропускъ полученъ.

— Хорошо. Возьмите мой Рольсъ Ройсъ. Мнѣ онъ до вечера не будетъ нуженъ. Съѣздите въ упаковочную,

подгоните отправку аэропланнхъ частей. Побывайте на таможднѣ. Смажьте, если нужно.

Мосье Ришаръ сдѣлалъ недоумѣвающий жестъ.

Немо рукою показалъ, что надо сунуть деньги.

— А, понимаю... Думаю, что не понадобится.

— Ваше дѣло... Надо начинать отправку. Сами видите — медлить больше нельзя. Европа загорается.

— Я это понимаю.

— Такъ дѣйствуйте... Попросите ко мнѣ сейчасъ Ранцева въ нижній кабинетъ.

— Слушаю.

— До свиданія, дорогой Ришаръ.

III.

Въ нижнемъ кабинетѣ, гдѣ все было просто, по казенному убрано, гдѣ вмѣсто дорогихъ ковровъ былъ паркетъ и стояли столы, стулья, да въ шкапахъ были книги и свертки картъ, капитанъ Немо дожидался мускулистый крѣпкій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, бритый, съ коротко остриженными, густыми, сѣдыми волосами. И такъ же, какъ капитанъ Немо, какъ всѣ въ этомъ домѣ, онъ былъ въ просторномъ темно-синемъ костюмѣ своеобразнаго полувоеннаго покроя.

Капитанъ Немо быстро подошелъ къ нему.

— Какъ я радъ, Петръ Сергѣевичъ, что успѣлъ захватить тебя прежде, чѣмъ ты уѣхалъ. Ты куда собирался?

— Какъ всегда. Въ Нордековскую роту. На занятія.

— Это отъ тебя не уйдетъ. У меня же къ тебѣ большое и важное дѣло. Я ночь не спалъ, думая объ немъ. Ты доволенъ людьми?

— И да, и нѣтъ. Все таки сильна въ нихъ бѣженская психологія. Ихъ многое смущаетъ. Очень напуганные въ прошломъ — они и теперь боятся не туда попасть... Наткнуться на авантюру или, что хуже на провокацію.

Очень хорошъ у насъ Факсъ. Вотъ преданныйшій тебѣ человекъ.

— Что же ихъ смущаетъ?

— Мелочи... Намъ съ тобою онѣ незамѣтны... Имъ, видимо, тягостны.

— Напримѣръ?

— Почему требуется отказъ отъ спиртныхъ напитковъ и куренія?... Что это за общество трезвости, моль, такое... Мы не дѣти...

— Вотъ какъ!... Если во имя Россіи не могутъ отказаться отъ соски во рту... Ну и Богъ съ ними!

— Ричардъ Васильевичъ... Ты не справедливъ къ нимъ... О Россіи то нѣтъ никакой рѣчи. Они нанимаются въ какое то таинственное кинематографическое общество... и только... Имъ непонятны эти требованія.

— Но ты сказалъ имъ, что это испытаніе. Впереди имъ предстоятъ тягости и лишенія при съемкѣ, не совсѣмъ обычной. Нужны твердые, волевые, крѣпкіе и сильные духомъ люди. А какая же это сила воли, если я не могу отказаться отъ куренія?... Это, согласенъ, мелочь.. Но ты строевой офицеръ долженъ меня понять... Когда часовому разрѣшили стоять на посту, какъ ему угодно, курить и даже сидѣть... Что вышло?...

— Не стало часового.

— Когда не стали слѣдить за соблюденіемъ формы въ одеждѣ и въ форму допустили моду — армія, другъ мой, стала разваливаться. Мелочи... Да, Мелочи... Потому ихъ съ такою легкостью и отвергаютъ, но въ суммѣ своей онѣ, эти мелочи, создаютъ нѣчто крупное... И не намъ это передѣлывать... Вотъ, можетъ быть, имъ еще не нравится, что я ихъ одѣваю одинаково, какъ бы въ форму?...

— Нѣтъ, это нравится, — быстро сказалъ Ранцевъ. — Они понимаютъ, что общество хочетъ, чтобы они и внѣшне были солидарны, составляли одно цѣлое... Имъ это опредѣленно нравится. Но смущаетъ твоя анонимность, твоя невидимость, псевдонимность... Капитанъ Немо... Жюль Вернъ какой то!... Въ этомъ видятъ несерьезность предпріятія... А нѣкоторые боятся попасть въ

просакъ... Вѣдь не забудь про большевицкій «трестъ»... Очень всѣ напуганы... Кромѣ того и шопоты завистниковъ и обойденныхъ сильно вліяютъ, ну и создается атмосфера, которую какъ то надо разрѣдить...

— Сейчасъ въ періодъ организаціи, что имъ угрожаетъ?... Имъ платятъ, какъ никогда они не получали... Это разъ... Фильмовое общество... Два... Постановка необычайной фееріи на островахъ Галапагось. Что же тутъ страшнаго?... Когда же потребуются ихъ смѣлость, рискъ жизнью — они увидятъ для чего, во имя чего это дѣлается... Когда имъ будутъ показаны всѣ наши изобрѣтенія, всѣ достиженія техники — не думаю, чтобы ктонибудь сталъ роптать... Вѣдь они всѣ убѣжденные «бѣлые». Россія то для нихъ не пустой звукъ... Значить, и довольно... Скажи Гласову, Амарантову, Нордекову, всѣмъ полковникамъ скажи: — когда они поютъ въ хорѣ, играютъ въ оркестрѣ, — какая дисциплина! Ни одна какаянибудь тамъ волторна, или пикколо не посмѣютъ пикнуть безъ воли дирижера... такъ я требую такой же дисциплины... Я плачу хорошо и я требую... Пусть вспомнятъ старое, прежнюю свою службу... Да, еще... Ты можешь... намекнуть что ли... Честнымъ словомъ своимъ завѣрить ихъ, что это, въ конечномъ счетѣ, дѣлается для Россіи... Фильмовое общество... Анонимная компанія. Острова Галапагось... Капитанъ Немо... Но развѣ не понимаютъ они въ какой обстановкѣ приходится работать... Вѣдь мы не у себя дома. Кругомъ враги... Доносы... Слѣжка... Болтовня... Какъ же тутъ обойтись безъ анонимности, безъ «защитнаго» что ли цвѣта?...

Капитанъ Немо указаль Ранцеву на стулъ противъ себя.

— Садись. Нашъ разговоръ будетъ дологъ.

Нѣсколько минутъ капитанъ Немо смотрѣлъ въ глаза Ранцеву. Тотъ смѣло принялъ его взглядъ. Казалось, капитанъ Немо еще разъ провѣрялъ себя и испытывалъ своего стараго столько разъ испытаннаго друга.

За окномъ съ пестрыми стеклами и фигурной желѣзной рѣшеткой утренними шумами ворошился Па-

рижъ. Въ глубокомъ, узкомъ кабинетѣ, у стола, стоявшаго посерединѣ, были сумракъ и полная тишина. Тяжелая дверь отдѣляла кабинетъ отъ остальной квартиры. Онъ былъ угловой и ни одинъ звукъ изъ квартиры не проникалъ въ него. Ни одно слово капитана Немо не могло быть слышно рядомъ.

Въ этой тишинѣ капитанъ Немо началъ говорить о томъ, на что навела его внезапная мучительная боль въ боку, разбудившая его ночью.

IV.

— Ошибка вождей послѣдняго, нашего времени... Да и нашего ли только?... А Петръ Великій?... — началъ Немо, — въ томъ, что они не имѣли замѣстителей, продолжателей, исполнителей, наконецъ, завершителей своего дѣла... Были наслѣдники — замѣстителей не было. У Государя Императора Николая II былъ Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ. Въ годъ начала Великой войны ему минуло десять лѣтъ. Всѣ — и Государь Императоръ больше всѣхъ — знали, что онъ страдаетъ неизлѣчимой наслѣдственной болѣзнью, и что жизнь его всегда виситъ на волоскѣ, а потому врядъ ли ему придется царствовать. Казалось бы тутъ то и нужно было назначить замѣстителя и особымъ манифестомъ объявить, что такой то въ случаѣ чего является замѣстителемъ. Этого человѣка, конечно, надо держать при себѣ, въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и предположеній, чтобы онъ каждую минуту могъ взять бразды правленія... Этого не было... Какъ, возможно, совсѣмъ по иному разыгрались бы февральскія событія, если бы въ минуту душевной слабости Государя, когда онъ отрекался отъ Престола, онъ могъ бы скаазть: — «я усталъ... вы затравили меня... Передаю власть замѣстителю». Но вотъ замѣстителя то и не было... Почему?... Боялись ли интригъ, подвоховъ, измѣны?... Боялись ли подлости людской, или это просто было не принято?... Богъ знаетъ почему...

Мистицизмъ, можетъ быть, тутъ сыгралъ роль? Въ извѣстныхъ кругахъ не любятъ говорить и думать о смерти... Можетъ быть — ревность?... зависть?... недоверіе?... Но, вмѣсто Императора съ его обожествленной властью въ одинъ далеко не прекрасный мартовскій день осталось пустое мѣсто... Всѣ видѣли, что произошло отъ этого... Но и дальше продолжается то же самое. Генерала Корнилова смѣняетъ генераль Деникинъ, генерала Деникина — генераль Врангель — все это не въ порядкѣ замѣстительства, подготовленнаго, но чисто случайно, и въ старомъ дѣлѣ являются новые люди, не знающіе обстановки, не посвященные въ нее. Не было замѣстителя и у Великаго Князя Николая Николаевича, и смерть всякій разъ обрывала большое начатое дѣло... Да вѣдь и у Муссолини нѣтъ замѣстителя, какъ нѣтъ его и у Гинденбурга, какъ нѣтъ ихъ ни у Пильсудскаго, ни у Хитлера. Каждый работаетъ самъ за себя, не довѣряя своихъ плановъ другому. Великій французскій законъ: «le roi et mort — vive le roi» отринуть... А вѣдь это онъ давалъ спокойствіе народу, твердость власти, широкое развитіе непрерывно идущаго дѣла, которому и самая смерть не страшна. Въ этомъ все величіе, значеніе и преимущество монархіи.

Стоявшая въ кабинетѣ тишина казалась Ранцеву торжественной. Въ нее вѣско и внушительно упали слова.

— Роль замѣстителя!... Какая это неблагодарная роль! Онъ долженъ все знать. Все зная и въ готовую умственную работу начальника внося поправку своего свѣжаго ума, онъ будетъ видѣть ошибки и онъ долженъ молчать и слушаться. Свое честолюбіе онъ долженъ спрятать надолго, можетъ быть, навсегда... Какая честность, какое благородство характера должны въ немъ сочетаться! Все зная и обладая всею властью — онъ ничего не можетъ дѣлать самъ, пока живъ его начальникъ. Какой соблазнъ! Прибавь къ этому лесть окружающихъ, заискиванія такъ называемой «оппозиціи», а гдѣ ея нѣтъ? — и ты поймешь что такое быть замѣстителемъ.

Капитанъ Немо замолчалъ. Ранцевъ неподвижно си-

дѣлъ противъ него. Они оба не слышали городскихъ шумовъ. Они ушли во что то отвлеченное, важное. Ранцевъ душою ощущалъ такое непривычное у капитана Немо волненіе и оно сообщалось ему. Онъ молчалъ, ожидая, что скажетъ дальше его другъ.

— Петръ Сергѣевичъ, — съ нѣкоторою торжественностью сказалъ капитанъ Немо, — я все обдумалъ этою ночью, все взвѣсилъ и все предвидѣлъ... Я назначаю тебя своимъ замѣстителемъ.

— Ричардъ Васильевичъ, — очень тихо и серьезно отвѣтилъ Ранцевъ, — Я благодарю за честь и за довѣріе. Но... Смогу ли я?... Есть ли во мнѣ то, чѣмъ долженъ обладать вождь.

— Вождь, — взволнованно сказалъ Немо. — Вотъ именно не то понятіе... Къ которому послѣднее время привыкли... не такъ ты себѣ представляй и меня, какъ вождя... Вождь... Освободитель Россіи... всего міра отъ большевизма... Это человѣкъ, чьего имени по настоящему никто и не узнаетъ никогда... Даже исторія... Не на бѣломъ конѣ вѣдетъ онъ подъ ликующіе крики толпы въ освобожденную Москву... Не пройдетъ на автомобилѣ, расцвѣченномъ національными флагами по ея улицамъ... Не прилетитъ явно на аэропланѣ... Немо! — то есть — никто! Кто то, сдѣлавшій такъ, что перехитрилъ сатану — вотъ вождь въ этомъ дѣлѣ борьбы съ третьимъ интернаціоналомъ... Вождь тотъ, кто сумѣетъ отказаться отъ себя и все отдать Родинѣ... Ошибка прежнихъ вождей была въ томъ, что они не могли перестать быть генералами и оставить прежніе навыки войны и перейти къ другимъ, совсѣмъ особеннымъ.

Немо оборвалъ рѣчь. Ранцевъ чувствовалъ, какъ къ его сердцу подступило давно не испытанное волненіе. Такое точно волненіе было, когда Государь Императоръ произвелъ его въ офицеры, такое волненіе охватило его и въ тотъ день, когда онъ получилъ въ командованіе эскадронъ. Въ немъ соединялись сознаніе громадной отвѣтственности и тяжесть взятаго на себя долга.

— Вождь... Начальникъ... Диктаторъ... — въ какомъ то раздумьи проговорилъ Немо и оборвалъ.

За окномъ на Парижской улицѣ продавецъ пронзительно кричалъ. Мимо пронеслась, стрѣляя и щелкая мотоциклетка, и ея шумъ постепенно замиралъ въ отдаленіи.

Лицо капитана Немо было блѣдно. Въ полутемной комнатѣ его глаза были черны и огонь загорался въ нихъ и потухалъ за длинными, загнутыми вверхъ рѣсницами.

— Вождь — исполнитель воли Господней на землѣ прежде всего долженъ быть вѣрующимъ человекомъ... Вѣрующимъ безъ компромиссовъ. Онъ долженъ совѣтоваться съ Богомъ, какъ это дѣлалъ Моисей, и свято исполнять волю Божию... Не молебны, не чудотворныя иконы, не долгія моленія — все это для толпы, для массъ... Вождю — короткая, но какая глубокая! — молитва утромъ и днемъ передъ началомъ всякаго дѣла. Мысленно, про себя... молніеносно... Отправить въ безконечную высь, къ Престолу Господню короткую какъ бы волну молитвы и получить успокоительный отвѣтъ, дарующій увѣренность... Я знаю — ты такой.

Ранцевъ, молча, наклонилъ сѣдую голову.

— Честность, неподкупность, скромность и цѣломудріе. Когда ты получишь власть и власть огромную, а съ нею и средства, когда однимъ росчеркомъ пера ты будешь сыпать милліонами — какъ легко искустись. Какіе соблазны обступятъ тебя... Банкеты въ твою честь со лъстивыми, неискренними рѣчами. Встрѣча толпою. Крики ура... На рукахъ тебя будутъ носить изъ автомобиля въ залъ и изъ зала въ автомобиль... Цвѣты... Подношенія на память... Рукоплесканія и восторги толпы на каждое твое умное и неумное слово... И женщины... Прекрасныя женщины съ блестящими восторгомъ, влюбленными глазами, готовыя отдаться тебѣ только потому, что ты вождь, что ты можешь казнить и миловать. Сколько великихъ людей споткнулось на этомъ. Сколько размѣняло свою силу, свою власть на объятія женщины. Забыло въ нихъ долгъ. Библейскій разсказъ о Самсонѣ никого не научилъ. А вотъ тебя я знаю. Изучилъ я тебя, и знаю: тебя ни женскими чарами, ни бан-

кетами, ни лестью не купишь и долгу своему ты не измѣнишь. И потому я тебѣ вѣрю, какъ самому себѣ.

Ранцевъ хотѣлъ что то возразить, но Немо рукою коснулся его рукава и продолжалъ:

— Знаю твою скромность... Молчи... Нужна вождю и храбрость, и какая!... По нынѣшнимъ то обстоятельствамъ совсѣмъ необыкновенная. Войти одному безъ всякой охраны въ бушующее солдатское море и движеніемъ руки и обаяніемъ своей храбрости остановить и прекратить начавшійся бунтъ... Помнишь... Дѣтство... и эта наша пѣсенка:

...«Счастья тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ».

Я знаю— ты смерти не боишься.

— Моею всегдашнею мечтою было и осталось — умереть по солдатски.

— Ну, вотъ видишь. Я въ тебѣ не ошибся... Потомъ бодрость. Вотъ будемъ мы всѣ умирать отъ голода, зноя, изнеможенія, усталости, а ты, вождь, съ шуткой на устахъ, точно тебя эти лишения и не коснулись. Двужильный... Помнишь: Сенъ Готардъ и Суворова.

— Конечно, помню.

— Какъ онъ: — «ройте мнѣ могилу»... Чудо богатыри, непріатель отъ васъ дрожить... Побѣдимъ и горы, и природу побѣдимъ... Всѣхъ побѣдимъ... Никакого унынія, ибо всѣ на тебя будутъ равняться. Я видалъ тебя полъ года назадъ, когда ты пришелъ ко мнѣ со своимъ горемъ. Я знаю, какую тяжелую драму ты пережилъ, чѣмъ пожертвовалъ, а бодрости не утратилъ... Въ тотъ вечеръ я оцѣнилъ тебя. Ты настоящій офицеръ!... Офицеръ — съ большой буквы! И все въ тебѣ офицерское. И потому ты достоинъ быть и вождемъ... Кого я другого такого найду, кому бы могъ вѣрить, какъ самому себѣ?

— Но... Ричардъ Васильевичъ.. Умъ, образованіе?... Какія мои знанія? Я же отлично понимаю, что та война, которую ты готовишь, не конныхъ атакъ потребуетъ, но какихъ то сверхчеловѣческихъ знаній... У меня же

никакихъ... «Видъ веселый, но безъ улыбки»... Рубить, колоть, скакать — вотъ и всѣ мои знанія.

— Въ твоихъ словахъ и отвѣтъ, годенъ ли ты? Ты сказалъ: — моя война потребуеъ сверхчеловѣческихъ знаній. А если они сверхчеловѣческія, то и недоступны человѣку, по крайней мѣрѣ, одному человѣку. И не думай объ этомъ. Эти знанія — дѣло специалистовъ, ученыхъ. Твое дѣло сказать, чего надо достигнуть, а какъ это сдѣлать — это уже ихъ дѣло обсудить и придумать. Ты же слушаешь ихъ докладъ и скажешь, годится, или нѣтъ. Кромѣ того, ты замѣститель, а не вождь: Ты приходишь на готовое, на то, что мною сдѣлано и тебѣ надо только ознакомиться со всѣмъ моимъ боевымъ аппаратомъ... А главное — въ тебѣ есть, — ты не согнешься и тебя не сломятъ ни люди, ни обстоятельства.

Капитанъ Немо подошелъ къ одному изъ шкаповъ и досталъ изъ него такой же точно галстухъ, какой былъ и на немъ голубо-синій съ серебрянымъ тонкимъ зигзагомъ.

— Надѣнь на себя и носи, — сказалъ Немо, подавая галстухъ вставшему передъ нимъ Ранцеву. — У насъ нѣтъ чиновъ, и табели о рангахъ я еще не составилъ. Но... люди привыкли къ этому и ихъ это тѣшитъ... Генералу Чекомасову не хочется стать только поручикомъ, да и полковнику Нордекову будетъ обидно, если я скажу ему, что онъ, какъ командиръ роты, только капитанъ. О чинахъ я молчу. Называй кого хочешь и кому это присвоено хоть «ваше превосходительство» мнѣ все равно... Только — кинематографъ. Но надо все таки, чтобы люди то помнили, кто у нихъ надъ кѣмъ старшій. Вотъ я и придумалъ эти галстухи съ полосками. Увидятъ на тебѣ такой — генеральскій — какъ и у меня, и будутъ знать, что ты то же, что и я... въ родѣ какъ бы — генераль... Людскія слабости, но ихъ не всегда можно обойти.

Странное волненіе охватило Ранцева, когда онъ принималъ отъ Немо синюю шелковую ширинку. Точно и правда въ генералы его жаловалъ старый его другъ.

«Да что то дѣлается и въ этомъ дѣлѣ мнѣ уготована большая и, вѣроятно, опасная роль. Что же, съ Божьею помощью совершу все то, что мнѣ будетъ поручено».

— Идемъ со мною, я тебѣ сейчасъ dokonчу общій планъ. А потомъ можешь ѣхать въ свою роту...

V.

Они прошли въ тотъ маленькій кабинетъ, что былъ рядомъ со спальней капитана Немо.

Капитанъ Немо открылъ дверь, подвелъ Ранцева къ стѣнѣ и сказалъ:

— Смотри!

Точно живое прекрасное видѣніе явилось Ранцеву въ громадной бѣло-зеленой съ голубыми краями картѣ Россійской Имперіи... Черныя рѣки прихотливыми зигзагами пробѣгали по ней на сѣверъ и на югъ. Рыжіе горные хребты крестообразно пересѣкали ее. По мелкой розсыпи городовъ и мѣстечекъ вездѣ были наклеены красные, бѣлые, зеленые, малиновые и голубые кружки, лунки и черточки.

— Война требуетъ территоріи, — сказалъ Немо. — Вотъ она — Россія. Она вся покрыта коммунистическими ячейками. Вездѣ есть вѣрныя 3-му интернаціоналу части внутренней охраны, чекисты, комсомоль, отсюда по всей землѣ Русской идутъ доносы, слѣжка, аресты, пытки и разстрѣлы. Чтобы уничтожить и парализовать эту хитро сплетенную, діавольски разумно задуманную систему, чтобы заставить мобилизовать и другую часть населенія и вооружить ее, безоружную — надо начать настоящую войну. Какую же для этого надо имѣть армію?... Многомилліонную... Гдѣ ее взять?... Гдѣ взять тѣ безконечныя средства, чтобы повести такую войну?... Надо опять мобилизовать для войны едва не всю европейскую промышленность... А гдѣ же будетъ база для такой войны? Гдѣ, откуда, изъ кого наберемъ солдатъ

для такой войны?... Кто же, какое государство на это рѣшится?...

Капитанъ Немо сталъ крутить рукоятку подлѣ карты и смоталъ ее наверхъ. Подъ картой Россіи оказалась такая же подробная карта Европы. Она точно такъ же была покрыта условными значками.

— Вся Европа, какъ сифилисною сыпью покрыта коммунистическими ячейками и союзами. Эти красные кружки — смотри, какъ густы они въ Польшѣ, Германіи, Испаніи, какъ облѣпили края Англіи, какъ вездѣ и всюду насѣли по фабричнымъ и портовымъ городамъ, вездѣ, гдѣ стоятъ большіе гарнизоны — это коммунистическія ячейки, руководимыя изъ Москвы. Эти бѣлые треугольники — это союзы пацифистовъ и антимилиитаристовъ и тамъ разложенныя ими войсковыя части. Какъ же можетъ воевать Европа при такихъ условіяхъ? Ея арміи одна видимость. Большевики уже побѣдили, даже и не начиная войны. Значить, для борьбы съ большевиками нужны какіе то новые, совсѣмъ особые приемы борьбы и база, которую никто и никогда не могъ бы отыскать. За эти пять лѣтъ, что я работаю въ этомъ направленіи я собралъ силы и матеріалы для такой борьбы... Я устроилъ и базу. Людской матеріалъ, я съ нимъ тебя начну теперь знакомить, можно распредѣлить на три категоріи. Первая категорія — помнишь я тебѣ какъ то рассказывалъ, какъ я былъ въ Берлинѣ въ театрѣ «Варьете» и тамъ наблюдалъ людскихъ феноменовъ. Такъ вотъ первая категорія и составлена по принципу такой сверхъ человѣчности людей. Это гении, изобрѣтатели. Это сверхъ люди. Одаренные отъ Бога. Имъ извѣстенъ весь мой планъ. Они знаютъ, для чего они работаютъ и они сочувствуютъ моей работѣ. Въ нихъ я увѣренъ. Да ихъ всего нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ Русскій только одинъ... Вторая категорія — люди, являющіеся помощниками этихъ феноменовъ первой категоріи. Они разсѣяны по всему свѣту и хотя, официально, они работаютъ для фильмоваго общества «Атлантида», возглавляемаго капитаномъ Немо, я думаю, что они догадываются для чего они работаютъ... Нако-

нецъ, третья категорія — это твоя рота. Эти до поры до времени не должны ничего знать объ истинной сущности «Атлантиды». Дѣлаю такъ потому, что тутъ приходится имѣть дѣло уже съ нѣсколькими сотнями людей, а набрать по нынѣшнимъ временамъ нѣсколько сотъ человѣкъ, да еще въ Парижѣ, которые не проболтались бы, или даже и не предали я не считаю возможнымъ.

Капитанъ Немо спустилъ карту Россіи на ея прежнее мѣсто.

— Какъ бы велика и сильна ни была моя техника, — продолжалъ онъ, — все таки бороться со всею Россіей съ ея огромными пространствами и ста сорока милліонами населенія было бы невозможно. И при teknikѣ настанетъ такой день, когда понадобится армія въ старомъ значеніи этого слова, съ пѣхотой, конницей и артиллеріей... Гдѣ мы ее возьмемъ? Видишь эти бѣлыя точки, что точно мелкою крупю покрываютъ Россію. Мѣстами гуще, мѣстами рѣже. Это ячейки Братства Русской Правды, съ которымъ я тѣсно связанъ. Это тѣ надежные люди, которыхъ я найду въ Россіи. Россія кипитъ сдержанною, нестерпимою, неслыханною ненавистью къ своимъ поработителямъ большевикамъ. Соловки, Нарымскій край, весь сѣверъ Россіи перенасыщены людьми, въ своей звѣриной ненависти къ большевикамъ дошедшими до послѣдней черты. Это пороховой погребъ. Тутъ лютый, голодный, обезсилѣвшій отъ голода и лишеній, едва сдерживаемый цѣпями чекистовъ и неслыханнымъ терроромъ народъ. Накорми ихъ, дай имъ оружіе, начальниковъ... Вотъ тебѣ готовая, ничего не боящаяся, закаленная въ лишеніяхъ армія... Армія въ милліоны людей... Вотъ почему я и не боюсь начинать борьбу съ моими сравнительно ничтожными денежными средствами и малыми людскими силами. И средства и людей я найду въ Россіи... Но дѣло не въ этомъ... До побѣды, запомни это, Петръ Сергѣевичъ, еще будетъ далеко, хотя бы и вся Россія возстала, какъ одинъ человѣкъ.

Капитанъ Немо опять открылъ карту Европы.

— Когда Русскій народъ возстанетъ противъ боль-

шевиковъ и начнетъ одолѣвать ихъ, вся красная Европа и Америка кинутся на помощь большевикамъ. Испуганные евреи банкиры будутъ сыпать золотомъ, чтобы закупить красную армию 3-го интернаціонала и снова надѣтъ на Русскій народъ коммунистическія цѣпи еврейской власти. Борьба пойдетъ не на жизнь, а на смерть и врагомъ будетъ весь міръ, поработенный и запуганный коммунистами. Придется и на Европу надѣтъ какой то намордникъ и ей крикнуть: — «руки прочь отъ Россіи». Иначе въ клочья порвутъ ее жадные капиталисты Европы, едва только вырвется она, изнемогающая и окровавленная изъ цѣпкихъ рукъ большевиковъ... Вотъ пока и все... Продумай все то, что я тебѣ сказалъ. Сейчасъ ты свободенъ. А съ завтрашняго дня будемъ вмѣстѣ ѣздить по всѣмъ моимъ здѣшнимъ учрежденіямъ и я представлю тебѣ, какъ моему замѣстителю всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ уже теперь вмѣстѣ съ тобою будемъ работать.

Капитанъ Немо обнялъ и крѣпко поцѣловалъ Ранцева.

VI.

Черезъ полчаса Ранцевъ на автомобилѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе капитаномъ Немо подъѣзжалъ къ большому свѣтлому гаражу, расположенному на окраинѣ Парижа. Здѣсь — и совершенно открыто — каждое утро происходили строевыя занятія роты, сформированной Ранцевымъ. Здѣсь громко билъ барабанъ, раздавались команды, дѣлали съ деревянными ружьями ружейные приемы, здѣсь сыгрывался хорошій духовой оркестръ, руководимый Амарантовымъ и спѣвался оперный хоръ Гласова.

Никого это не удивляло и не смущало. Всѣмъ было извѣстно, что тутъ готовятся статисты большого интернаціональнаго анонимнаго фильмоваго общества «Атлантида», законнымъ образомъ зарегистрированнаго въ министерствѣ торговли и промышленности. Всѣ знали,

что готовится какая то военная фильма и фильма звуковая, а потому такъ естественно было все то, что дѣлалось въ уединенномъ большомъ гаражѣ на глухой окраинѣ Парижа.

Никакой рекламы заранее не распространяли, никакихъ интервьюеровъ и репортеровъ сюда не допускали. Но и это было понятно. Все это дѣлалось въ цѣляхъ самой хитрой и совершенной рекламы. Секретъ долженъ былъ повысить интересъ къ фильмѣ, которая ставилась анонимнымъ интернаціональнымъ обществомъ «Атлантида».

— Въ нашъ вѣкъ самой необузданной рекламы, — сказалъ секретарь одного изъ директоровъ общества капитана Немо осаждавшимъ его интервьюерамъ, — самая лучшая реклама — отсутствіе рекламы.

Это звучало парадоксомъ. Но это было оригинально и съ этимъ пришлось согласиться.

Въ правительственныхъ учрежденіяхъ и при заключеніи контрактовъ съ людьми объясняли, что на фильмѣ будетъ изображена гражданская война, значить военное обученіе, обиліе статистовъ, вооруженіе, можетъ быть, аэропланы, танки, пушки никого не пугали. Но... нанимаемые Русскіе статисты скоро подмѣтили какой то особенный душокъ тайны уже не кинематографической, который вѣялъ отъ всей обстановки занятій и набора людей. И этотъ то душокъ волновалъ Русскихъ статистовъ, набираемыхъ въ роту.

Брали людей большой физической силы, какимъ былъ дирижеръ оркестра полковникъ Амарантовъ, или людей исключительно ловкихъ, сметливыхъ среди природы, охотниковъ, какимъ былъ полковникъ Ферфаксовъ, или людей, что называется «отпѣтыхъ», кому «либо въ стремя ногой — либо въ пень головой», какимъ сталъ Нордековъ. Особенно охотно брали казаковъ. Притомъ брали людей опредѣленно ярко выраженной «бѣлой идеи», тѣхъ, кого называли тогда «активистами». И среди этихъ то людей — предложеній было очень много, безработица одолѣвала Русскіе эмигрантскіе круги — брали лишь тѣхъ, кто твердо исповѣдывалъ знаменныя лозунги: — «вѣра, царь и отечество». Этимъ

въ, казалось бы, совѣмъ неполитическое предпріятіе, какимъ являлось анонимное общество «Атлантида» вносила какъ бы политика. Избѣгали скользкихъ и гибкихъ «непредрѣшенцевъ», не брали тѣхъ, кто по апокалипсическому выраженію не былъ ни холоденъ, ни горячъ, а принадлежалъ къ весьма тогда распространенной партіи «куда вѣтеръ дуетъ» и кто говорилъ соннымъ «Обломовскимъ» голосомъ: — «мнѣ все равно — будетъ республика, буду служить и республикѣ, а пошлетъ Богъ царя — послужу и царю»... Брали волевыхъ людей и не старше сорока лѣтъ, крѣпкихъ физически и здоровыхъ. Если и брали стариковъ, то не въ строй, а на хозяйственныя должности и отмѣнно крѣпкихъ духомъ и убѣжденіями. При заключеніи контракта бралась подписка, съ момента погрузки не пить спиртныхъ напитковъ и не курить. Была и еще странность: — въ формировавшейся ротѣ, два взвода были Русскіе и два взвода иностранцы — французы и нѣмцы. И тоже это былъ народъ крѣпкій и стойкій. Французы-моряки Бретонцы, всѣ католики, нѣмцы изъ Ганновера и Помераніи.

Въ Русской полуротѣ по этому поводу шли разговоры. Что курить не позволяютъ — это, можетъ быть, потому, что на пароходѣ будетъ погружено много целлулоидовой пленки. Возможно — боятся пожара. Пить нельзя — ну тоже понятно: — боятся безпорядка... А вотъ почему нужна политическая какая то благонадежность было и совѣмъ непонятно. Не брали евреевъ, а это самые талантливые артисты. Брали только статистовъ, а статистики?... Не были извѣстны имена первыхъ артистовъ и артистокъ «ведеттъ», а въ современной фильмѣ они то и есть самое главное. Ничего не было слышно и про сценарій и про содержаніе фильма.

Рота статистовъ была настоящая «штатная» рота. Двѣсти двадцать человекъ. Она была рассчитана Ранцевымъ на взводы. Во взводахъ были назначены командиры и унтеръ-офицеры, были и барабанщики и горнисты.

Едва Ранцевъ открылъ дверь большого бетонного

гаража, какъ былъ оглушенъ гулками звуками барабаннаго боя.

«Тамъ, тамъ, тамъ та тамъ», — отбивалъ рѣдкій, «учебный» шагъ барабанщикъ. Щелкали подошвы башмаковъ по ровному бетонному полу.

— Выше ногу!... Тяни носокъ!... Крѣпче отбивай на землю, — кричалъ кто то посерединѣ манежа въ командномъ увлеченіи. Это былъ рослый молодецъ, Донской офицеръ Аполлонъ Рубашкинъ. Его двѣ недѣли тому назадъ «снялъ» изъ мезонъ де кутюръ, гдѣ онъ былъ «омъ а ту феръ» Ранцевъ.

Ранцева сейчасъ же увидали. Рубашкинъ махнулъ рукою барабанщику, въ наступившей гулкой тишинѣ, отдаваясь эхомъ, раздалась команда:

— Шер-р-енга! Стой!... Смир-р-на!...

Полковникъ Нордековъ въ черной фетровой шляпѣ съ широкими полями — такія точно шляпы были и на всѣхъ обучавшихся — въ синемъ пиджакѣ, тщательно «печатая» носками, что въ штатскомъ платьѣ выходило забавнымъ, подошелъ къ Ранцеву и, приложивъ руку къ полямъ своей шляпы, отпрапортовалъ:

— Ваше превосходительство, — онъ уже замѣтилъ зигзагообразную серебряную полоску въ галстухѣ Ранцева и оцѣнилъ ее. Ранцевъ не остановилъ его. Онъ зналъ, что это доставляетъ удовольствіе и самому Нордекову и всѣмъ окружающимъ, ибо напоминаетъ пріятное прошлое и будитъ сладкія надежды, быть можетъ, только мечты, о будущемъ. — Ваше превосходительство, первая полурота занимается маршировкой. Въ полуротѣ пятьдесятъ два ряда.

Посерединѣ гаража неподвижно, съ рукою у полей шляпы, стоялъ и командиръ полуроты полковникъ Парчевскій. Духъ дисциплины и порядка вселился въ Парижскій гаражъ.

Сто человѣкъ, больше все молодежь, съ блѣдными лицами, голодными отъ питанія по бистро и молочнымъ «чѣмъ Богъ пошлетъ», вытянулись вдоль зала. Для большинства выправка не была новостью. Она была только хорошо позабыта. Почти всѣ были или кадетами или

юнкерами въ Добровольческой арміи, и только самые юные выдѣлялись мальчишески пухлыми лицами и мѣшковато опущенными плечами.

Въ углу гаража были сдвинуты гимнастическіе приборы.

Ранцевъ, не здороваясь, — вѣдь это же были только статисты большой фильмы! — обходилъ вдоль шеренги.

Въ глазахъ этихъ людей, — были люди и за тридцать, — застыло то наивно испуганное, смущенное выраженіе, какое бываетъ у взрослыхъ, штатскихъ людей, которыхъ вдругъ поставили въ строй. Кое кто шевелилъ руками, оправляясь отъ смущенія. Посерединѣ гаража стоялъ барабанщикъ. На синемъ штатскомъ костюмѣ странной казалась широкая черная кожаная перевязь и блестящее кадло барабана. Барабанщикъ держалъ палки въ положеніи «смирно» готовыми ударить.

— Господа, — громко и увѣренно сказалъ Ранцевъ, — не удивляйтесь требованіямъ общества муштры и отчетливаго строя. Фильма должна быть образцовой и войска, изображенныя въ ней, должны въ полной мѣрѣ напоминать Россійскую Императорскую армію. А для этого придется васъ помуштровать и размять гимнастикой.

Повернувшись къ Нордекову Ранцевъ спросилъ: — довольствіе организовано?...

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Гдѣ у васъ кухня и столовая?...

— А вотъ, пожалуйста, рядомъ.

— Покажите мнѣ ее. Прошу, господа, продолжать занятія.

— Командуйте, Парчевскій, — начальническимъ тономъ приказалъ Нордековъ.

— Смир-р-рна... Учебнымъ шагомъ... Шаг-г-гомъ... — командовалъ Парчевскій.

Команда «маршъ» застала Ранцева и Нордекова за гаражомъ.

Въ большой кухнѣ, устроенной въ сараѣ рядомъ, было по военному чисто. У плиты, куда были вмазаны

большіе котлы, въ бѣлыхъ фартукахъ и поварскихъ колпакахъ возились дѣдъ и внукъ Агафошкины.

При входѣ начальства Нифонтъ Ивановичъ быстро далъ Фирсу основательный подзатыльникъ, чтобы онъ стоялъ какъ слѣдуетъ, вытянулся у плиты и обиженный тѣмъ, что Ранцевъ съ нимъ не здороваётся, самъ отвѣтилъ:

— Здравія желаю ваше высокопревосходительство, («масломъ каши не испортишь!»). Пробу прикажете?

— Да, дайте, пожалуйста.

Нифонтъ Ивановичъ строго метнулъ глазами на Ранцева. Это «дайте» и «пожалуйста» звучали оскорбительно. Онъ по уставному повернулся къ плитѣ, еще разъ толкнулъ Фирса кулакомъ подъ бокъ, на этотъ разъ, чтобы тотъ отчетливѣй поворачивался. и, открывъ котлы, тщательно размѣшалъ черпакомъ и налилъ въ поданные Фирсомъ судки. Пряно пахло лавровымъ листомъ и перцемъ.

— Щи Донскія, каша пшенная, — отрапортовалъ Нифонтъ Ивановичъ, самъ подавая судки «начальству».

Ранцевъ основательно попробовалъ. Прекрасныя были щи. Такихъ въ Парижѣ и въ «Эрмитажѣ» не всегда получишь. Онъ посмотрѣлъ на Агафошкина. Глаза въ глаза переглянулись они и поняли другъ друга.

— Спасибо, дѣдъ... Отмѣнные щи...

— Радъ стараться, — весело крикнулъ дѣдъ и подумалъ: — «вотъ это уже по нашему... А то на поди: — «пожалуйста»...

— А какъ вторая полурота?... Французы и нѣмцы?... Довольны пищей?...

— Ну не очень, — нерѣшительно сказалъ Нордековъ.

— Имъ, ваше высокопревосходительство, лягушекъ, альбо этихъ самыхъ мулей подавай... А у меня рука не подыметься этакую пакость варить, котлы поганить.

— И не надо, родной. Пусть привыкають къ нашей пищѣ.

— Да другіе, ваше высокопревосходительство, и то «бонъ, бонъ» говорятъ, по три котелка заразъ трескають.

— Ну такъ до свиданія, Георгій Димитріевичъ, спасибо вамъ за порядокъ, счастливо оставаться дѣдушка.

— Счастливаго пути.

Ранцевъ пошелъ къ своему автомобилю. Нордековъ вернулся въ гаражъ. Какъ всегда послѣ посѣщенія начальства занятія не шли на умъ. Люди стояли «вольнo». Офицеры сошлись посерединѣ и разговаривали.

— А не ручкается, — сказалъ Рубашкинъ. — Фасонъ держить.

— Нашего брата подтянуть надо, — сказалъ Парчевскій, — распустились за годы эмиграціи, да и революціонная отрыжка еще не прошла.

— Все завелъ форменное... Вездѣ нѣмецкій порядокъ. А самъ этотъ таинственный капитанъ Немо, говорятъ, окруженъ иностранцами, — продолжалъ Рубашкинъ.

— Вы, Аполлонъ, про начальство полегче. Ранцева, русскаго назначилъ замѣстителемъ. А уже куда лучше! Я Ранцева знаю: — рубаха парень. Свой братъ офицеръ...

— Вы его, Парчевскій, не знаете, — сказалъ Нордековъ, — онъ насъ въ бараній рогъ согнетъ... Педантъ... Я слыхалъ, ради службы дочь потерялъ. Жену бросилъ... У него не сердце, а дисциплина...

— Нашу Парижскую дурь развѣ только барабаннымъ боемъ повыбьешь.

— Да вѣдь это, Парчевскій, фильма и только.

— Что же что фильма, — сказалъ Рубашкинъ. — Я въ «Хаджи Муратъ» снимался. Мозжухинъ тотъ фильмъ ставилъ. Такъ вѣрите ли, какъ джигитовать заставлялъ. Да ни на одномъ царскомъ смотру такъ не рисковали своими головами. Горы, скалы, чортъ знаетъ что подъ ногами. Слетишь и костей не соберешь, а онъ: — «хodu!» — кричитъ, «лише, черти, лише!... весь міръ васъ увидить».

— Да, это можетъ быть и такъ, — задумчиво сказалъ Нордековъ, — но увѣряю васъ, господа, тутъ собака зарыта вовсе не въ фильмѣ. Мнѣ и Ферфаксовъ проговаривался... У меня такое, знаете, чутье, что онъ возьметъ, да и повернетъ вдругъ на Россію.

— Куда?... На Россію?... Да что вы, батенька!...

— Съ ротой съ деревянными ружьями!?... Съ оркестромъ Амарантова «пумъ, пумъ, пумъ» и съ Гласовскими пѣсенниками!?

— А вотъ увидите... Для чего бы иначе такіе миллионы тратить?

— Какіе же это миллионы?... Маленькая рота... Въ Холливудѣ цѣлые конные полки содержатъ.

— А ведуттамъ что платятъ!... По миллиону долларовъ въ недѣлю, а у насъ и ведеттъ никакихъ нѣтъ.

— Ты, Аполлонъ, свободно за ведетту сойдешь.

— Ну, ладно, — сказалъ Нордековъ, — будетъ болтать, по мѣстамъ, господа. Полурота смирно!

— Тамъ-тамъ-тамъ-та-тамъ, — забилъ снова барабанъ, вбивая муштру и выбивая Парижскую дурь.

VII.

Совсѣмъ измѣнилась послѣ этого дня жизнь Ранцева. Онъ забылъ, что ему подъ пятьдесятъ. Никогда, даже въ школѣ, онъ не былъ такъ занятъ. Все свое горе, всю сердечную тоску онъ забылъ. Тѣло съ его потребностями не существовало. Онъ понималъ—для кого онъ работалъ... Для Россіи!... И по мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ размахомъ организации, созданной капитаномъ Немо — онъ вѣрилъ въ успѣхъ. Это было настоящее. Организациа, какъ какой то микроорганизмъ почковалась или какъ растеніе расло не по днямъ, а по часамъ и захватывало все больше и больше людей:

Ранцевъ вставалъ въ пять часовъ утра.

Въ окно на третьемъ этажѣ особняка капитана Немо мутное глядѣло небо. По ту сторону улицы высилась сѣрая громада дома со слѣпыми, заставленными ставнями окнами и съ крутою крышею. Чуть слышно съ перерывами гудѣлъ просыпающійся Парижъ.

Лакей приносилъ чай, хлѣбъ и масло. Безъ четвер-

ти въ шесть, громадный Рольсъ Ройсъ уже мчалъ его и капитана Немо по спящимъ улицамъ Парижа.

Они ѣхали на Ile St Louis, гдѣ въ подвалѣ, у самой набережной Сены, работалъ «интендантъ» полковникъ Дріянскій. Въ просторномъ, ярко освѣщенномъ электричествомъ помѣщеніи, на длинныхъ столахъ чловѣкъ двадцать рабочихъ разбирали, чистили, сшивали, чинили и штопали наваленное передъ ними платье и тряпье. Душный запахъ старой одежды стоялъ въ подвалѣ.

Дорогой капитанъ Немо рассказалъ Ранцеву, что Дріянскій работаетъ у него уже больше трехъ лѣтъ, что имъ основаны конторы «Кортинена, Симелиуса и К°» въ Выборгѣ, «Ермилова съ сыновьями» въ Нарвѣ, Ухналева въ Бѣлостокѣ и графа О'Рурка въ Кишиневѣ. Эти конторы скупаютъ у переходящихъ законно и незаконно изъ С.С.С.Р. людей «совѣтское» платье и всѣ мелочи ихъ «потусторонняго» быта, паспорта, документы, форменную одежду бѣлыхъ красноармейцевъ и чекистовъ и при соотвѣтствующихъ описяхъ отправляютъ Дріянскому на Ile St Louis, гдѣ все это сортируется и приводится въ порядокъ. Все, значить, это было нужно. Для фильмы?... Все это распредѣлялось по районамъ, откуда что было получено и съ соотвѣтствующими описаніями отправлялось по Сенѣ на баржахъ къ морю. По каждому району у Дріянскаго были свои спеціалисты. Такъ казачій есаулъ Востротинъ вѣдалъ вещами, поступавшими съ юга, а бывший прокуроръ С.-Петербургскаго суда Демчинскій вещами, приходивши съ сѣвера.

Дріянскій встрѣтилъ капитана Немо въ дверяхъ подвала.

— Ну какъ? — спросилъ Немо.

— Какъ видите, кипитъ. Гаврила Михалычъ похвастайтесь вашими наблюденіями.

Высокій, очень худой отъ долгаго недоѣданія и непосильной работы немолодой есаулъ Востротинъ пододвинулъ корзину, которую онъ укладывалъ, къ Немо и сказалъ:

— Вотъ, извольте видѣть, Ричардъ Васильевичъ,

на Дону шаравары съ лампасами носятъ. Фуражка красноармейца, пиджакъ сквернаго матеріала, а шаравары съ алымъ лампасомъ. Выходить, живъ еще Донъ. Не забылъ дѣдовскихъ завѣтовъ. Головка гніетъ, а корни, видать, еще цѣлы. Только бы добраться...

Востротинъ вынулъ изъ корзины и любовно встряхнулъ шаравары съ лампасами.

— Графъ О'Руркъ пишетъ, черезъ Братство Русской Правды получены изъ Нижне-Чирской станицы.

Онъ отставилъ корзину и поставилъ на ея мѣсто картонку.

— А на Кубани, Ричардъ Васильевичъ, черкеску соеѣмъ забросили. На рубашку въ родѣ, какъ бы толстовку, гозыри нашиваютъ. Ичиговъ и за большія деньги не достанете.. Вѣрно и лезгинки больше не пляшутъ, а какой нибудь «товарищескій» фоксъ тротъ танцуютъ... Такъ это интересно. Роешься въ тамошнемъ платьѣ, по ржавымъ карманамъ шаришь и отъ этой, простите, воючей прѣли, точно духъ родной идетъ. Прямо жаль и въ дезинфекцію сдавать... А пуговицъ стало соеѣмъ мало. Рѣдкая одежонка съ полнымъ комплектомъ... А бѣлье!... При Государяхъ и нищіе такимъ бы погнушались... Въ ночлежкѣ и то засмѣяли бы...

Въ разговоръ ввязался Демчинскій.

— Я разбираю, Ричардъ Васильевичъ, платья изъ Ленинграда. И, знаете, какія мысли! Конечно, сословія и классы тамъ уничтожены, нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Общее такъ сказать, поравненіе, а посмотрите ка...

Онъ досталъ изъ картонки черную рубашку.

— Посмотрите на эту толстовку. Англійское, или, какъ у насъ въ былое время прикащики говорили — аглицкое сукно... Штаны какіе!... Башмаки американскіе... Это жъ прямо — буржуй!... Снято братчиками съ убитаго комиссара... А вотъ это... Бож-же мой!... Какія заплаты, какая штопка!... Сѣрыми нитками по коричневому сукну. Штаны — бахрома чуть не отъ колѣнъ начинается. Башмаковъ признакъ одинъ. Босыми пятками человекъ по снѣгу шельъ. Куплено у профессора Оглоблина... Помните: — отъ «нихъ» перебѣжалъ въ Теріо-

кахъ. Нѣтъ, знаете, классы остались и никакого поравненія не произошло.

Капитанъ Немо переговорилъ съ Дріянскимъ о срокахъ послѣдней отправки въ портъ и, простившись съ рабочими, поѣхалъ дальше.

Мощная машина мчала ихъ по пробуждающемуся Парижу, мимо озареннаго весеннимъ солнцемъ собора Нотръ Дамъ, съѣхала на лѣвый берегъ Сены, углубилась въ самую глушь пятнадцатаго Парижскаго округа и, наконецъ, остановилась въ маленькой тихой улочкѣ. Кругомъ были гаражи. Они стояли съ открытыми воротами, уже пустые: шофферы такси всѣ выѣхали на работу. Сѣрые высокіе дома, населенные бѣднотою были мрачны и унылы.

Капитанъ Немо и Ранцевъ поднялись по лѣстницѣ безъ лифта на шестой этажъ и позвонили у квартиры, похожей на мастерскую художника, или фотографа.

Едва они позвонили, какъ видно за дверью кто то былъ, — ихъ спросили:

— Qui est là?...

— Господи спаси Россію, — сказалъ Немо.

— Коммунизмъ умереть — Россія не умереть, — отъѣтили за дверью. Она раскрылась.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, — бодро привѣтствовалъ Немо рослый, молодцеватый человѣкъ въ синемъ «форменномъ» платьѣ.

За передней была свѣтлая мастерская. Изъ нея вышелъ худощавый, сѣдобородый человѣкъ. Въ немъ Ранцевъ, къ большому своему удивленію узналъ генерала Чекомасова, ведшаго его Заамурцевъ въ конную атаку въ Великую войну.

— Что это, Александръ Васильевичъ, — обратился къ Чекомасову Немо — съ какими вы предосторожностями теперь работаете?

— Нельзя иначе, Ричардъ Васильевичъ, дѣло то такое... Конечно, — фильмовое общество, да послѣ похищенія генерала Кутепова и отношенія къ этому ужасному дѣлу французскихъ властей, приходится быть вдвойнѣ осторожнымъ.

Чекомасовъ взялъ у стоявшаго за столомъ мастерового печать, которую онъ вырѣзалъ и показалъ ее Немо.

— Какъ никакъ, Ричардъ Васильевичъ, не знаю, конечно, какъ это по ихъ законамъ, а все таки фальшивые паспорта готовимъ. Хотя и чужого государства.

— Когда кончите?

— И не знаю право. Только бумагу настоящую достали. И знаете гдѣ?... Я было хотѣлъ черезъ Кортине-на изъ Финляндіи выписывать, да вы такъ торопите, а это мѣсяцы прошли бы. Такъ я ничто же сумняшеся взялъ да и послалъ въ здѣшнее полпредство.

— И неужели получили...

— За деньги все можно. Вотъ посмотрите. Это настоящий паспортъ, а это нашъ. Наклейте только фотографію и не отличите. Даже руку ихъ писца поддѣляли.

— Какъ хотите, Александръ Васильевичъ, а на этой недѣлѣ надо все это кончать и везти на пароходъ.

— Постараюсь. Главное то сдѣлано. Теперь пойдеть быстро.

— А какъ у Ястребова?...

— Сергѣй Алексѣевичъ, — крикнулъ къ запертой двери Чекомасовъ, — Здѣсь капитанъ Немо. Пожалуйста сюда.

Изъ комнаты, гдѣ полы, подоконники, стулья были завалены книгами и тетрадями, гдѣ стояли большіе ящики, тоже наполненные книгами, появился маленькій лысый человѣкъ въ большихъ очкахъ въ черной роговой оправѣ. Онъ привѣтливо улыбался и жестомъ приглашалъ Немо и Ранцева войти въ его книжное царство.

— Кончаете? — спросилъ капитанъ Немо.

— Упаковкой занятъ. Дня черезъ два и отправлю. Библіотечки на славу вышли... А вотъ, — онъ взялъ изъ кипы свѣже переплетенныхъ одинаковыхъ книжекъ одну и показалъ ее Немо. — Это послѣдняя моя работа. Съ полковникомъ Субботинымъ вмѣстѣ составляли. Я вамъ еще не показывалъ. Необходимѣйшая, знаете, вещь: — словарь совѣтскихъ словъ и терминовъ. Заучивать многое придется. Такъ они языкъ исковеркали.

Всѣ ихъ учебники имѣю. Воинскіе уставы, милицѣйскія, трамвайныя, желѣзнодорожныя, театральныя и другія правила, «весь Ленинградъ» за прошлый годъ, «вся Москва», сочиненія Катаева, Пантелеймона Романова, а Зощенки, тридцать комплектовъ забралъ, потому, знаете, безподобное пособіе для изученія тамошняго быта... Да тамовъ болѣе тысячи веземъ съ собою. И, смотрите, еще какую штуку я собралъ изъ разныхъ газетъ и журналовъ.

Ястребовъ положилъ словарь на мѣсто и взялъ небольшую тетрадку, съ наклеенными въ нее вырѣзками изъ газетъ.

— Вотъ послушайте-ка, если это да на тонъ-фильмъ пустить съ талантливой какой пѣвичкой, этакой Плевицкой, что ли...

И слегка нараспѣвъ, какъ говорятъ народныя частушки, Ястребовъ сталъ читать изъ тетрадки:

— Сама садикъ я садила,
Сама буду поливать,
Не хочу свое хозяйство
Голодранцамъ отдавать.
Скоро солнышко пригрѣтъ,
Станутъ груши зацвѣтать,
Вмѣсто тракторовъ въ колхозахъ
На котахъ будутъ пахать...

— На Дону, — пишутъ, — такія частушки распѣваютъ. Чистѣйшая контръ - революція! А ну-ка представьте себѣ такую пѣвунью, да еще, если она и хорошенькая. Остановите-ка ее! Вы ей, поди, слово, а она вамъ десять, да какихъ!... А при ней кавалеры. Вотъ и насаждайте при такихъ обстоятельствахъ общину. Видите, какое влеченіе къ индивидуальному хозяйству. И это тогда, когда тамъ считаютъ идетъ расцвѣтъ коммунизма и колхознаго хозяйства: — «вмѣсто тракторовъ въ колхозахъ на котахъ», — чувствуете всю силу этой ироніи, — «на котахъ будутъ пахать»...

И Ястребовъ разсмѣялся такимъ искреннимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, что даже и на замкну-

томъ и всегда строгомъ лицѣ капитана Немо появилась улыбка.

— А то позвольте я вамъ изъ Зоценки прочту. Удивительное у него «отображеніе» быта. Смѣяться можно до упаду.

Но Немо торопился. У него много было еще впереди дѣла. Онъ поблагодарилъ Ястребова, еще разъ подтвердилъ, чтобы къ концу недѣли все было сдано на желѣзную дорогу большой скоростью и сталъ прощаться.

Генералъ Чекомасовъ, все присматривавшійся къ Ранцеву, наконецъ, узналъ его. Въ прихожей онъ задержалъ его и схватилъ за руку.

— Ранцевъ, — шопотомъ заговорилъ онъ. — Вотъ удивительная встрѣча! Боевой соратникъ! Вмѣстѣ вѣдь... Вмѣстѣ... Помните, австрійцевъ то порубили... Какъ васъ изранили... Думали, и не выживете... Славная атака!..

И совсѣмъ на ухо добавилъ:

— Скажите, Ранцевъ?... Неужели для фильмы нужны «липовые» паспорта?... Господи!... Да, неужели правда?... Тамъ будемъ работать?...

И, отпустивъ руку Ранцева, чуть слышно прошепталъ:

— Даже страшно становится.

VIII.

Самому Ранцеву, по мѣрѣ того, какъ онъ ѣздилъ съ капитаномъ Немо тоже становилось волнующе страшно. Громадный разворотъ организациі, привлеченіе къ ней многихъ и такихъ разнообразныхъ людей его пугалъ. Да все это было не такъ просто: — фильмовое анонимное общество «Атлантида»!..

Сидя въ машинѣ на мягкихъ подушкахъ и покачиваясь съ ея ходомъ, онъ спросилъ Немо:

— Если не секретъ, скажи мнѣ, сколько же у тебя людей занято въ Парижѣ?

— Отъ тебя у меня нѣтъ и не должно быть секретовъ... Въ Парижѣ, — поднимая брови, — сказалъ Немо. — Нѣтъ, милый Петръ Сергѣевичъ, во всей Франціи, болѣе того во всемъ мірѣ... Болѣе тысячи... Вотъ, напримѣръ, манометры для аэроплановъ заказаны въ Нью-Йоркѣ. Палаточный лагерь для Нордековской роты прибылъ на дняхъ изъ Бомбея, изъ Индіи... Моторы для аэроплановъ изготовляли на заводахъ Эспано-Сьюза, Юнкерса и Фармана. И вездѣ мною приставлены свои летчики и инженеры.

— Но почему это такъ?

— Потому, мой милый, что этого требуетъ во-первыхъ конспирація, тайна, которую мы не можемъ открыть газетнымъ репортерамъ и сдѣлать достояніемъ толпы. А во-вторыхъ, все основано на цѣломъ рядѣ новыхъ изобрѣтеній. За изобрѣтателями охотятся. Подслушиваютъ у дверныхъ скважинъ. Ловятъ на лету ихъ слова. Хорошій инженеръ по тому, какія части ты заказываешь, какіе мелкіе инструменты ставишь, возсоздастъ всю машину. Вотъ и приходится чертежи отдѣльных частей машинъ посылать по заводамъ всего міра, чтобы самую машину то собрать окончательно... на островахъ Галапагосъ... Впрочемъ одну я собралъ для испытаній здѣсь и ты ее увидишь.

Изъ мастерской генерала Чекомасова они проѣхали на тихую и скромную rue de Mouzaïa, подлѣ расцвѣтившагося весеннею зеленью парка de Buttes Chaumont, гдѣ въ скромной конторѣ они нашли Ферфаксова.

Загорѣлый Факсъ работалъ тамъ съ двумя писарями.

Онъ подалъ капитану Немо для подписи нѣсколько чековъ. Немо показалъ ихъ Ранцеву. Ихъ сумма превышала полмилліона франковъ.

— Каждую недѣлю такъ, — сказалъ, выходя изъ бюро Ферфаксова, Немо. — Война требуетъ денегъ. И слава Богу, что онѣ у меня есть... Н, конечно, медлить

пельзя. Надо торопиться. Иначе и накопленных мною богатствъ не хватитъ.

Снова были улицы Парижа. Теперь было на нихъ людно и шумно, и часто и по долгу приходилось стоять на перекресткахъ, пока не раздастся рѣзкій свистокъ полицейскаго и не махнетъ бѣлой палочкой постовой городской, приглашая поторапливаться.

Они заѣхали на склады громадной французской оружейной фабрики. Тамъ капитану Немо показали длинные, точно темные гробы ящики. Въ одномъ, еще не забитомъ досками въ стружкахъ на особыхъ зарубкахъ лежали новенькія Русскія трехлинейныя винтовки со штыками.. Съ глубокимъ волненіемъ, не въ силахъ сдержать своего вдругъ забившагося сердца, смотрѣлъ Ранцевъ на эти родныя винтовки. Ложи изъ моренаго американскаго орѣха съ красивымъ узоромъ, вороненные, черные, блестящіе отъ густой смазки стволы, тонкіе четырехъ гранные штыки, вдающіе въ желто-матовый цвѣтъ отъ масла затворы все такъ напоминало ему счастливые дни службы въ Императорской арміи.

Онъ взялъ винтовку въ руку. Пріятно и привычно легла ея тяжесть въ рукѣ. Къ скобѣ былъ привѣшенъ ея «формуляръ».

— Кто же пристрѣливалъ? — спросилъ онъ. Онъ поперхнулся отъ волненія. Какъ давно онъ не держалъ въ рукѣ военного ружья!

— Норвежцы, — невозмутимо спокойно сказалъ Немо. — Вѣдь эти винтовки заказаны для Норвегіи.

И, подтвердивъ завѣдующему складомъ, что винтовки должны быть непременно на этой еще недѣлѣ сданы капитану Ольсоне на пароходъ «Немезида», капитанъ Немо вышелъ изъ склада. Казалось, что онъ боялся, что волненіе его спутника выдастъ секретъ.

Теперь мощная машина выбралась изъ Парижа. Они ѣздили все утро и совсѣмъ забыли о ѣдѣ. Время завтрака пришло и прошло. Мимо мелькали маленькіе домики предмѣстій, аллея шоссе разворачивалась въ безкрайнюю даль. За деревьями крутились поля и нивы. Наконецъ, показались высокія металлическія мачты, ли-

ни полукруглыхъ изъ вулканизированнаго желѣза сдѣланныхъ сараевъ для аэроплановъ и большое зеленое поле.

Они пріѣхали на аэродромъ.

Немо предъявилъ свой и для Ранцева приготовленный билеты и ихъ пропустили на поле.

Это былъ часъ, когда почтовые и пассажирскіе аэропланы давно улетѣли въ очередные рейсы, а прилетъ возвращающихся еще не начался. На аэродромѣ было пусто. Ученики школы и абитуриенты изъ бывшихъ военныхъ кончили учебные полеты. Нѣсколько офицеровъ, французскихъ летчиковъ ходили по полю безъ дѣла. Они увидали Немо. Его здѣсь видимо хорошо знали.

Два офицера подошли къ нему.

— Mon colonel, когда же мы полетимъ? — спросилъ маленькій съ худощавымъ, загорѣлымъ лицомъ летчикъ. Его сейчасъ же узналъ Ранцевъ по безчисленнымъ портретамъ, помѣщавшимся въ газетахъ въ связи съ его отважными полетами.

— Откуда? Думаю, что я больше не полечу. Аппаратъ уже разбирается.

— Mais tu sais, — оживленно заговорилъ летчикъ, обращаясь къ своему спутнику, шедшему рядомъ безъ фуражки. Это былъ высокій французъ, бѣлокурый съ тонкимъ аристократическимъ породистымъ лицомъ. — Tu sais это же не аппаратъ, а чудо. Пойдемъ, посмотримъ... А вы, какъ вы жестоки! Вы его уже почти разобрали. Но я видалъ, какъ на прошлой недѣлѣ вашъ летчикъ, мосье Арановъ, леталъ. Онъ и сейчасъ тамъ возится съ нимъ.

Онъ опять обратился къ своему товарищу.

— Представь, какъ стоялъ вотъ здѣсь, такъ безъ всякаго шума, прямо съ мѣста, безъ разбѣга, поднялся на воздухъ... Мнѣ даже показалось, что онъ крыльями взмахнулъ, какъ птица. Прямо вертикально, и скрылся въ небѣ. Небо было ясное, видимость прекрасная, а его и не видно. Точно онъ растаялъ въ эфирѣ. И черезъ полъ часа на томъ же самомъ мѣстѣ безшумно опу-

стился. Сейчас же закатили въ ангаръ и этотъ жестокий капитанъ Немо сталъ разбирать его.

Они шли вчетверомъ, Немо, Ранцевъ и два французскихъ офицера, — никакъ нельзя было отдѣлаться отъ нихъ, они же были хозяева здѣсь, — черезъ поле, поросшее молодою весеннею травою, направляясь къ сараю, гдѣ возились люди и стоялъ грузовикъ. Металлическіе удары молотка неслись изъ ангара.

— Вотъ онъ красавецъ... Авіонъ... Какъ лебедь бѣлый, — говорилъ французскій летчикъ. — Эге, уже и пропеллеры сняли. А вотъ и мосье Арановъ.

Арановъ въ синей рабочей блузѣ, перепачканной масломъ съ французскимъ ключомъ въ рукѣ вылѣзъ изъ подъ аэроплана.

И точно: — красавецъ былъ авіонъ. Покрашенный въ серебристо-сѣрую краску, и правда, должно быть, невидимый въ небесной синевѣ, съ какими то особой формы крыльями, чуть напоминавшими крылья аппарата Махонина, съ кабинкой со всѣхъ сторонъ закрытой, очевидно приспособленной для полетовъ на громадной высотѣ, въ стратосферѣ, онъ казался громаднымъ серебрянымъ лебедемъ... Спереди зіяло отверстіе, откуда былъ вынуть пропеллеръ.

— Намучаешься съ ними, — сказалъ, обтирая масляныя руки о фартукъ, Арановъ.

Немо представилъ его Ранцеву.

— Простите, руки грязныя, — сказалъ онъ, не беря протянутую ему руку. — Работаютъ, словъ нѣтъ — прекрасно — интеллигентны... Но вотъ такую штуку отвинтить — цѣлый часъ ему надо. Совсѣмъ, какъ наши хохлы медлительны. Я хочу просить васъ, на аккордъ герейти, а то никогда не кончимъ.

— Къ субботѣ надо кончить. Всѣ ваши остальные машины уже погружены, — сказалъ Немо.

— Да, конечно, — сказалъ, какъ бы что то обдумывая Арановъ.

Они обходили аэропланъ. Надъ рулевыми приборами показалась стальная труба съ полозьями.

— A... tiens... Что это такое? — заинтересовался бфлокурый.

— А, въ самомъ дѣлѣ, что это такое?... Я тогда, когда смотрѣлъ полетъ и не примѣтилъ... Такъ былъ пораженъ видѣннымъ... Для чего это?

Немо и Арановъ молчали.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — продолжалъ разглядывать аппаратъ бфлокурый, совсѣмъ, какъ минный аппаратъ на подводныхъ лодкахъ.

Они заглянули поглубже въ отверстие.

— Mon colonel, неужели вы думаете, что съ аэроплана можно пускать управляемыя мины? Я думаю, ничего изъ этого не выйдетъ. Мина упадетъ на землю... Какъ же она полетитъ?... Что же у ней и крылья и пропеллеръ будутъ?...

— Я понимаю, — сказалъ бфлокурый, — полковникъ не хочетъ намъ говорить. Это секретъ... Но это же поразительно.

Арановъ, все время мрачно молчавшій, рѣшительно полѣзъ подъ аппаратъ, гдѣ стучалъ молоткомъ французъ рабочій. Немо повернулся къ знаменитому летчику.

— Mon capitaine, поѣдьте съ нами... на острова Галапагось... Тамъ вы сколько угодно будете летать на моихъ аппаратахъ. Тамъ изучите и мины.

Летчикъ смутился.

— Не знаю право, mon colonel, какъ это устроить? Вѣдь у васъ же тамъ кинематографическое общество?... Я офицеръ воздушнаго флота республики... Et vous savez...

— Да, — сухо и рѣзко сказалъ Немо — это кинематографическое общество и больше ничего. Постановка грандіознѣйшей, многометровой фильмы... И, конечно, вамъ неудобно ѣхать туда. Тамъ будетъ поставлено «Торжество сатаны»... «Мани-текель фаресъ»... Vous comprenez... Et voilà tout...

— Да... да... Я понимаю... Но послѣ, когда вы вернетесь, вы мнѣ дадите летать?

— Съ особеннымъ удовольствіемъ... Да вѣдь ваше министерство знакомо съ моими аппаратами... Я передалъ ему всѣ чертежи.

— Я знаю... Такой удивительный, такой благородный поступокъ. Вы, Русскіе, всегда были наши безкорыстные друзья.. Мы этого никогда не забудемъ.

Капитанъ Немо попрощался съ летчиками. Когда его машина выѣзжала съ аэродрома, онъ тихо, какъ бы про себя сказалъ:

— Можете и забыть, какъ забыли многое... Но только не мѣшайте, не мѣшайте, не мѣшайте... А помощи хоть и не надо...

IX.

На другой день Ранцевъ, какъ и всегда провелъ все утро на занятіяхъ въ Нордековской ротѣ. Капитанъ Немо приказалъ ему къ завтраку быть дома.

— Послѣ завтрака мы поѣдемъ съ тобою верхомъ, — сказалъ Ранцеву капитанъ Немо.

— Верхомъ? — съ удивленіемъ переспросилъ Ранцевъ. Ему казалось, что онъ ослышался. Капитанъ Немо и верховая ѣзда не вязались въ его представленіи. Онъ не видалъ Немо на лошади съ самыхъ дней ихъ дѣтства.

— Да, милый Петръ Сергѣевичъ, благодареніе Господу, что во Франціи есть еще такіе уголки, куда можно добираться только верхомъ, или пѣшкомъ. Тамъ покажу я тебѣ нѣчто весьма интересное.

Послѣ завтрака они уѣхали въ автомобиль. Оба были одѣты для верховой ѣзды. Ранцевъ въ свой старый костюмъ наѣздника, Немо въ изящный верховой костюмъ, сшитый у лучшаго англійскаго портного.

Черезъ двадцать минутъ ѣзды по городскимъ улицамъ они вынеслись за укрѣпленія. Машина ровно гудѣла. Древесные стволы мелькали съ такою быстротою, что у Ранцева голова кружилась. Иногда шофферъ подавалъ протяжный гудокъ, и мимо мелькалъ точно стоящій на мѣстѣ обгоняемый ими несущійся полнымъ хо-

домъ автомобиль. Машина шла не колеблясь. Отъ быстрого хода у Ранцева замирало сердце и сладко становилось во рту.

Мелькали мимо дома мѣстечка. Автомобиль сдержалъ ходъ. Ъхали по узкой кривой улочкѣ. Лавочки, окно, заставленное бутылками, собака испуганно прижавшаяся къ стѣнѣ, проносились, какъ во снѣ. И опять просторъ. За аллеями національной дороги закрутились, разворачиваясь, поля и нивы, мелькнули вдали большіе каменные сараи, фабричныя трубы, роща, кусты...

Шофферъ не разъ ѣздилъ по этому пути. Онъ хорошо зналъ дорогу. Увѣренно онъ сдержалъ ходъ машины. Лѣвая рука высунулась изъ окна, замотала кистью, машина круто свернула на плохое, изрытое, «коммунальное» шоссе, покачнулась и стала спускаться въ оврагъ. Вправо тянулся каменный заборъ замковаго парка, влѣво были огороды, парники, вьющаяся роза ползла по рѣшеткѣ. Показались деревенскіе узкіе двухэтажные домики. Пахнуло скотомъ, соломой. Переѣхали по мосту черезъ ручей, поднялись наверхъ, проскочили мимо длиннаго зданія мэріи и уперлись въ заборъ съ сѣрыми покосившимися деревянными воротами съ калиткой. Здѣсь остановились. Шофферъ вылѣзъ изъ кабины и пошелъ отворять дверцу. Ранцевъ выпрыгнулъ первый. Отъ быстрой ѣзды у него кружилась голова.

У калитки звонко на стальной пружинѣ брякнулъ колокольчикъ. Они вошли на большой дворъ старинной фермы. Каменный домъ съ безжизненно повисшими, на половину оторванными ставнями стоялъ, полуразвалившійся и точно необитаемый. Противъ него проволочная сѣтка отдѣляла отъ двора большой птичникъ. Двѣ высокія развѣсистыя липы бросали голубую тѣнь. За каменною стѣною яблони въ густомъ бѣломъ цвѣту тихо роняли легкіе лепестки за заборъ.

Штукъ двѣсти молодыхъ пѣтуховъ, холеныхъ, чистыхъ, бѣлыхъ Лег-хорновъ, точно эскадроны кавалергардовъ въ красныхъ шапочкахъ, любопытствуя, сгруппировались у рѣшетки.

Высокое, яркое солнце согрѣвало дворъ весеннимъ тепломъ... Миръ, тишина, покой и безлюдье были кругомъ.

Х.

Изъ за высокій стѣны, отъ яблонь, красивый, высокій, женскій голосъ закричалъ, раздѣляя слоги:

— Га-ли-на-а!... Гали-на!...

Тоненькій голосокъ отозвался совсѣмъ близко за заборомъ.

— Что, мамулечка?...

— Посмотри, кто тамъ пришелъ?

Деревянная калитка въ углу у каменнаго сарая открылась и въ розовомъ платьѣ бѣлокурая дѣвочка — волосы убраны въ двѣ косы — выглянула изъ за нея, точно показалась оттуда расцвѣтающая роза. Съ розоваго личика голубо - сѣрые глаза внимательно посмотрѣли на Немо.

— Ахъ, это вы, — привѣтливо и радостно сказала она и скрылась за калиткой.

— Мамочка, это капитанъ Немо и съ какимъ то еще человѣкомъ.

Молодая женщина вышла изъ калитки. Золотые, густые, длинные волосы по крестьянски были забраны подъ красную кичку, сдѣланную изъ платка. Лицо, покрытое нѣжнымъ весеннимъ загаромъ и голубые глаза привѣтливо улыбались. Она была съ голыми въ большихъ деревянныхъ сабо ногами. Розовое ситцевое платье было спереди прикрыто передникомъ. Она обтирала объ него руки.

— Простите, руки грязныя. Въ огородѣ работала. Вы сейчасъ и поѣдете, Ричардъ Васильевичъ? — сказала она .

— Да, Любовь Димитріевна, какъ всегда.

— Вы поѣдете вдвоемъ?

— Да. Позвольте познакомить васъ — мой помощникъ Петръ Сергѣевичъ Ранцевъ.

— Очень рада... — Она повернулась къ огороду и крикнула. Ея голосъ эхомъ отдался о стѣны сарая.

— Ерема!... Ерема, иди сѣдлатъ обѣихъ...

За сараемъ на каменномъ дворѣ послышался стукъ подковъ.

Женщина, какъ красивая картина стояла на фонѣ темной калитки подъ бѣлыми яблонями.

— Почему ваша дочь не въ школѣ? — спросилъ Немо.

— Я взяла ее... Весна, знаете... Работы въ огородѣ и на птичникѣ очень много. Намъ вдвоемъ съ мужемъ не управиться.

Она спокойно и увѣренно держалась въ своемъ крестьянскомъ платьѣ съ голыми ногами передъ прекрасно одѣтымъ Немо. Ранцевъ понялъ — передъ нимъ — «барыня», значитъ, и мужъ ея тоже «баринъ». Вѣрнѣе всего такой же офицеръ, какъ и онъ.

— Позвольте я пойду помочь сѣдлатъ вашему мужу, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ зачѣмъ же? Совсѣмъ этого не нужно. Онъ управится и самъ.

Но Ранцевъ настоялъ на своемъ. Галина повела его. Они прошли черезъ сарай, заваленный сѣномъ. Въ раскрытыя его двери показался мощный заросшими травою плитами каменный дворикъ. Тамъ подъ навѣсомъ высокій худошавый человѣкъ въ зеленоватой шерстяной рубашкѣ и длинныхъ штанахъ изъ синей дрели, какіе носятъ французскіе крестьяне, зачищалъ лошадей. Лошади были крупныя англо-нормандскія бурья кобылы. На шаги Ранцева человѣкъ этотъ обернулся. Къ своему большому удивленію Ранцевъ призналъ въ немъ своего знакомаго. Это былъ полковникъ Пиксановъ. Ранцевъ видалъ его на одномъ маленькомъ собраніи въ Парижѣ, гдѣ говорилось о масонахъ и гдѣ Пиксановъ выступалъ оппонентомъ генерала Ловчилло. Тогда Пиксановъ былъ Парижскимъ шофферомъ на такси.

— А, — улыбаясь сухимъ, плоскимъ, бритымъ, рыбьимъ лицомъ, сказалъ Пиксановъ, — и вы нанялись, значитъ, къ нашему хозяину. Это вы и поѣдете?

— Да, я и поѣду съ Немо. Позвольте я вамъ помогу.

— Да что помогать, я и одинъ управлюсь. Впрочемъ, вамъ это дѣло тоже знакомое. Сѣдлайте свою. Славная кабылица... А прыгаетъ, хоть сейчасъ на конкурсъ въ Гранъ-Палэ...

— Вы давно здѣсь?

— А вотъ, извольте видѣть... Когда покупали лошадокъ, гривки у нихъ, по здѣшней модѣ, были острижены. Сейчасъ, видите, какъ ладно легли... Значитъ полгода. И цыплятъ, видали, какихъ моя жена развела... А изъ инкубатора вмѣстѣ съ нею выводили... Вотъ оно время то какъ пронеслось.

— Вы тутъ на какихъ же роляхъ?

— Именно на роляхъ... Мѣтко изволили сказать, — накидывая сѣдло на лошадь, желчно сказалъ Пиксановъ. — Чудеса въ рѣшетѣ. Ничего не пойму. Какъ?... Почему? Зачѣмъ?... Какая логика?... Сначала было думалъ: — благотворительность... Вотъ, молъ, милый человѣкъ, истрепалъ нервы на такси, жена теряетъ зрѣніе на «кутюрь» — получай участокъ земли и живи.

Пиксановъ замолчалъ, подтягивая подпруги.

— Объясните мнѣ, Ранцевъ, — продолжалъ онъ, набрасывая на голову лошади уздечку, — почему это всѣ богатые Русскіе непременно чудаки. Вѣдь хозяинъ нашъ Русскій, до мозга костей Русскій, такой, какъ вы, какъ я, а вотъ — капитанъ Немо... Да еще и Ричардъ!... А, какая логика?... Я сначала даже пугался... Да не большевикъ ли?... Или чего добраго вдругъ да я къ масонамъ попалъ!... Вотъ вѣдь — веселенькая исторія вышла бы! Да нѣтъ!... Ничего подобного!... И вотъ васъ вижу... Ну, вы то на грязное дѣло не пойдете... Достаточно я слышанъ про васъ. Такъ зачѣмъ онъ это?...

— Это его дѣло.

— Конечно такъ... Насъ не касаетъ... Богатый страсть. Видали машину... Я знаю, такая машина тысячь двѣсти плочена. Лошадей приказалъ купить. Ѣздить, молъ будетъ въ Булонскомъ лѣсу. Я докладываю — лучше подождать до весны, тогда на аукціонѣ парфорсныхъ лошадей можно задешево купить. Нѣтъ... Послалъ къ

Ротшильдъ, отобралъ самыхъ что ни на есть лучшихъ и, не торгуясь, взялъ. Поставили въ манежѣ у госпожи Ленсманъ. Тридцать франковъ въ сутки за пансіонъ платить... Недѣлю постояли, потомъ мнѣ приказъ — перевести на ферму... Тутъ съ недѣлю постоятъ и опять къ Ленсманъ.. Чудеса, да и только..

— Вы говорите, къ Ленсманъ?

— Да... Вѣдь и вы тамъ не такъ давно работали?

— Ну, а дальше что?

— Дальше еще чуднѣе... У насъ здѣсь, представьте, лѣсъ арендованъ. Двадцать четыре квадратныхъ километра. Для охоты... Кругомъ стража. Не съ этихъ мѣстъ... И никого не пускаютъ туда... Даже и меня. Я поѣду съ нимъ только до калитки, а тамъ, поклонъ: — «можете быть свободны, вернусь часа черезъ три». И ночью одинъ возвращается. Согласитесь, немного странная охота. Что онъ? Не на любовныя же свиданія ѣздить?... Да и съ кѣмъ?... Съ лѣсачихой съ какой что ли?... Лѣсъ — глушь непролазная, — не повѣрите, что такъ близко отъ Парижа и такая дичь. Если поѣдете туда, глядите, еще русалокъ какихъ встрѣтите. Знаете, если къ вамъ тамъ выйдетъ волшебница Наина, или увидите голову великана въ шлемѣ, не удивляйтесь... Да вѣдь это снобизмъ какой то! Это Эдгаромъ Поэ какимъ то пахнетъ... А денегъ то сколько на это ухлопано!... Фальшивыя ассигнаціи онъ тамъ что ли печатаетъ?... А подумайте, если бы да деньгамъ то этимъ да иное какое употребленіе сдѣлать? На студентовъ, или старикамъ богадѣльню устроить?... Нѣтъ, это иностранцы могутъ, а Русскій, онъ непременно самодуръ... Чудить... Моему нраву не препятствуй... А такъ, между прочимъ, премилый человѣкъ. Вы не знаете, почему это такъ?... Впрочемъ, если связаны словомъ — прошу не говорить.

— У него кинематографическое общество «Атлантида».

— Какъ же, слыхалъ... Нашихъ много къ нему нанялось... Такъ вѣдь онъ съемки то на островахъ какихъ то собираетъ дѣлать? Къ чему ему этотъ лѣсъ?

Пиксановъ мокрой щеткой примочилъ гривки лошадамъ.

— Ну, идемте. Наше дѣло, въ концѣ концовъ, маленькое... Скажи, враже, якъ панъ каже... А все таки лѣсъ... Ъзда по ночамъ... Зачѣмъ?... Почему?... Какая логика?...

XI

Капитанъ Немо и Ранцевъ выѣхали за ворота. Пустой автомобиль стоялъ въ тѣни каштановъ. Шофферъ ушелъ внизъ въ деревню. Кругомъ такъ непривычная Парижскимъ жителямъ была тишина. Деревня стояла, какъ декорація, какъ сонное видѣніе. Точно и жизни въ ней не было.

За угломъ садовой ограды свернули влѣво и попали на глинистую грунтовую дорогу съ глубокими колеями. Онѣ по французскому обычаю были засыпаны всякою дрянью. Битая посуда, бутылки, жестянки отъ консервовъ, рваныя велосипедныя и автомобильныя шины, проволока, старый желѣзный ломъ, гвозди и кирпичи валялись въ нихъ. Даже умудрились втиснуть въ колеи сломанную дѣтскую колясочку, и она безпомощно торчала колесами кверху.

Пошли рысью. Сильная и рослая кобыла Ранцева шла легко, попрашивая повода. Немо тяжеловато приподнимался въ сѣдлѣ, но сидѣлъ хорошо, чуть развернувъ носки.

Лошади бѣжали, весело отфыркиваясь. Мухи, налипшія было на нихъ, отстали. Дорога уперлась въ аллею изъ цвѣтущей бѣлой акаціи. Пряный духъ сладко кружилъ голову. Онъ напомнилъ Ранцеву Крымъ и время его поправки отъ раненія. Очень хорошъ былъ день, клонившійся къ вечеру.

— Давненько я не ѣздилъ, — сказалъ, переводя на шагъ и отдуваясь Немо. — А все таки хорошо насъ училъ въ Михайловскомъ училищѣ генералъ Петраковъ.

Не разучился я ѣздить. Никогда не думалъ, что это мнѣ понадобится, да еще здѣсь.

Аллея уперлась въ лѣсъ. Калитка, обвитая проволокой преградила путь. Всюду на деревьяхъ на видныхъ мѣстахъ висѣли надписи: — «chasse gardée», «défence d'entrer au public», «pièges tendues».

Ранцевъ спрыгнулъ съ лошади и открылъ калитку. Густой лѣсъ былъ передъ ними. Дубы великаны, едва опушенные молодой, еще розового оттѣнка листвою росли среди молодыхъ буковъ. Ежевика, какъ лианы цѣплялась за нихъ. Старый темно-бурый папоротникъ, поломанный непогодой глушился молодыми блѣдно зелеными побѣгами. Широкая зеленая просѣка вела вглубь лѣса. Временами ее пересѣкали другія просѣки. Онѣ заросли травой и кустами. Канавы, отдѣлявшія ихъ отъ лѣса, заплыли иломъ.

Фазанъ пѣтухъ, протянувъ вдоль земли золотисто пестрый хвостъ, съ тревожнымъ, присвистывающимъ квохтаньемъ бѣжалъ передъ лошадьми и вдругъ съ трескомъ крыльевъ взлетѣлъ, яркій, блестящій, золотой въ солнечномъ лучѣ и полетѣлъ прямымъ полетомъ между частыхъ стволовъ.

Кролики сновали поперекъ дороги, сверкая бѣлыми кончиками пушистыхъ хвостовъ.

Дорога стала топкой. Да, сюда и на велосипедѣ нельзя было пробраться. Верхомъ, или пѣшкомъ... Лѣсъ разступился. Вправо была большая поляна, густо заросшая папоротникомъ. Рѣдкія березы стояли по ней.

— Смотри, — сказалъ Ранцевъ, — дикія козы.

— Да, знаю, тутъ есть всякаго звѣря достаточно, — равнодушно отозвался Немо. — Тутъ я кабановъ какъ то видалъ. Старая королевская охота тутъ была.

Козель и двѣ козы паслись шаггахъ въ двухстахъ отъ нихъ. Они подняли головы, настремили уши, постояли мгновение въ нерѣшительности, и пошли легкимъ упругимъ, неслышнымъ скокомъ, давая громадные прыжки черезъ невидимыя препятствія и скрылись въ лѣсу. Тамъ въ темной чащѣ остановились они и долго провожали испуганнымъ взглядомъ всадниковъ.

У высокаго вѣкового дуба было то, что французы называютъ «étoile». Здѣсь просѣки сходились звѣздообразно. Въ глубинѣ одной было видно небольшое каменное зданіе, окруженное стѣною. Немо направился къ нему.

— А хорошо было охотиться въ королевскія времена, — сказалъ онъ. — Видишь въ каменной стѣнѣ бойницы по направленію просѣкъ. Кабана гнали по нимъ, стой и стрѣляй изъ-за бойницы въ полной безопасности. Положимъ, тогда и ружья были... Кремневые...

Въ розовыхъ лучахъ, спускавшагося къ вершинамъ деревьевъ солнца красивымъ и загадочнымъ казался домикъ старинной архитектуры. Онъ былъ ветхъ и необитаемъ. Сѣрыя стѣны облупились. Щербатый камень осыпался. На окнахъ не хватало стеколъ. Оборванные ставни висѣли съ жалкою старческою безпомощностью.

Правъ былъ Пиксановъ: — волшебница Наина должна была обитать здѣсь.

Капитанъ Немо слѣзъ съ лошади. Ранцевъ прыгнулъ со своей и принялъ лошадь Немо.

— Приязывай у ограды, — сказалъ Немо, — да привязывай покрѣпче... Муха появилась.

Ранцевъ поднялъ стремяна по путлищамъ вверхъ и привязалъ лошадей. Немо наблюдалъ за нимъ.

— Дѣйствительно, ты педантъ, — сказалъ онъ съ ласковой улыбкой.

Отъ домика раздавалось глухое гудѣніе, точно тамъ гдѣ то въ глубинѣ его работалъ сильный моторъ.

На двери висѣло большое желѣзное кольцо. Немо постучалъ имъ. Это этого стука звучно отозвалось по лѣсу.

Прошло около минуты. За калиткой кто то неслышно подошедшій старческимъ голосомъ, какъ говорятъ возгласы священники, проговорилъ:

— Господи, спаси Россію!

— Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ, — отвѣтилъ Немо. — Откройте, отецъ Θεодосій.

Желѣзо замка заскрипѣло. Калитка медленно раскрылась. За нею показался дворикъ, мощеный камнемъ.

На дворикъ стоялъ высокій Русскій монахъ съ сѣдою бородою, въ черной рясѣ и скуфейкѣ.

Чѣмъ — не волшебница Наина?..

XII.

Какъ въ нѣкій скитъ вошли Немо и Ранцевъ въ жилище старца въ королевскомъ лѣсу Notre Dame. Горница съ каменнымъ поломъ была увѣшана иконами. Подъ лампадкой стоялъ легкій переносный аналой. Книга въ темномъ кожаномъ переплетѣ лежала на немъ. У стѣны было бѣдное, жесткое, скудное монашеское ложе. Пахло лампаднымъ масломъ, воскомъ и ладаномъ и, такъ не отвѣчая этой обстановкѣ кельи, откуда то снизу, непрерывно и гулко гудѣлъ моторъ машины.

— Пожалуйте, Ричардъ Васильевичъ, — привѣтливо сказалъ монахъ и, неслышными шагами обогнавъ вошедшихъ, открылъ скрытую, почти невидимую дверь въ глубинѣ кельи.

Передъ ними была довольно большая комната съ однимъ окномъ. И первое, что бросилось въ глаза Ранцеву въ ней — большой радіо-аппаратъ какой то особой невиданной формы. Отъ него поднялись навстрѣчу Немо два человѣка. Одинъ, высокій старикъ съ окладистою, «лопатою», сѣдою бородою, худощавый и красивый сѣверною не русскою красотою, другой бритый полный человѣкъ съ актерскимъ лицомъ.

— Густавъ Эрнестовичъ, — сказалъ Немо, — я къ вамъ со своимъ помощникомъ и замѣстителемъ. Петръ Сергѣевичъ, это нашъ радіографистъ Густавъ Эрнестовичъ Лагерхольмъ, великій изобрѣтатель, а это его помощникъ Адамъ Петровичъ Шулькевичъ. Тебѣ много придется работать съ ними и слышать ихъ, а видѣть придется рѣдко.

И, обращаясь къ Лагерхольму, Немо добавилъ:

— Какъ у васъ, не началось?

Сѣдобородый финнъ посмотрѣлъ на большіе старомодные часы, висѣвшіе у него на животѣ на золотой цѣпи и чисто по русски, безъ акцента, сказалъ:

— Еще полчасъ.

— Мы пока пройдемъ къ Вундерлиху, — сказалъ Немо.

— Есть, — по морскому сказалъ Лагерхольмъ и за тяжелое кольцо въ полу поднялъ люкъ. Потянуло душнымъ аптечнымъ запахомъ. Желтый свѣтъ керосиновой лампы показался тамъ.

— Herr Wunderlich, — крикнулъ по нѣмецки Лагерхольмъ, — къ вамъ капитанъ Немо. Давайте, прошу васъ, лѣстницу.

Грубая, тяжелая лѣстница показалаcя у отверстія. Желѣзные крючья отыскиали скобы и зацѣпились за нихъ. Лающій голосъ раздался изъ подземелья:

— Bitte sehr.

Немо, за нимъ Ранцевъ, спустились въ подземелье.

Тамъ, при скудномъ свѣтѣ лампы, Ранцевъ увидалъ большую лабораторію. По грубо сдѣланнымъ полкамъ стояли колбы, реторты и склянки съ желтой жидкостью, накрытыя стеклянными пластинками. На полу были ящики и жестянки съ уложенными въ нихъ маленькими скляночками. Отъ большого стола медленно приподнялась странная фигура.

Если бы Ранцевъ не ожидалъ увидѣть здѣсь профессора Вундерлиха, если бы фигура эта не была одѣта въ синій просторный пиджакъ и такіе же штаны, Ранцевъ подумалъ бы, что въ подземельи ихъ встрѣчаетъ обезьяна. Передъ нимъ былъ глубокій старикъ. Низкій, совершенно обезьяній продолговатый черепъ темнаго цвѣта былъ точно шерстью покрытъ неопрятными рѣдкими буро-сивыми волосами. Щеки и подбородокъ обросли шерстью. Широкій плоскій носъ торчалъ большими открытыми ноздрями, и Ранцевъ не могъ разобрать, — онъ таки стѣснялся разсматривать уродство — былъ этотъ носъ провалившимся отъ болѣзни, или онъ такой былъ отъ природы. Крошечные, узкіе, звѣриные глаза смотрѣли умно и остро изъ подъ глубокихъ глазницъ,

поросшихъ косматыми бровями. Сходство съ обезьяной усугублялось еще тѣмъ, что человѣкъ этотъ не стоялъ прямо, но нагнулся надъ столомъ, опираясь на него руками. Рукава пиджака были высоко засучены и обезьяньи длинныя руки густо покрыты волосами. Вундерлихъ смотрѣлъ, часто мигая, на Немо. Въ острыхъ его глазахъ свѣтился умъ и вмѣстѣ съ умомъ была и животная тупость ничѣмъ непоколебимой воли.

Ранцевъ отъ Немо зналъ исторію профессора Вундерлиха. Это, какъ говорилъ Немо, былъ цѣннѣйшій изъ артистовъ его «варьете». Это былъ знаменитый химикъ, специалистъ по минеральнымъ, растительнымъ и бактерійнымъ ядамъ. Вскорѣ послѣ окончанія войны, онъ изобрѣлъ ядъ, совершенно незамѣтный, который дѣлалъ людей сумасшедшими. Ему надо было провѣрить его дѣйствіе на опытахъ. Но нормальный кроликъ, или свинка, или ненормальный, кто ихъ узнаетъ? Опыты надо было сдѣлать надъ людьми. Профессоръ Вундерлихъ обратился къ правительству съ просьбой предоставить ему для опытовъ преступниковъ. Ему отказали. Тогда онъ сталъ доказывать, что, если его ядъ примѣнить къ человѣку ненормальному, то онъ излѣчивается отъ своей ненормальности и дѣлается нормальнымъ и здоровымъ. Въ пространномъ докладѣ онъ доказывалъ, что коммунисты являются людьми умалишенными и просилъ предоставить ему для испытанія нѣсколько «индивидуумовъ» коммунистической партіи. Его докладъ — въ то время Германія особенно носилась съ Совѣтами — приняли за насмѣшку и его выслали изъ Германіи. Онъ направился во Францію и здѣсь, лѣтъ пять тому назадъ, встрѣтился съ капитаномъ Немо. Тотъ далъ ему опредѣленные задания, и Вундерлихъ согласился работать у Немо, подъ его руководствомъ.

Ранцевъ осторожно вглядывался въ этого страшнаго человѣка, для котораго внѣ науки не существовало ничего и который готовъ былъ ради торжества своихъ изысканій и открытій въ области ядовъ погубить все человѣчество.

Ранцеву, хотя онъ уже слышалъ скрипучее «bitte

sehr», казалось, что это существо, онъ не могъ признать его человѣкомъ, — не можетъ говорить по человѣчески, и онъ весьма удивился, когда Вундерлихъ заговорилъ, правда, на ломаномъ, но все таки на Русскомъ языкѣ.

— Я все кончалъ, — сказалъ Вундерлихъ, — широкимъ жестомъ показывая на ящики, уложенные въ обыкновенные дорожные чемоданы.

Восторженное пламя загорѣлось въ крошечныхъ, обезьяньихъ глазкахъ профессора.

— О, зачѣмъ я не изобрѣталъ это двѣнадцать лѣтъ тому назадъ!.. Вся война капутъ... Отъ этой маленькой дозы тысяча человѣкъ... Десять тысячъ человѣкъ... Весь Парижъ капутъ... Вотъ онъ «капучій» газъ!

Онъ сталъ пространно объяснять Немо, что его препараты не соединены. Онъ говорилъ по нѣмецки и Ранцевъ плохо понималъ его.

— Это все можно на какой угодно таможнѣ показать. Самые безвредные препараты. Ну, просто — краска.

— Вы что же, — сказалъ внимательно его слушавшій Немо и, взявъ со стола блокъ-нотъ и перо, сталъ писать рядъ формулъ.

Профессоръ Вундерлихъ нагнулся надъ Немо.

— Вы гений!.. Вы знаете больше, чѣмъ я!.. Вамъ меня не надо приглашать. Вы навѣрно работали специально по токсинамъ, — закричалъ въ дикомъ восторгѣ, поднимая руки кверху, Вундерлихъ.

— Значитъ, вѣрно?

— Какъ въ аптекѣ.

— Послушайте, Herr Wunderlich, на будущей недѣлѣ, во вторникъ... Запомните, во вторникъ... Вы опять забудете...

— Я лучше буду записывать. Лучшѣе будетъ.

— Запишите: — во вторникъ сюда пріѣдетъ арба съ хворостомъ. Вы всю свою лабораторію поставьте въ ящикахъ подъ хворостъ. Повезутъ свои люди. Они вывезутъ изъ лѣса и сдадутъ на грузовикъ. Онъ доставитъ прямо на пароходъ. Вы поѣдете по желѣзной дорогѣ.

— Н-нѣтъ... — съ силой сказалъ профессоръ, — я

самъ ѣхаль съ арба. Я самъ ѣхаль съ грузовикъ... Я никогда съ своей лабораторіей не разстался.

— Ричардъ Васильевичъ, — раздался голосъ Лагерхольма въ люкъ, — если кончили съ профессоромъ, пожалуйста наверхъ. Сейчасъ начинается.

Капитанъ Немо попрощался съ обезьяной и вышелъ изъ подземелья.

XIII.

Аппаратъ беспроволочнаго телефона, такой ничтожный, тихій и ненужный въ этой лѣсной хижинѣ, когда онъ былъ нѣмой, шипѣлъ и трещалъ, издавая странные, щелкающіе звуки. Лагерхольмъ направлялъ эбонитовые кружки съ бѣлыми стрѣлками и цифрами. Щелчки прекратились. Послышался ровный, глухой шумъ, потомъ тихое сипѣніе, и ясный голосъ, точно тутъ подлѣ былъ человѣкъ, произнесъ: — «Алло, алло... говоритъ Москва».

Ранцеву и раньше приходилось слышать радіо-аппараты. Гдѣ ихъ только тогда не было! Каждое бистро заливалось пѣснями Новарро и фоксъ-тротами, каждое кафе въ полдень диктовало биржевыя данныя и давало короткую политическую сводку. Ранцевъ зналъ этотъ, точно приглушенный, звукъ человѣческаго голоса и его, то ясно, то неразборчиво произносимыя слова. И всегда ему было неприятно слышать вдругъ непостижимымъ образомъ возникающіе звуки и никогда они его не волновали. Сейчасъ глубокое волненіе охватило его. Почти мистическій страхъ заставилъ сильно забиться сердце.

«Сейчасъ говоритъ Москва».

Тринадцать лѣтъ онъ не слыхалъ, какъ говоритъ Москва. Тринадцать лѣтъ Москва была для него недосягаемымъ, мертвымъ голосомъ. И если бы мертвецъ заговорилъ изъ гроба, впечатлѣніе не было бы болѣе сильнымъ.

«Сейчас говорить Москва».

Ранцевъ напрягъ все свое вниманіе. Какъ она говорила!...

Жидовскій, картавый и даже въ мембранѣ аппарата наглый голосъ самодовольно повѣствовалъ:

— Товагищи, день пег'ваго мая во всей западной Евр'опѣ явился блестящей побѣдой пг'олетаг'иата надъ буг'жуазіей. Гг'омадныя толпы голодныхъ, затг'авленныхъ нѣмецкими фабг'икантами г'абочихъ вышли изъ Нейкольна въ Бег'линъ и пг'одемоств'иг'овали величіе и мощь пг'олетаг'иата. Испуганная полиція пг'итихла, и въ Бег'линѣ мы имѣемъ полную побѣду. Ског'о тамъ будетъ пг'олетаг'ская г'еволюція. Не пг'ойдетъ и мѣсяца — кг'асныя знамена совѣтовъ взовьются надъ двог'цами упитанныхъ банкиг'овъ. Въ Паг'ижѣ миг'ный пг'аздникъ тг'удящихся был омг'аченъ кг'овавымъ безчинствомъ Кіаппа, этого вг'ага фг'анцузской бѣдности... Но, товагищи, не долго и там тег'пѣтъ пг'итѣсненія капиталистовъ. Кг'овавая месть наг'ода неуклонно ведетъ къ гильотинѣ...

— Все одно и тоже, — сказалъ Немо, — какъ имъ не надоѣстъ и слушать эту белиберду.

— Какъ видите, — сказалъ Шулькевичъ, — они давно вывѣтрились. И ихъ никто не слушалъ бы, если бы...

Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы слушали.

Плавные звуки большого оркестра вдругъ раздались въ домикѣ, точно подъ сурдинку. Несказанная Русская красота ихъ пополнила.

Играли оперную увертюру.

— «Русланъ и Людмила», — благоговѣйно прошепталъ Шулькевичъ.

Ранцевъ закрылъ глаза. Ему казалось, что онъ не только слышитъ, но и видитъ то, что происходитъ въ театрѣ. Передъ нимъ всталъ громадный зрительный залъ стараго театра, того театра, который не зналъ никакихъ большевиковъ. Онъ вдругъ увидалъ нарядные туалеты дамъ, офицеровъ въ ихъ красивыхъ формахъ и чинно сидящій внизу подъ рампой оркестръ. На мгновеніе оркестръ смолкъ и сейчасъ же заигралъ *allegro*.

Нѣжный теноръ, — Шулькевичъ, который все зналъ, прошепталъ: — «Собиновъ» — вступилъ съ оркестромъ:

— Дѣла давно минувшихъ дней...

И хоръ, — какъ отчетливо въ этой усовершенствованной Лагерхольмомъ мемранѣ былъ онъ слышенъ — принялъ отъ тенора и продолжалъ:

— Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой,
Преданья старины глубокой...
Послушаемъ его рѣчей,
Завиденъ даръ пѣвца высокій: —
Всѣ тайны неба и людей
Провидитъ взоръ его далекій...

Четко и ясно, такъ, что каждое слово можно было разобрать, пѣлъ Баянъ — Собиновъ:

— Про славу Русскія земли
Бряцайте струны золотыя,
Какъ наши дѣды удалые
На Цареградъ войною шли...

— Подумать только, — тихо сказалъ Шулькевичъ, это слушаютъ въ совѣтской Москвѣ!
А Баянъ уже отвѣчалъ хору:

— За благомъ вслѣдъ идутъ печали,
Печаль же радости залогъ.
Природу вмѣстѣ созидали
Бѣлъ богъ и мрачный Чернобогъ...

Въ комнатѣ темнѣло. Майскій вечеръ надвигался. Немо поднялся, чтобы ѣхать. Лагерхольмъ сказалъ ему:

— Подождите, если можете, до конца дѣйствія. Самое главное впереди. Мнѣ есть чѣмъ похвастать передъ вами.

Капитанъ Немо покорно сѣлъ.

Дѣйствіе кончалось. Шелъ финалъ перваго акта. Мощнымъ басомъ призывалъ Свѣтозарь:

— О, витязи, во чисто поле...
Дорогъ часъ, путь далекъ,
Дорогъ часъ, путь далекъ.
Насъ Перунъ храни въ пути...
И ковъ врага ты сокруши...

Еще оркестръ давалъ послѣдніе аккорды, какъ деревянно защелкалъ аппаратъ — раздались апплодисменты. И сейчасъ же, заглушая ихъ изъ той же мембраны, что передавала оперу, которую играли въ Москвѣ послышался молодой, изступленный, восторженный голосъ:

— Богъ будетъ воевать съ безбожниками... Онъ истребитъ ихъ огненнымъ дождемъ... Вся вода обернется кровью... Зачѣмъ гноитесь въ кол-хозахъ?... Рвите жиновскіе путы. Берите свободу, станьте надъ коммунистами. Россія безъ Царя?... Это невозможно... Этого никогда не будетъ!...

Дальше ничего не было слышно. Пошли перебои, трескъ и щелчки.

— Глушатъ аппаратъ, — сказалъ спокойно Лагерхольмъ. — Они никогда не догадаются, кто и гдѣ говоритъ это.

Капитанъ Немо внимательно посмотрѣлъ въ глаза Лагерхольму.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — неужели то, о чемъ вы мнѣ говорили, вамъ, наконецъ, удалось? Вѣдь вы сами тогда считали, что это почти невозможно.

— Да, почти... Теорія отраженныхъ волнъ была соесѣмъ неразработана. И мнѣ пришлось много, очень много поработать, прежде чѣмъ я достигъ тѣхъ результатовъ, что вы видите здѣсь. Это говоритъ на верху нашъ пропащій актеръ Ваничка Метелинъ. Его голосъ, какъ въ зеркалѣ отражался въ Московскомъ аппаратѣ, поставленномъ въ Большомъ театрѣ и мы заставляемъ совѣтскій аппаратъ работать для насъ.

— Это великолѣпно, — съ силою сказалъ капитанъ

Немо. — Это одно изъ величайшихъ вашихъ изобрѣтений въ области радіографіи. Вы это давно начали здѣсь?

— Я работаю дней пять. Но я долженъ быть крайне осторожнымъ, чтобы французская станція, на бѣду она такъ недалеко отъ насъ, не уловила своими сѣтями мѣсто нашей станціи. Конечно, въ этомъ лѣсу насъ не сразу найдутъ, да и лѣсники насъ предупредятъ. Мы все успѣемъ припрятать и даже уйти изъ лѣса. За все отвѣтитъ отецъ Θεодосій.

— Богъ не допуститъ, — кротко и распѣвно проговорилъ стоявшій въ углу монахъ. — Господь оборонитъ и не дастъ діаволу посмѣяться надъ нами.

Капитанъ Немо всталъ и, протягивая руку Лагерхольму, сказалъ:

— Я не ошибся въ васъ... Вы гениальны... Я не спрашиваю васъ, какъ вы достигли этого. Это ваша тайна. Но я понимаю, какое страшное значеніе будетъ имѣть сно на войнѣ. Вы заставите аппараты противника говорить все то, что скажете вы у себя. Вы собьете всѣ планы, уничтожите всѣ распоряженія...

— Своимъ изобрѣтеніемъ, — нѣсколько торжественно сказалъ Лагерхольмъ, — я привелъ къ нолю значеніе радіо телеграфа на войнѣ. Это, какъ ваши лучи, взрывающіе аэропланы... Все это упрощаетъ войну... Богъ дастъ — сдѣлаетъ ее невозможною. Такъ же, какъ и вы, — внушительно добавилъ финнъ, — я работаю для мира. И всѣ мои изобрѣтенія, какъ и изобрѣтенія всѣхъ насъ — это война — войнѣ!

XIV.

Теплая майская ночь наступила. Капитанъ Немо и Ранцевъ, провожаемые Лагерхольмомъ, Шулькевичемъ, Ваничкой Метелинымъ и отцомъ Θεодосіемъ вышли изъ лѣсного дома и сѣли на лошадей.

Луна молодякъ торчала надъ лѣсомъ. Часто вспархивали фазаны, пугая лошадей тревожнымъ крикомъ и

шумомъ крыльевъ. Бѣлесая пелена тумана стлалась надъ папоротниковыми полянами. Небо было глубоко и прозрачно. Лѣсные звуки были полны неразгаданной тайны.

То, что видѣлъ эти дни Ранцевъ глубоко его волновало. Такъ все это было необычайно и, пожалуй, страшно. Какъ устроилъ Немо, что въ кипящую, суеющуюся жизнь Франціи вклеилъ, вклинилъ незамѣтно свою жизнь? Вставилъ мощно работающую невидимую организацію, которой никто еще не доискался.

Профессоръ Вундерлихъ только что сказалъ про него: — «геній». Дѣйствительно было нѣчто сверхъ человеческое во всемъ размахѣ работы капитана Немо. Онъ собралъ свое «варьете»... Кругомъ шла Русская эмигрантская обывательская жизнь. Благотворительные балы, юбилеи, панихиды и похороны, свадьбы и разводы, рѣчи на банкетахъ, взбадриваніе самихъ себя, что такъ мѣтко называлъ Степа Дружко «уралиномъ». Печатались листки, книги, брошюры, писались и покрывались тысячами подписей воззванія — «слезницы» къ Лигѣ Націй. Возжигали пламя на могилахъ чужого неизвѣстнаго солдата, читали доклады, устраивали съѣзды, шли лекціи и рефераты; младороссы ссорились съ евразійцами, законопослушные предавали проклятію «непредрѣшенцевъ», академики были академически важны, торгово - промышленники чѣмъ то торговали и промышляли... Шла жизнь и не было жизни. Казалась она миражемъ. Вся работа была, какъ работа машины на холостомъ ходу. Ибо не было главнаго — Родины. Не для чего и не для кого было работать. Всѣ для чего то собирали деньги: — «для Родины»... И, какъ собирали многіе, то и собирали такъ немного, что ничего нельзя было на эти деньги сдѣлать. И всѣ боялись сказать главное, что, если борьба, то будутъ и жертвы. Этотъ человѣкъ — капитанъ Немо, кого такъ давно и хорошо зналъ Ранцевъ и кого съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ уважать и цѣнить сумѣлъ собрать людей и готовился и къ борьбѣ и къ жертвамъ. И все это прикрылъ шутовскимъ колпакомъ: — «кинематографическое общество «Атлантида»...

Въ аллеѣ акацій прянъ и душенъ былъ ночной воз-

духъ. Отъ полей и луговъ шелъ нѣжный и влажный духъ растущей травы. Нигдѣ не было жилья и только далеко, далеко, на Парижской дорогѣ вспыхивали и мчались, обгоняя другъ друга, яркіе огни автомобильныхъ фонарей.

Тамъ неслась страшная европейская «культурная», торопящаяся жизнь. И такимъ противорѣчіемъ съ нею былъ мѣрный, ровный и бодрый шагъ лошадей, тихое поскрипываніе сѣделъ и мирный сумракъ уснувшихъ полей. Было хорошо молчать и думать подъ ровное, осмысленное движеніе разумныхъ животныхъ.

На фермѣ Пиксанова привѣтливо горѣли огни. Изъ сарая, гдѣ заперты были молодыя куры, слышался мелодичный пискъ, и на огородѣ робко, по весеннему квакали и урчали лягушки.

Въ просторной комнатѣ съ кафельнымъ поломъ, на кругломъ столѣ, подъ электрической грушей было накрыто на пять приборовъ.

Любовь Димитріевна подала дымящуюся миску Русскихъ щей. Она причесалась и принарядилась. Она была теперь «барыней», женой гвардейскаго офицера, хотя и подавала сама отъ плиты блюда самую изготовленнаго ужина. Золотистые, густые, не стриженные волосы — она была Русская и твердо, съ дѣтства, — вѣроятно, еще отъ старой няни, — усвоила, что стриженные косы — позоръ, — были уложены красивыми блестящими волнами. Запахъ каленыхъ щипцовъ и жженой бумаги — свидѣтель ея парикмахерскихъ работъ — примѣшался къ запаху щей и аромату духовъ. Она и надуться не забыла. Коричневый «tailleur» упруго облегалъ молодое сильное тѣло. Изъ подъ распахнутой жакетки видна была розовая шелковая блузка въ нѣжныхъ складкахъ. Чулки и башмаки были въ тонъ костюму. На рукѣ были надѣты золотые часики, и на тонкой цѣпочкѣ болтался полковой жетонъ. Она была хоть сейчасъ въ Петербургскую гостиную. На лицѣ ея было: — «не смотрите на насъ, что мы тутъ сами стряпаемъ и курятники чистимъ, мы не опускаемся».

Пиксановъ былъ сдержанъ и серьезенъ. Онъ ревновалъ капитана Немо къ Ранцеву. Его, Пиксанова, Немо

никогда не бралъ съ собою, а съ Ранцевымъ проѣздилъ до ночи. Онъ старательно говорилъ о «постороннемъ»:

— Русскихъ сѣмянъ нигдѣ не достану. Укропъ, положимъ, получилъ. Но огурцы?... Корнишоны, это со-всѣмъ не то, что наши Нѣжинскіе сладкіе огурчики. А ихъ длинные змѣеобразные гиганты!... Для чего пло-дить ихъ?... какая логика?

— У насъ въ имѣніи, — томно сказала Любовь Димитріевна, — даже ананасы разводили... Подумайте въ Рязанской губерніи — ананасы... Натурально въ оран-жереяхъ... у насъ были таки садовники... Своего цѣнить и хранить только никакъ не умѣли...

— А помнишь, Люба, сушеный горошекъ... Какая прелесть!... И всегда и зимою и лѣтомъ...

— Вообще сушеные овощи... Славилась... На Ка-занской улицѣ былъ специальный магазинъ... Чего, чего тамъ не было.

Немо, казалось, не слушалъ. Онъ смотрѣлъ въ си-ніе глаза хозяйки, но мысли его были далеко отъ суше-ныхъ овощей.

Едва кончили лимонное желе — оно къ великому сгорченію Любви Димитріевны не удалось и было жид-кимъ, — капитанъ Немо поднялся.

— Простите, Любовь Димитріевна, мы должны ѣхать. Насъ ждутъ дѣла. Спасибо за чудный вашъ обѣдъ. Давно я такъ не ѣлъ.

— Ахъ, помилуйте, пожалуйста... И желе не уда-лось. Не надо было его и дѣлать... Тепло очень стало, а льду у насъ нѣтъ. Вы бы хотя еще чаю напились. Чай готовъ. Вода въ чайникъ кипитъ. Мы бы на вольномъ вѣздѣхъ подъ липками... Очень бы хорошо...

Капитанъ Немо рѣшительно отказался отъ чая.

— Ну, до свиданья, — сказала Любовь Димитріев-на и добавила по привычкѣ: — пока!...

Вспыхнули фонари машины, уперлись яркими лу-чами въ пустынную деревенскую улицу, гдѣ всѣ дома давно спали крѣпкимъ сномъ. Машина мягко и безшум-но тронулась и покатила въ глубокую балку, гдѣ подъ ея огнями серебряными облаками клубился туманъ.

Немо молчалъ. Ранцевъ смотрѣлъ въ окно, на темныя поля, на мелькавшіе мимо стволы деревьевъ. Онъ вздрогнулъ, когда Немо вдругъ коснулся его ноги.

— Ты хорошо знаешь Пиксанова?... Какъ ты думаешь, можно ему въ наше отсутствіе поручить эту радіо станцію?

— Я знаю, что онъ очень честный человѣкъ.

— Ты говоришь... Мнѣ этого довольно...

Опять молчали. Каждый отдался своимъ думамъ и соображеніямъ.

По Парижу мчались съ большою скоростью. Мокрыя улицы были пустыни. Иногда попадались, какъ тѣни скользящія по нимъ парные велосипедисты полицейскіе, совершавшіе объѣзды.

Когда пріѣхали домой, хотя было уже за полночь, Немо не отпустилъ Ранцева. Онъ усѣлся съ нимъ въ нижнемъ кабинетѣ и диктовалъ ему:

— Отъ «Олида» — ветчины Парижской восемь тоннъ... Солонины свѣжей... Все, Петръ Сергѣевичъ, надо предусмотрѣть... Насъ, помнишь, учили: — «ѣдешь на день, а бери хлѣба на недѣлю», какъ мы это все основательно позабыли... Записалъ: — ветчины... Сухарей морскихъ сто ящичковъ. Печенья «Лю» шестьсотъ жестянокъ... Завтра, Петръ Сергѣевичъ, съ утра поѣдемъ по этимъ дѣламъ... Надо и «мамонѣ» послужить. Голодное то брюхо, какъ говорится, къ ученью глухо. Еще въ аптекарскіе склады съ докторомъ Пономаревымъ надо будетъ проѣхать... Дня не хватитъ... А чувствую: — кончать надо, ахъ какъ надо кончать!...

— Ты такъ многое довѣряешь французамъ?

— А что?

— Да уже очень они — безбожники. Знаешь... Мнѣ кажется революція даромъ никогда не проходитъ... Все таки есть въ нихъ что то... Матеріалисты они...

— Это Парижъ... Да и то не весь... Вотъ, кончимъ здѣсь, поѣдемъ грузиться. Тамъ въ Бретани, въ Нормандіи другое увидишь... Какая вѣра!... Дай Богъ намъ такой... Я тебя пошлю раньше... На дачу... Самъ останусь на два, на три дня. Кстати ты и отдохнешь. Нѣтъ...

Хорошій народъ... Твердый... вѣрующій... А какіе патріоты!... Такъ продолжаемъ: — консервовъ мясныхъ... Записаль?

XV.

Съ той самой бессонной ночи, когда на разсвѣтѣ Нордековъ покушался на самоубійство, онъ жилъ особенною жизнью. Онъ точно переродился, помолодѣлъ, взбодрилъ себя и приводилъ въ недоумѣніе и озлобленіе женскую половину виллы «Les Coccinelles».

Все произошло такъ странно и головокружительно быстро. Въ этотъ день онъ, на этотъ разъ съ Ферфаксовымъ, поѣхалъ въ транспортную контору и заявилъ о своемъ уходѣ. Потомъ Ферфаксовъ повезъ его на rue Mouzaïa, гдѣ предложилъ расписаться въ полученіи жалованья за май. Онъ расписался въ настоящей, по старой формѣ составленной, требовательной вѣдомости и, мелькомъ взглянувъ въ нее, увидалъ тамъ росписку Амарантова. Это его успокоило.

— Что же я долженъ дѣлать? — спросилъ онъ, закуривая папиросу.

Ферфаксовъ, молча, показалъ ему на плакатъ: — «просять не курить».

Нордековъ погасилъ папиросу. Ферфаксовъ спокойно и твердо сказалъ:

— Обучать, а потомъ и командовать ротой.

Нордекову показалось, что онъ ослышался.

— Ротой?...

— Да... Вотъ списокъ роты. Перепишите его себѣ. Перепишите и требовательныя вѣдомости. Теперь уже вы будете платить имъ жалованье.

Ферфаксовъ подалъ Нордекову бумаги, пододвинулъ перо и чернильницу, самъ же усѣлся за сосѣднимъ столомъ, открылъ несгораемую шкатулку, вынулъ изъ нея кипу счетовъ и сталъ щелкать на счетахъ.

Нордековъ углубился въ данный ему списокъ. Рота полного состава, по штатамъ военного времени... Рота

для съемки въ кинематографѣ? Кое кого онъ зналъ въ этой ротѣ. Князь Ардаганскій, напимѣрь.. и отмѣтка на поляхъ карандашемъ: — «въ распоряженіи капитана Немо для связи».

— Это тоже переписывать?

— Да, отмѣтите для свѣдѣнія.

Нордековъ переписывалъ.

«Семень Вѣха, барабанщикъ. Архангельской губерніи». ...«Летчикъ Калиникъ Евстратовъ, онъ же горнистъ и трубачъ... Области Войска Донского. Хорошій агитаторъ». ...«Странно», — подумалъ Нордековъ.

— И это: хорошій агитаторъ? — спросилъ онъ.

— Да... Для свѣдѣнія.

«Странно... Вѣдь это же фильма?...» «Командиръ первой полуроты Евгений Парчевскій, С.-Петербургской губерніи, кавалеристъ. Отлично знаетъ городъ. На первыхъ роли».

— Развѣ полковникъ Парчевскій у насъ? Онъ мнѣ ничего не говорилъ.

— Да. У насъ не принято говорить.

— Да... Такъ...

Люди были различныхъ губерній и областей старой Россіи, но особенно много было уроженцевъ далекаго Сѣвера, сибирской тундры, и это бросилось въ глаза Нордекову. Два взвода были иностранцы — нѣмцы и французы.

— Это зачѣмъ же?...

— Такъ нужно. Фильма интернаціональная.

Списки были готовы. Ферфаксовъ объяснилъ Нордекову, гдѣ, какъ и чему онъ долженъ обучать роту. Выправка, маршировка, ружейные приемы, порядокъ внутренней службы, гарнизонный уставъ, сборка, разборка и сбереженіе винтовки.

— Винтовка то къ чему?

— Таково требованіе общества.

Нѣтъ съ нимъ не разговоришься. Ферфаксовъ годами былъ моложе Нордекова, но полковника это не смущало. За годы пребыванія въ Добровольческой арміи онъ привыкъ, что полковники могутъ стоять за рядовыхъ въ строю, а прапорщики командовать ротами.

Онъ усвоилъ, что дисциплина можетъ быть и безъ іерархій... Притомъ же это для кинематографа.

Въ контору приходили люди за справками. Ферфаксовъ знакомилъ ихъ съ ротнымъ командиромъ. Нордековъ молодымъ дѣлалъ круглые глаза и, свирѣпо вращая ими, говорилъ:

— Тр-р-репещи молодежь!... Видъ веселый, но безъ улыбки!... Полковникъ Нордековъ васъ подтянетъ!...

Время шло быстро. Послѣ завтрака они на такси поѣхали къ портному, выбрали и пригнали для Нордекова синій костюмъ, такой же, какой былъ на Ферфаксовѣ. Тамъ же полковникъ получилъ три голубовато-сѣрыя рубашки и галстухъ голубой съ серебряной строчкой, шляпу и черное пальто.

— Что же все это стоитъ? — не безъ испуга спросилъ полковникъ.

— Ничего не стоитъ. Это казенное. Отъ общества. Это — наша форма.

— Форма, — тупо повторилъ полковникъ. Ему хотѣлось ущипнуть себя за руку. Не спать ли онъ надъ Сеной съ револьверомъ въ карманѣ и съ твердымъ намѣреніемъ застрѣлиться въ сердце?... Или это уже «на томъ свѣтѣ»?... Но странно все таки, что на томъ свѣтѣ — Ферфаксовъ, Парижскія улицы и французъ портной.

Что то военное было въ немъ самомъ, когда онъ надѣлъ на себя новое платье. Оно поднимало духъ.

— Я могу это и носить?

— Да, если хотите... На занятіяхъ обязательно. Въ службы по желанію.

«Чудеса въ рѣшетѣ», — подумалъ полковникъ. Въ этой «формѣ» онъ чувствовалъ себя моложе и бодрѣ. Точно со старымъ его костюмомъ отлетѣло его «бѣженское» «я», гдѣ были транспортная контора и вилла «Les Coccinelles».

Но «Les Coccinelles» остались. Онъ возвращался на нихъ, какъ всегда въ седьмомъ часу вечера, франтомъ, въ синемъ костюмѣ и въ черной шляпѣ и съ кордонкой въ рукахъ. И, какъ всегда, Нифонтъ Ивановичъ съ «газетиной» поджидалъ его у воротъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе, — при-

бѣтствовалъ старый казакъ полковника. — Съ обновкой, между прочимъ, васъ. Ладный кустюмчикъ пріобрѣли... Поди франковъ поболѣ пяти сотъ дали. Очень даже прекрасный. А «культура» голубая съ серебромъ — весьма авантажнo выглядитъ.

Агафoшкинъ шелъ на полъ шага сзади Нордекова.

— Ну, какъ въ Парижѣ?... Не слыхали ли чего утѣшительнаго?... Что про Рассею говорятъ?...

И сразу точно что осянило Нордекова. «Да, вотъ оно что!... Ловко, однако, придумано... Что называется: — шито-крыто»...

— Барыня не вернулись? — спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ. Въ восьмомъ часу вѣдь возвращаются теперь. Добавочная работа, на аккордъ. Бабушка обѣдъ готовятъ. Барышня на верху читаютъ. Сыночка вашего еще нѣтъ.

— Ну, пойдемъ къ тебѣ... Есть новое... Есть утѣшительное...

— Вотъ, порадуите старика. Очень даже обяжете.

Полковникъ сѣлъ на стулъ, гдѣ сѣдѣли заказчики. Нифонтъ Ивановичъ сталъ у окна. Фирсъ стоялъ въ углу у печки.

— Поздравь меня, Нифонтъ Ивановичъ, я буду теперь ротой командовать.

— Да гдѣ же это такое?... Ужели, какая организація?

— Будутъ, Нифонтъ Ивановичъ, фильму крутить, чтобы въ синема показывать. И тамъ войска нужны. Ну такъ вотъ я тамъ и буду ротой командовать.

— Та-акъ.. А что же тутъ утѣшительнаго?

— А, если, Нифонтъ Ивановичъ... Если рота то эта только начало?... И синема отводъ глазъ, чтобы врагъ раньше времени не пронюхалъ?... Ты какъ полагаешь?

Старикъ долго молчалъ.

— Роты, полагаю, ваше высокоблагородіе, очень даже мало. Опять — агличане не стали бы препятствовать?... Гдѣ же сниматься то полагаете?

— Далеко... На островахъ заморскихъ.

— И вы полагаете, ваше высокоблагородіе... — старикъ замолчалъ. Фирсъ въ углу переминался съ ноги на

ногу. — Вы полагаете?... Съ острововъ этихъ?... можно?... въ Россію ?

— Если Богъ поможетъ.

— Да, конечно, ежели Господь... Къ Нему Единому прибѣгаемъ... Ежели только грѣхамъ нашимъ потерпѣть? Стосковались тамъ по насъ... А, какъ вы полагаете, — не можетъ такъ быть?... Тутъ, скажемъ, въ Парижѣ — рота. Пусть!... А тамъ, что ли — въ Марсели еще одна... Да въ Ліонѣ, въ Монтаржахъ по одной — встѣ тебѣ будетъ баталіонъ. Свѣтъ отъ великъ, ваше высокоблагородіе, — и страдающаго Русскаго люда въ немъ несосвѣтима сила... И съ разныхъ ежели концовъ?... Только флотъ нуженъ... А гдѣ его достать?... Намъ никто не поможетъ...

Старикъ опять помолчалъ и послѣ долгаго раздумья съ такою чрезвычайною тоскою, что вся душа перевернулась у полковника, чуть слышно проговорилъ:

— Можетъ Бріанъ чего надумалъ?... Просвѣтилъ бы Господь человека.

Полковникъ ничего не отвѣтилъ. Въ душевной мастерской, гдѣ пахло сапожнымъ варомъ и прѣлою кожей стояла тишина. И точно большая печаль вошла въ эту комнату. Нифонтъ Ивановичъ вытянулся передъ полковникомъ и сказалъ глубокимъ голосомъ:

— Ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь васъ попросить.

— Ну?...

— Какъ, значить, будетъ у васъ рота... Ходить она будетъ?

— Да.

— Значить подметки снашивать будетъ... То да се... тамъ переда обновить надо... Какъ вы полагаете?

— Вѣроятно.

— Ну и, значить, безъ сапожника вамъ никакъ не обойтись. Вотъ онъ — я есть сапожникъ. Фирсъ, внукъ мой, мнѣ помощникъ. Еще кормить, поить роту надо. Я, ваше высокоблагородіе, какъ сюда пришли, два года у Никонова казака въ ресторанѣ «Тихій Донъ» поваромъ былъ... Когда обѣды бывали большіе на триста персонъ готовилъ. Вотъ онъ какой я есть. Щи Донскія, борщъ

флотскій, все могу, все умѣю. Ротѣ какъ безъ каше-
ъара... Квасы варить могу. Медъ сытить... Фирсѣ мнѣ по-
мощникъ. Онъ есть внукъ мнѣ — изъ повиновенія не
выйдетъ.

— Такъ вѣдь, Нифонтъ Ивановичъ, — это за моря
плыть придется.

— И сюда шли, ваше высокоблагородіе, тоже сколь-
ки морей переплыли. Можетъ тѣ моря поближе къ Рос-
сіи будутъ?... А съ вами послужить я радъ буду. Очевъ
уже мнѣ обрыдло такъ безъ движенія сидѣть, а стро-
немся. Богъ дастъ и пойдѣмъ... Ну и пойдѣмъ... Лишь бы
народъ пошелъ — и мы за народомъ.

— Хорошо, я поговорю.

— А теперь, идите, ваше высокоблагородіе, слы-
шите, Топси залаяла... Барыня ваша домой возвращают-
ся. Похвалитесь обновкой.

XVI.

«Похвалиться обновкой» — вотъ этого то никакъ не
надо было дѣлать. Но и переодѣваться въ старый ко-
стюмъ было поздно. Полковникъ развязалъ, было, кор-
донку, куда сложилъ все старое, какъ въ спальню стре-
мительно вошла Ольга Сергѣевна. Она никогда просто
не ходила, всегда «носила». Она и говорила о себѣ: —
«Я понеслась къ Парчевскимъ... Едва захватила поѣздъ...
Въ метро ногу ушибла, чуть въ аксиданъ не попала. Въ
вуатюру не могла протолкаться. Толпа же, давка»...

Ольга Сергѣевна сразу замѣтила новый пиджакъ
мужа и разговоръ начала на «вы», что означало, что она
устала и сильно не въ духѣ.

— Что это вы такимъ павлиномъ вырядились?...

— Какимъ павлиномъ, Леля?...

— И рубашка синенькая и галстухъ голубенькій...
Поди, со значеніемъ. Въ капитаны васъ разжаловали...
Строчка одна... Этихъ мнѣ напоминаетъ, Божіихъ ко-

ровокъ, Ферфаксова, Михако и Амарантова, какъ у насъ тогда были... Американцы какіе то.

Полковникъ смутился. Ольга Сергѣевна продолжала. Рядомъ за жидкою картонною стѣнкою мамочка и Леночка накрывали на столъ. Онѣ перестали гремѣть посудой. Вѣрно притаились — подслушивали.

— Поди, опять выдумка полкового объединенія. Каждый мѣсяцъ обѣды — по тридцать, пятьдесятъ франковъ на нихъ уплываетъ... Теперь вотъ еще музей задумали... За богачами тянетесь. А того не видите, что у жены башмаковъ нѣтъ. Племянницу чему нибудь учить надо. Не совѣтской же дурой ей вѣкъ вѣковать. Сколько за костюмъ съ васъ вычитывать будутъ?... И костюмъ то какой глупый придумали. Пиджакъ не пиджакъ... Карманы то — автомобиль спрятать можно... Френчеватое что то... Глупо-съ, Георгій Димитріевичъ... Пора перестать въ солдатики играть.

— Я, милая Лелечка, поступилъ на новое мѣсто... Ну и...

— Что же это за мѣсто такое?... Кажется на такое мѣсто васъ устроили... Только Бога благодарить... Патронъ доволенъ... Вамъ довѣряютъ... Тысяча сто франковъ! По теперешнимъ тугимъ временамъ, не всякій таксистъ столько заработаетъ...

— Вотъ, Леля, полторы тысячи жалованья за мѣсяцъ впередъ, — полковникъ благоразумно размѣнялъ одинъ тысячный билетъ и припряталъ себѣ пятьсотъ франковъ на свои расходы.

Видъ денегъ смягчилъ Ольгу Сергѣевну. Съ грубоватою ласкою она спросила:

— Куда поступилъ?...

— Поступилъ я въ кинематографическое общество «Атлантида». Тамъ буду ротой командовать... А теперь ее обучать надо.

Ольга Сергѣевна смотрѣла на мужа съ недовѣріемъ.

— А не врете?...

— Сама, Леля, видишь. Тамъ и обрядили.

— Все въ одинъ день... Ничего раньше не говорили... Да... Слушай... Постой... Если это все правда и ты на такомъ мѣстѣ, отчего о Леночкѣ не подумалъ?...

— О Леночкѣ?... Но приче́мъ тутъ Леночка?...

— Ну да, о Леночкѣ... Не обо мнѣ же... Хотя и я... Изъѣздили меня такъ, что я только и го́жусь на машинкѣ стучать... А Леночка?... А Шурикъ?... Наружность у Леночки очень того... Фотоженичная наружность... Молода... Видала виды... Она можетъ играть. «Ведеттой» будетъ. Въ «старъ» проберется. Это миллионами долларовъ пахнетъ... Выбиваются же люди. Только мы ничего не можемъ. А Шура?... Ему фатальныхъ мужчинъ играть... Волевыхъ американцевъ, что съ аэроплана на поѣздъ скачутъ... Нѣтъ вотъ объ этомъ у васъ ума не хватило подумать. А по нынѣшнимъ временамъ футъ-болъ и кинематографъ это почище старой гвардіи будетъ.

— Но, Леля, сколько я сегодня могъ ознакомиться съ Факса.

— Отъ Факса?.. Боже!... Онъ играетъ!... Этого не доставало!... Воображаю! Впрочемъ, можетъ какогонибудь Пата и Патафона изобразить... Съ его собачьими глазами... Навѣрно онъ умнѣе тебя былъ и устроилъ свою Анельку играть. Кѣмъ онъ тамъ?...

— Казначеемъ и вербовщикомъ.

— Вербуетъ артистовъ?

— Нѣтъ, солдатъ для моей роты.

— Ты что то, милый, сочиняешь. Какая рота? Господи!... А, если это опять новая авантюра?... Куда вы ѣдете? Гдѣ будете сниматься?...

— Сколько я слышалъ: — на островахъ Галапагосъ.

— Это: «сколько я слышалъ» прямо безподобно!... Божіи коровки!... Гдѣ?...

— На островахъ Галапагосъ. Это въ Тихомъ океанѣ... Протѣвъ республики Экуадоръ, на самомъ экваторѣ.

— Знаю, милый, гимназію съ медалью кончила. Не учи, пожалуйста. Станный способъ снимать фильму... На экваторѣ. Какихъ же это солдатъ вы будете изображать?

— Русскихъ.

— Русскихъ?... На экваторѣ?... Да что ваше общество съ ума спятило что ли?... Ты смотри, милый Георгій Димитріевичъ, какъ бы не того... Гдѣ деньги такъ

зря дають — тамъ большевиками пахнетъ. Смотри не попадись. Дурака не сваляй. Поѣдешь на острова Галапагосъ, а пріѣдешь въ Одессу въ Чрезвычайку... Очень уже вы всѣ Акимы-простоты. Если кинематографическое общество, то прежде всего — артистки, ведетты, какія нибудь этакія красавицы, миссъ Франціи, миссъ Америки, а уже потомъ статисты, изображающіе солдатъ, а у васъ наоборотъ.

— Я не знаю, можетъ быть, тамъ и есть какія нибудь артистки... Даже навѣрно есть... Тамъ Парчевскій, Амарантовъ, Ферфаксовъ, князь Ардаганскій... Публика на «ятъ».

— И давно?...

— Да, вѣроятно.

— Однако, молчали... Лидія Петровна мнѣ ничего не говорила. Будь остороженъ, Георгій Димитріевичъ. Почему наемъ идетъ не черезъ Обще-Воинскій Союзъ?... Нужна организація — она готова. А, если это васъ смущаютъ, чтобы лучшихъ отправить въ совдепію и тамъ вывести въ расходъ?

Ольга Сергѣевна посмотрѣла на мужа съ глубокимъ сожалѣніемъ. Было и презрѣніе въ ея взглядѣ. «Божіи коровки, летятъ на огонь. Какіе всѣ они довѣрчивые простаки... Вотъ поманили... Ротой командовать!... Кинематографической ротой! и полетѣлъ на огонь, сунулся въ воду, не спросясь броду... Всему повѣрилъ»...

— Кто стоитъ во главѣ дѣла?..

— Этого, Леля, намъ, рядовымъ работникамъ, не говорятъ. Мы только статисты. Ферфаксовъ называлъ его: — капитанъ Немо. Конечно, это псевдонимъ.

— Капитанъ Немо!... Мишель Строговъ!... — Ольга Сергѣевна истерически засмѣялась. — Все изъ Жюль Верна... Ну, Шурка — необразованный дуракъ, что съ него спрашивать!... А ты — академикъ Генеральнаго штаба и тоже — капитанъ Немо...

Съ недобримъ смѣхомъ она открыла двери въ столовую.

— Мамочка, можно обѣдать, — крикнула она, хотя мамочка — вотъ она — стояла прямо за дверью. — Ну, посмотришь, что тамъ... Капитанъ Немо!... Вѣдь я

думаю и уйти можно, — сказала она примирительно, точно ощущая въ своей сумочкѣ полторы тысячи, разгизывавшія много завязавшихся и такихъ крѣпкихъ узловъ.

XVII.

Слова жены смутили полковника. Какую то искорку подозрѣнія они въ немъ заронили.

«Брали и точно лучшихъ» — размышлялъ полковникъ, возвращаясь въ седьмомъ часу вечера съ занятій съ ротой домой. По мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ людьми своей роты, онъ видѣлъ, что чья то искусная рука сняла головку эмиграціи. Въ его ротѣ — все спеціалисты: — летчики, моряки, флотскіе офицеры, химики, радіотехники, инженеры, тонкіе мастера. И притомъ все народъ здоровый, крѣпкій, молодой. Одинъ Амарантовъ чего стоилъ!... Всѣ самые ярые антибольшевики, все бывшіе «бѣлые» офицеры, или молодежь, не измѣнившая лозунгамъ: — «за вѣру, Царя и отечество». На словесныхъ занятіяхъ Нордековъ разговаривалъ съ ними. Колебаній, «непредрѣшенчества» въ нихъ не было. Всѣ твердо исповѣдывали: — Россія можетъ быть только подъ царемъ — безъ Царя не будетъ и Россіи. Интеллигенту президенту Русскій инородецъ добровольно не покорится. Царя признаетъ и возвеличитъ. Республика — это раздѣлъ Россіи, возвращеніе ея къ удѣльно вѣчевому періоду, путь назадъ.

Всѣми занятіями руководилъ Ранцевъ. Онъ и вообще игралъ большую роль — замѣститель капитана Немо. Ранцевъ требовалъ чистой вѣры. Онъ постоянно повторялъ Суворовскія поученія: — «безвѣрное войско учить — желѣзо перегорѣлое точить»...

Нѣтъ, — большевиками отнюдь не пахло... Но временами страхъ охватывалъ Нордекова... А что, если собрали головку эмиграціи и притомъ головку молодую, не ту, что сама опадетъ, и правда, отвезутъ ее вмѣсто острововъ Галапагосъ въ Одессу, или въ Новорос-

сійскъ?... Вѣдь и Ранцевъ могъ быть обманутъ, какъ былъ обманутъ Кутеповъ.

Очень подозрительно было и то, что въ ротѣ два рзвода были иностранцы. Зачѣмъ?... А вотъ, чтобы связать и укротить непокорныхъ... Да, поистинѣ, если такъ — какой дѣвольскій планъ!

Надо было быть на чеку, чтобы не попасть въ Чеку.

И дома, на виллѣ «Les Coccinelles» тоже приходилось быть постоянно на сторожѣ.

Агафоскинъ со внукомъ Фирсомъ поступили въ кашевары роты. Ферфаксовъ ихъ охотно принялъ. Полковникъ попробовалъ уговорить поступить въ роту и сына. Ему было пріятно, чтобы и сынъ его испыталъ военную муштру и чувство строя, хотя бы и кинематографическаго.

Разговоръ былъ общій, за чаемъ, послѣ ужина. Говорить на виллѣ «Les Coccinelles» наединѣ было бесполезно. Стѣны слышали.

— Ты, Шура, сколько теперь зарабатываешь? — спросилъ полковникъ.

— Теперь, кризисъ... Хорошо, если въ день тридцать франковъ очистится, — хмуря брови узко поставленныхъ глазъ, сказалъ Мишель Строговъ.

— Значитъ — всего девятьсотъ.

Мишель промолчалъ. Открывать тайну своего заработка онъ считалъ лишнимъ, а таблицу умноженія его отецъ вѣроятно зналъ не хуже его.

— Поступай, братъ, ко мнѣ въ роту. Полторы тысячи чистыхъ на всемъ готовомъ.

Мишель Строговъ уставился на отца немигающими желтыми глазами.

— Зачѣмъ?...

— Все обломаемъ тебя. Человѣкомъ сдѣлаемъ. Можетъ быть, когда еще и пригодится.

— Я и такъ человѣкъ. Я свою карьеру ясно вижу. Буду боксеромъ. Милліоны зрителей, гулъ толпы... Я видалъ это... Все равно, что богъ... Кумиръ толпы...

— Ну... а представь себѣ.. Вотъ такъ незамѣтно сьорганизуются полки.. И пойдѣмъ спасать Россію.

Отвѣтъ Мишеля былъ рѣзокъ и неожиданъ. Онъ бичомъ ударилъ по сердцу полковника.

— На что мнѣ Россія?..

Полковникъ не сразу нашелся, что отвѣтить. Мамочка зловѣще улыбалась. Ольга Сергѣевна сидѣла, опустивъ глаза, и такая усталость, такая скорбь и безразличіе ко всему были на ея лицѣ, что полковникъ не могъ на нее смотрѣть.

— Что ты говоришь, Шура?

— Я говорю то, что знаю. Повидавъ Европу, поживъ во Франціи, я никогда и ни за что не поѣду въ Россію, какая она тамъ ни будь... Я французскій подданный. И испыталъ все значеніе великой свободы, какою я здѣсь пользуюсь. Я обожаю Парижъ... Тутъ можно всего достигнуть. А что въ Россіи? Клоповъ кормить по уплотненнымъ квартирамъ?

— Ну, зачѣмъ же уплотненные квартиры, — сдерживаясь и стараясь быть спокойнымъ, говорилъ полковникъ. — Не будетъ большевиковъ, не будетъ и уплотненныхъ квартиръ. Все устроится и тамъ по настоящему. И это нашъ долгъ все это устроить.

— Съ кинематографическою ротой, — съ ироніей сказалъ Мишель Строговъ. — Нѣтъ... Я знаю... Это всегда такъ и будетъ. И Лена говорила то же самое. Большевики овладѣютъ всѣмъ міромъ. Бороться съ ними бесполезно.

— Значитъ они овладѣютъ и Франціей?

— Нѣтъ, Франціей они не овладѣютъ.

— Почему же?... Если всѣмъ міромъ, то и Франціей?

— Франція уже пережила большевизмъ. Она къ нему иммунна. Это, какъ дѣтская болѣзнь. Корь, или скарлатина. Франція уже перенесла ее.

— Но Германія?..

— Въ Германіи большевизмъ будетъ. Повторяю : — бороться бесполезно. Я не Донъ Кихоть, чтобы сражаться съ вѣтряными мельницами.

— Но, Шура, — вмѣшалась въ разговоръ Ольга Сергѣевна. Ей жаль стало полковника. — Никто не говоритъ ни о какой борьбѣ. Папа предлагаетъ тебѣ по-

ступить въ его роту, чтобы сниматься для кинематографа.

— Не желаю.

Леночка съ восхищеніемъ смотрѣла на двоюроднаго брата. Въ эти минуты она была влюблена въ него по настоящему. «Вотъ это герой», — думала она. — «Подлинный современный «типъ».

Эти дни она молчала. Сложная и трудная работа шла въ ея душѣ. Живя въ Совѣтской республикѣ, Леночка съ дѣтства усвоила, что надо доносить. Она знала, что всѣ другъ на друга доносятъ, и въ школѣ, гдѣ она училась — это было принято. Пріѣхавъ въ Парижъ, Леночка убѣдилась, что здѣсь доносить какъ то не ловко, да и некуда. Въ Троцкѣ пошла въ домовый комитетъ и сказала, что слышала, какъ такой то говорилъ то то. А здѣсь, кому что скажешь? Домового комитета не было. На ихъ виллѣ не было даже консьержки... Хозяинъ — Леночка это сразу, точно звѣринымъ чутьемъ учуяла — никакими Русскими дѣлами не интересовался. Да и о чемъ доносить?... Всѣ и событія то были, что оценилась Топси, и никто не могъ уничтожить ея щенія. Пришлось самой Леночкѣ этимъ заняться.

Теперь было другое. Теперь была — тайна.

При одной мысли раскрыть, овладѣть этою тайной сердце Леночки трепетало, и смуглыя щеки пробивались темнымъ румянцемъ. Она слышала, какъ ея тетка сказала, что у нея фотоженичная наружность.

Послѣ чая, когда втроемъ: — мамочка, Ольга Сергѣевна и она помыли посуду, и полковникъ съ женой ушли въ свою комнату, а мамочка стала укладываться спать, Леночка усѣлась передъ зеркаломъ, подперевъ кулаками щеки. Большіе, каріе, слегка косо поставленные глаза — въ Олтабасовыхъ текла татарская кровь, — устремились въ ихъ отраженіе. Они блестѣли алмазными искорками. Ротъ былъ маленькій, пухлый — имъ можно десятиметровый поцѣлуй изобразить, какъ Сюзи Вернонь — долго, долго впиваться въ губы, потомъ медленно оторваться, отодвинуть лицо и приложить пальчики къ губамъ партнера... Очень красиво!... Очень даже красиво!... И она можетъ... А вѣдь это милліоны?...

И правда она не хуже Лили Дамита, а уже Ольга Чехова, или Киса Куприна!... Нѣтъ, если ее хорошенько приодѣтъ, волосы завить не самой, а у хорошаго парикмахера, укрѣпить и удлинить рѣсницы особыми мазями — не хуже будетъ. Но для этого надо, чтобы ее кто нибудь представилъ туда, гдѣ берутъ артистокъ кино.

Изъ совѣтской республики Леночка вынесла убѣжденіе, что большевики всемогущи. Заграницей это убѣжденіе въ ней окрѣпло. Она ихъ не боялась. Если она придетъ къ нимъ съ «тайной», они проведутъ ее въ любое общество. Она поѣдетъ не на какіе то острова Галапагосъ съ никому неизвѣстнымъ обществомъ «Атлантида», гдѣ навѣрно одна Русская эмигрантская глупость; ничего путнаго не выйдетъ, но поѣдетъ въ Холливудъ, гдѣ станетъ знаменитостью, какъ Мери Пикфордъ, или Маргарита Морено. Она будетъ цѣловаться на цѣлые сто метровъ съ такими красавцами, какъ Морисъ Шевалье, или Рамонъ Новарро... Она читала біографіи всѣхъ этихъ «старъ» — она знала, что тутъ ни образованія, ни знаній, ни даже таланта не надо — нужна наружность и красивое сложеніе, да еще глаза, которые сами бы говорили.

Леночка вздохнула, посмотрѣла на лежавшую лицомъ къ стѣнѣ, на боку бабушку и тихонько, не скрипнувъ дверью, вышла изъ комнаты и легкой бѣлочкой пробѣжала навверхъ въ комнату — гробъ Мишеля Строгова.

XVIII.

Сквозь щели узкой двери Мишеля просачивался свѣтъ. Мишель Строговъ не спалъ. Леночка заглянула въ щелку. Мишель лежалъ одѣтый на постели и читалъ свою любимую «Le Sport».

Леночка приоткрыла дверь и вошла въ комнату. Мишеля. Тотъ не пошевелинулся. Мишель Строговъ считалъ, что хорошій тонъ — быть самимъ собою и никѣмъ и ничѣмъ не стѣснять себя. Вѣжливость услов-

на. Мишель никогда не уступалъ мѣста дамѣ въ вагонѣ и никогда не вставалъ, кто бы съ нимъ ни разговаривалъ. Тѣмъ болѣе не стоило стѣсняться передъ Леночкой, которая предлагала ему сдѣлать ей ребенка и бѣгала за нимъ.

— Мишель, — сказала Леночка. Она одна во всей семьѣ такъ называла его и это подкупало Мишеля. Онъ опустилъ газету и, положивъ ее себѣ на животъ, посмотрѣлъ на Леночку.

— Мишель, вы хотѣли бы сдѣлать карьеру?

— Я ее и сдѣлаю, — спокойно сказалъ Мишель и уставился узко поставленными глазами на Леночку.

— Но, пора и начинать... Время уходитъ.

— Чтобы начать — надо случай. Всѣхъ знаменитостей бокса всегда выдвигалъ случай.

— Надо его искать.

— Случай не ищутъ. Это онъ васъ находитъ.

— Ну такъ вотъ. Случай найденъ. Если вы меня послушаете, мы можемъ «сдѣлать» миллионы.

Мишель приподнялся и спустилъ одну ногу съ кровати. Штанина поднялась надъ ботинкомъ, сталъ виденъ спустившійся носокъ и кусокъ бѣлой голой ноги.

Мишель такъ же, какъ и Леночка считалъ только на миллионы. Къ этому приучили ихъ кинематографъ и газеты. Въ газетахъ они постоянно читали о миллионныхъ кражахъ, о миллионныхъ искахъ «ведеттъ» къ парикмахерамъ, искалѣченныхъ автомобилемъ къ владѣльцу машины, оскорбленныхъ къ оскорбителю. Милліоны наживали биржевой игрой и спекуляціей. Летчикъ Костъ получилъ пять миллионовъ за свой полетъ надъ океаномъ, миллионы получали боксеры, миллионы платили за изобрѣтенія, миллионы получали артисты и артистки экрана. Молодое воображеніе играло, воспринимая эти извѣстія, и заработокъ въ тридцать франковъ казался насмѣшкой судьбы. Всѣ мечты были направлены на миллионы — и не о славѣ, не о подвигахъ, совершенныхъ для Родины думалъ Мишель, но о томъ, чтобы, просидѣвъ, скажемъ, мѣсяцъ на шпилѣ Эйфелевой башни — получить за это миллионъ. Или заработать его на «Ма-рафонѣ» танцевъ, гдѣ танцовать, не переставая двад-

цать дней и двадцать ночей, или выиграть на шестидневных велосипедных гонках... И всегда въ мечтахъ были милліоны. Не десятки и даже не сотни тысячъ, но кругленькіе, заманчивые милліоны!

— Ну, ужъ и милліоны, — сказалъ Мишель, недоѣрчиво глядя въ глаза Леночки.

— А что бы вы сдѣлали, если бы вы имѣли милліонъ?

— Я бы... — Мишель окончательно сѣлъ. Его тупые глаза заблестѣли. — Прежде всего я бы купилъ гоночную машину... Экспрессъ... Не знаю, есть ли такія, въ тысячу силъ. И установилъ бы міровой рекордъ на скоростъ. Чтобы во всѣхъ газетахъ были мои портреты.

Мишель замолчалъ, мечтательно глядя вдаль. Онъ точно видѣлъ изображеніе своего сухого, бритаго, узкаго лица съ копной волосъ на темени, на первой страницѣ Парижскихъ газетъ.

— Потомъ?

— Потомъ я научился бы летать... И рекорды на скорость... На высоту и на дальность полета безъ спуска... Я бы показалъ... Міровая извѣстность. Моимъ именемъ называли бы ваксу и пиво...

— Ну вы стали бы милліардеромъ: а тогда что?

— Тогда я взялъ бы королеву всего свѣта и поѣхалъ бы съ нею на своей машинѣ. Ночь въ Парижѣ, а завтра въ Ниццѣ, въ Біаррицѣ... И вездѣ насъ снимаютъ для газетъ... Я бы сыгранулъ въ Монако... Сдѣлался бы самъ королемъ гольфа...

— Все это хорошо, — задумчиво сказала Леночка. Ее уязвило, что онъ о ней не подумалъ. — Эти милліоны вы сдѣлали бы, благодаря мнѣ. Что же вы мнѣ дали бы?...

— Я уплатилъ бы вамъ условленный процентъ, какъ это всегда дѣлается... Да что говорить пустяки. Никакихъ милліоновъ у васъ нѣтъ. И что, въ самомъ дѣлѣ, вы можете придумать.

— А вотъ увидите... Неужели вы не видите, что у полковника какая то тайна.

И Леночка и Мишель Строговъ за глаза называли,

она дядю, онъ отца — полковникомъ. Въ этомъ они видѣли «стиль».

— Положимъ.

— Вы понимаете — тайна это всегда деньги.

— То есть?

— Если вы раскроете тайну и передадите ее тѣмъ, отъ кого эта тайна, вамъ хорошо заплатятъ... Милліоны... Поняли?

— Не совсѣмъ.

— Скажемъ... И, правда, кинематографическое общество «Атлантида» задумало дѣлать съемки на островахъ Галапагосъ. Для чего оно такъ уединяется?... Это — тайна. Можетъ быть они придумали какіе то совсѣмъ необычайные трюки. Не то, чтобы одинъ какой то отчаянный человѣкъ съ аэроплана бросался на поѣздъ, но чтобы, скажемъ, такъ: — идетъ поѣздъ и вдругъ всѣ крыши вагоновъ открываются, на поѣздъ налетаютъ аэропланы и всѣ пассажиры на ходу садятся въ нихъ... А на дѣлѣ ничего подобнаго. Просто, знаете, какъ по стѣнѣ громаднаго дома лазаютъ, а на дѣлѣ никакой стѣны и нѣтъ, а просто на полу лежитъ написанная декорация. «Атлантида» естественно бережетъ этотъ секретъ. Для этого и ѣдетъ на какіе то острова. А мы узнаемъ этотъ секретъ и продадимъ его «Парамунту», или «Уфѣ», или еще кому нибудь... Вы понимаете, въ нашъ вѣкъ конкуренціи, какія это могутъ быть деньги. Вамъ дадутъ милліоны, а меня за это сдѣлаютъ «ведетой» съ окладомъ тысяча долларовъ въ недѣлю.

— Не глупо пущено. Только я думаю, что у полковника это секретъ не кинематографическій, а политическій... Авантюра...

— Тѣмъ лучше. За раскрытіе политической тайны платить уже будетъ не коммерческое общество, но государство, это уже пахнетъ еще большими суммами. Если его рота, я не знаю, что это много или мало для войны, скажемъ, направлена противъ совѣтскаго союза, — я пойду, куда надо и я сумѣю получить хорошія деньги:

— Надо взять только очень большія деньги, — серьезно и строго сказалъ Мишель.

— Если это Англія интригуетъ противъ Франціи...

Мы скажемъ Франціи... Можетъ быть, это хотятъ посадить Испанскаго короля на престолъ. Кто знаетъ? Но понимаете, Мишель, это тайна, которую можно очень хорошо продать. Это начало вашей и моей карьеры.

— Хорошо... Но какъ же мы узнаемъ эту тайну?

— Очень просто. Вамъ надо исполнить желаніе полковника и поступить въ его роту. Тайна сама станетъ вамъ извѣстна. Вы скажете мнѣ. А тамъ посмотримъ, какого рода будетъ эта тайна.

Мишель Строговъ крѣпко задумался.

«Эта дѣвочка не дура... Она стоитъ на прямомъ и вѣрномъ пути къ богатству... Конечно, идти даже и въ кинематографическую роту и маршировать тамъ подъ барабанъ, куда какъ не сладко... Но и возить кліентовъ безъ конца тоже надоѣло... Профессія борца, когда то она будетъ?... Тутъ подворачивается профессія шпиона... Интересное и, кажется, если судить по кинематографамъ, тоже не безвыгодное занятіе».

— Хорошо. Если это тайна кинематографическая — деньги мои, васъ устраиваемъ сниматься. Если политическая — деньги пополамъ. Согласны?...

— Я согласна.

На другой день, къ удивленію и радости полковника, — онъ таки очень любилъ сына и мечталъ дать ему воинское образованіе и воспитаніе и обратить его на путь истинный, — Мишель Строговъ заявилъ о своемъ желаніи поступить въ его роту и обучаться, хотя бы и для кинематографа военному дѣлу.

XIX.

Пиксановъ сказалъ Ранцеву правду. Капитанъ Немо держалъ свою лучшую лошадь, кобылу Артемиду, недѣлями въ заведеніи Ленсманъ въ Парижѣ и ѣздилъ въ Булонскомъ лѣсу. Ранцевъ не спрашивалъ Немо, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. За время своей работы съ Немо онъ проникся такимъ уваженіемъ къ нему, что ему все, что

ни дѣлалъ Немо казалось нужнымъ и цѣлесообразнымъ. Немного кольнуло его, что Немо самъ не сказалъ ему этого и не бралъ его съ собою, но сейчасъ же подумалъ, что Немо дѣлаетъ это изъ деликатности, чтобы Ранцеву не встрѣчаться съ дочерью.

Маленькія слабости большихъ людей... По свойственной ему природной скромности, капитанъ Немо не считалъ себя большимъ... Да и слабость, — онъ это сразу почувствовалъ — не была маленькой.

Съ двухъ своихъ встрѣчъ и волнующихъ разговоровъ съ миссъ Гербертъ, капитанъ Немо убѣдился, что онъ полюбилъ эту дѣвочку поздно, но крѣпко и сильною любовью. Онъ тщательно взвѣсилъ и изучилъ свое чувство. Было оно, какъ осенняя погода устойчиво, ярко, красиво и крѣпко. Оно выплыло изъ глубокаго далека. Изъ тѣхъ временъ, когда Ранцевъ, Багреневъ и онъ, три лихихъ кадета, три мушкетера королевны Захолустнаго штаба ухаживали за такой вотъ точно дѣвочкой Алечкой Лоссовской. Капитанъ Немо — тогда кадетъ Долле, — очень скоро изъ скромности и сознанія, что онъ не можетъ дать того, что давали его товарищи, заглушилъ въ себѣ сильное чувство любви, смѣнилъ его чувствомъ непоколебимой дружбы и преданности и такъ и пронесъ это чувство черезъ всю жизнь, никогда никому о немъ не сказавъ.

Здѣсь, заграницей, богатый, извѣстный, носящій въ сердцѣ своемъ великую тайну и свѣтлую мечту освободить Россію отъ большевиковъ, достигающій уже исполненія мечты, онъ вдругъ встрѣтился съ дочерью этой самой Алечки Лоссовской и въ томъ же возрастѣ въ какомъ была ея мать въ пору его увлеченія. Дочь была красивѣе, глубже, сердечнѣе и умнѣе матери. И она нестразимо повлекла къ себѣ серьезнаго и занятого Немо.

Ему нужны были лошади для поѣздокъ въ Bois Notre Dame. Это сорокъ верстъ отъ Парижа. И Пиксанову и лошади ничего не стоило дѣлать эти сорокъ верстъ разъ въ недѣлю, а у капитана Немо явилась возможность любоваться тою, къ кому его влекли воспоминанія и поздно пробудившееся чувство любви.

Сначала Немо пробовалъ обмануть самого себя. Онъ

говорилъ себѣ, что онъ ѣздитъ для здоровья. Онъ цѣлые дни проводить, сидя за рабочимъ столомъ, или въ автомобилѣ, или въ полетахъ, ему нуженъ иной мотіонъ и что можетъ быть лучше верховой ѣзды? Онъ въ умѣ своемъ сослался на Муссолини и Наполеона. Но чуждый компромисса самъ себя остановилъ. «Ну да, влюбился, какъ кадетъ, какъ гимназистъ... Влюбился, но безумствъ не надѣлаю, а что полюбуюсь на ту, чью мать такъ сильно любилъ, что никогда даже не посмѣлъ сказать ей о своей любви и чей отецъ не только моимъ другомъ, но сталъ и сотрудникомъ и замѣстителемъ, такъ бѣды отъ этого никакой не будетъ!»

И онъ поѣхалъ полюбоваться этой барышней, англичанкой по воспитанію, Русской по крови.

Еще была зима, но дни были яркіе, солнечные, радостные. Въ Булонскомъ лѣсу, все казалось красивымъ и принаряженнымъ. Очень много было катающихся. Немо скоро увидалъ ту, кого такъ хотѣлъ встрѣтить. Она ѣхала на прекрасной рыжей лошади и почти рядомъ съ нею ѣхалъ наѣздникъ, англичанинъ, на сѣрой и такой же хорошей лошади. Капитанъ Немо снялъ котелокъ. Ана сейчасъ же узнала его. Она перевела свою лошадь на шагъ и подъѣхала къ Немо.

— Вы ѣдите верхомъ? — спросила она, ласково улыбаясь, — но почему я васъ раньше не встрѣчала?

— Я раньше не ѣзилъ. Только сегодня началъ.

Они говорили по-англійски.

— Какая прекрасная у васъ лошадь. Она не изъ манежа?

— Нѣтъ. Это моя собственная лошадь.

— Это сейчасъ и видно. Раньше я ѣздила на манежной. Теперь мнѣ мама купила этихъ двухъ лошадей. Совсѣмъ другое.

Она пустила свою лошадь рысью. Они проѣхали, молча, аллею. Немо любовался ею. Какъ она напоминала ему Валентину Петровну!... Та ѣздила тогда амазонкой, Ана сидѣла на мужскомъ сѣдлѣ въ разрѣзной юбкѣ. Отъ этого она казалась меньше и стройнѣе, чѣмъ была Валентина Петровна. Она, оборачиваясь, поглядывала на Немо. Въ ея улыбкѣ было нѣчто неотразимо

прелестное. Изъ воспоминанія прошлаго, изъ того, что было сейчасъ передъ нимъ, въ душѣ Немо точно плелась нѣжная ткань. Она опутывала его сердце и непривычно сладко становилось въ немъ. Его большая работа, подвигъ и жертва, имъ задуманные, приобрѣтали отъ этого какое то совсѣмъ новое и чарующее значеніе, и кромѣ Россіи къ нему приближалось это живое существо, похвалу котораго было пріятно заслужить.

Она мягко перевела на шагъ. Лицо ея раскраснѣлось. Пухлый ротъ былъ мило полуоткрытъ. Она наслаждалась движеніемъ лошади. Въ ея синезеленыхъ, совсѣмъ материнскихъ глазахъ отражалось небо и они казались болѣе синими, чѣмъ зелеными. Бриллиантовые огни восторга играли въ нихъ.

— Вы знаете, я ужасно, какъ рада, что встрѣтилась съ вами. Вы тогда пришли, передали это ужасное извѣстіе о томъ, что мой отецъ убитъ на войнѣ, и исчезли, не оставивъ даже своего адреса. Я очень тогда волновалась этимъ и много плакала. Мнѣ такъ хотѣлось все знать о своихъ родителяхъ и о первыхъ годахъ моей жизни и кто же мнѣ могъ разсказать, какъ не вы?

— Представьте, и мнѣ было досадно, что я такъ мало вамъ тогда разсказалъ.

— Вы мнѣ теперь расскажете все о моихъ настоящихъ папѣ и мамѣ. Кто они были и кто были ихъ родители?

— Вашъ отецъ герой, и въ полномъ смыслѣ этого слова джентльменъ... Болѣе чѣмъ джентльменъ.

— Что же можетъ быть болѣе этого?

— Онъ Русскій офицеръ.

— И знаете что, будемъ говорить по Русски. Это мнѣ будетъ практика. Я говорю по Русски съ одною барышней. Она работаетъ въ этомъ, знаете, обществѣ христіанскихъ молодыхъ людей. Но мнѣ этого мало. И съ нею мы ведемъ такіе простые разговоры. Говоримъ о литературѣ. Она даетъ мнѣ читать Русскихъ книгъ, а съ вами мы будемъ говорить о прошломъ моихъ родителей. Ахъ, какъ это интересно все знать о себѣ. Мнѣ иногда кажется, что мы живемъ и въ прошломъ, какъ будемъ жить и въ будущемъ потомъ, послѣ умиранія.

Когда они приѣхали въ заведеніе Ленсманъ, Ана снова представила Немо своей приѣмной матери. Мистриссъ Гербертъ очень радушно привѣтствовала инженера, котораго дожидалась такая прекрасная машина. Она ничего не имѣла противъ того, чтобы Ана ѣздила вмѣстѣ съ нимъ. Притомъ же ихъ сопровождалъ старый наѣздникъ мистеръ Томпсонъ.

— До завтра, мосье Долле.

— До завтра, мадемуазелль Ана.

— Только бы опять хрешая погода.

— Богъ дастъ, мадемуазелль Ана.

Она помахала ему изъ окна кареты маленькой ручкой, онъ снялъ котелокъ. Было хорошо и тепло на его сердцѣ.

XX.

Капитана Немо мучилъ вопросъ, сказать Анѣ, что ея отецъ живъ, или не говорить, какъ о томъ просилъ его Ранцевъ.

Ранцевъ просилъ его тогда, когда онъ служилъ наѣздникомъ у господи Ленсманъ и былъ бѣденъ. Теперь, когда Ранцевъ становился у такого большого и благороднаго дѣла, можетъ быть, онъ и самъ бы хотѣлъ сблизиться со своею дочерью.

«Будущее покажетъ», — рѣшилъ Немо.

Онъ ѣхалъ по парку. Десятки всадниковъ и amazonsъ его догоняли и обгоняли. Онъ не оборачивался. Но были какія то тайныя силы, — токи что ли какіе? — онъ задолго узнавалъ поступь ея лошади. Онъ не видѣлъ ее, а уже сердце его учащенно билось, и онъ зналъ, что это ѣдетъ она. Артемида настораживала и косила назадъ ушами. И она знала прекрасную рыжую красавицу Аны.

— Чудный день.

— Совсѣмъ весенній, миссъ Ана.

— Ну, говорите, пожалуйста, по Русскому.

Она говорила хорошо, почти безъ акцента, съ лег-

кими неправильностями и чуть картавя, что дѣлало ея рѣчь еще болѣе милой.

Онъ разсказалъ ей про дѣтство ея матери.

— Она была тогда дочерью начальника кавалерійской дивизіи.

— Вотъ отчего я такъ люблю лошадей, — сказала Ана.

— Вашъ отецъ ихъ обожалъ. Онъ былъ спортсменъ.

— Онъ много скакалъ?

— Да.

— На стипль чезахъ?

— Да. И незадолго до войны онъ взялъ въ Красномъ Селѣ второй Императорскій призь.

Все это было «страшно» интересно, но все это требовало поясненій. Вопросы сыпались: — «что такое Красное Село?» «что такое Императорскій призь?», «это больше Дерби, или это какъ Ливерпульскія скачки»? Бѣдный капитанъ Немо затруднялся съ отвѣтомъ. Какъ бы тутъ ему помогъ Ранцевъ! Онъ то навѣрно зналъ всѣ эти скачки.

— А мама?... Она хорошо ѣздила?... Лучше меня?... Какъ она вышла замужъ? Вы мнѣ все, все расскажите. Мнѣ все это надо знать. Я же ихъ дочь!

Всего разсказать было нельзя. Капитанъ Немо проявилъ большую чуткость. Онъ разсказалъ о первомъ бракѣ съ профессоромъ Тропаревымъ, но совсѣмъ умолчалъ о Портосѣ, какъ будто его и не было.

— Куда же дѣвался этотъ Тропаревъ? Мама развелась съ нимъ?

— Нѣтъ. Онъ умеръ. Ваша мама осталась вдовою. Къ этому времени ея родители умерли. Она была совсѣмъ одна. Тогда ей сдѣлалъ предложеніе вашъ отецъ. Онъ командовалъ тогда эскадрономъ въ Маньчжуріи.

И опять нужны были отступленія. Она не знала что такое Маньчжурія. «Это же Китай?... Какъ же мой отецъ могъ тамъ командовать эскадрономъ?...».

Объясненія затягивались. Тутъ Немо чувствовалъ себя хорошо. Онъ это все могъ объяснить. Онъ и самъ былъ шаферомъ у нихъ на свадьбѣ. Тутъ было самое

интересное. Совсѣмъ, какъ въ кинематографѣ! У нея была няня китаянка: «Чао-Ли». Ана нѣсколько разъ повторила это слово.

— Чао-Ли... Чао-Ли, — да я помню... Я слышала. Мнѣ говорили. Ужасно, какъ интересно. Вы знаете, напрягаю память и ничего не могу вспоминать... А вотъ иногда во снѣ... Да нѣтъ, вовсе не во снѣ, а такъ въ какой то полудремѣ, мнѣ слышится, что кто то шипить надо мною... И запахъ табаку... Не нашего... И потомъ запахъ духовъ и вотъ тутъ замретъ сердце... И я пойму, что все это мнѣ снится или кажется. Ну, продолжайте... Папа командовалъ эскадрономъ. Я родилась на постовой казармѣ... И кругомъ солдаты... И никого, никого... А потомъ?

Капитанъ Немо разсказалъ, какъ Ану украли китайцы и какъ мистеръ Гербертъ, случайно бывшій на охотѣ освободилъ ее.

— Дальше я знаю. Дальше я вамъ когда нибудь буду разсказать. А что же мои родители?

И опять шелъ длинный разсказъ о войнѣ и объ атакѣ Заамурцевъ.

— Конная атака... Какъ это прекрасно!

— Вашъ отецъ поскакалъ, чтобы взять пулеметъ. Онъ былъ сраженъ восемью пулями.

— Онъ былъ убитъ?

— Ночью его младшій офицеръ Ферфаксовъ, помните, я вамъ разсказывалъ, какъ онъ охотился, какъ онъ ходилъ отыскивать васъ, пошелъ съ солдатами взять вашего отца, чтобы похоронить его. Онъ нашелъ его лежащимъ подлѣ лошади. Лошадь его...

— Я помню, вы говорили... Ее звали Одалиска...

— Да, Одалиска положила ему голову на грудь. Она была мертва. Вашъ отецъ былъ живъ...

— Ну что же дальше? — ея голосъ дрожалъ.

Капитанъ Немо не могъ лгать.

Онъ разсказалъ какъ принесли раненаго Ранцева на перевязочный пунктъ, какъ перевезли совершенно безнадѣжнаго въ госпиталь и какъ, благодаря Великой Княгинѣ Анастасіи Николаевнѣ, матери Аны удалось выходить раненаго.

Они ѣздили каждый день. Онъ «для моціона», она по чистому влеченію къ ѣздѣ. Онъ привезъ маленький, но прекрасный фотографическій аппаратъ и снялъ ее на лошади. Снимокъ вышелъ превосходно. Онъ далъ его увеличить и вставилъ въ дорогую кожаную рамку. То же «маленькія слабости великихъ людей». Но отчего не позволить ихъ себѣ?

Онъ подошелъ въ своемъ разсказѣ къ тому мѣсту, гдѣ надо было, или сказать всю правду, или сочинять про смерть Ранцева.

Капитанъ Немо отослалъ лошадь на ферму къ Пиксанову и больше не ѣздилъ въ Булонскомъ лѣсу.

Настало время отъѣзда изъ Парижа. Подготовительныя работы были закончены. Все, что было нужно, спѣшно грузилось въ порту Сенъ Назаръ на пароходъ «Немезиду». Завтра долженъ былъ туда же ѣхать и Немо. Ранцевъ и вся Нордековская рота были на погружкѣ. «Варьете» капитана Немо тоже находилось тамъ.

Капитанъ Немо рѣшилъ все сказать Анѣ. Онъ въ ней былъ увѣренъ. Ни выдать, ни проболтать она не могла. Просто ей некому было проболтать. Немо казалось, что все его дѣло пріобрѣтетъ еще большую цѣнность, когда эта дѣвочка будетъ все знать. Ему казалось жестокимъ и несправедливымъ рѣшеніе Ранцева отречься отъ дочери. Если тогда съ этимъ рѣшеніемъ можно было какъ то согласиться, теперь это было напрасно. Чуждая фантазіи голова Немо рисовала, какъ будетъ хорошо, когда дѣло ихъ станетъ развиваться. Она одна во всемъ мірѣ будетъ знать, кто это дѣлаетъ. Кто тотъ смѣлый, кто объявилъ войну коммунизму. Анѣ будетъ радостно сознавать, что это ея отецъ и тотъ инженеръ Долле, съ кѣмъ она такъ недавно ѣздила вмѣстѣ въ Булонскомъ лѣсу.

И капитанъ Немо въ это послѣднее свое Парижское утро поѣхалъ въ Булонскій лѣсъ на Артемидѣ. Онъ волновался, какъ гимназистъ, какъ нѣкогда кадетомъ волновался онъ, ѣздя съ ея матерью. Молодо и потому прекрасно и пріятно было это чувство

XXI.

Была весна и совсѣмъ по иному выглядѣлъ Булонскій лѣсъ въ нѣжной, пушистой прозрачности. Дали были зелены, голубѣли пруды и озера. Капитанъ Немо выѣхалъ нарочно позже и справился ѣздить ли миссъ Гербертъ. Она только что выѣхала.

Онъ встрѣтилъ ее на большой дорогѣ. Она ѣхала навстрѣчу и уже издали узнала его и, улыбаясь, прикѣтливо замахала рукой. Она ѣхала не съ наѣзникомъ, мистеромъ Томпсономъ. Ее сопровождалъ на ея сѣрой лошади молодой, очень красивый и очень стильно, по военному строго, одѣтый англичанинъ. Они ѣхали рядомъ и разговаривали

— О, мосье Долле, какъ давно мы съ вами не видались! Я такъ безпокоилась о васъ. Думала, не больны ли вы, а вы все такой же нехорошій, не сказали ни своего адреса, ни номера телефона. Право, я справляться о васъ хотѣла.

Она сильно, съ чувствомъ пожала его руку.

— Позвольте васъ познакомить: — мой кузень капитанъ Джемсъ Холливель.

Молодой человѣкъ приподнялъ котелокъ надъ головой. Они подали другъ другу руки.

— И, милый Джемсъ, вы не сердитесь на насъ, мы будемъ съ инженеромъ говорить по Русски. Онъ мнѣ не досказалъ самаго интереснаго про моего отца.

Холливель еще любезнѣе съ чуть замѣтной улыбкой приподнялъ котелокъ.

Капитанъ Немо и Ана ѣхали рядомъ. Мистеръ Холливель немного позади.

— О, какой вы жестокий!... Развѣ можно такъ! На самомъ интересномъ мѣстѣ все прервать. Вы точно не ѣдите, что все, что касается моихъ Русскихъ родителей, такъ меня интересовываетъ. Мой отецъ живъ и сейчасъ?

— Да.

— Гдѣ же онъ теперь? Какъ бы я хотѣла его видѣть.

— Онъ во Франціи.

Она сдѣлала порывистое движеніе. Ея лошадь забеспокоилась.

— Гдѣ?

И тогда капитанъ Немо, отдаваясь тому чувству, которое онъ такъ тщательно сохранялъ въ себѣ всѣ эти мѣсяцы, подробно разсказалъ Анѣ про кинематографическое общество «Атлантида», гдѣ распорядителемъ былъ онъ, а его помощникомъ ея отецъ.

Она прослушала это холодно. Казалось, она была разочарована. Капитанъ Немо это сейчасъ же почувствовалъ. И его это обрадовало.

«А вѣдь душа то въ тебѣ Петрика», — подумалъ онъ.

— Но, это, миссъ Ана, не вѣрно. Это общество только отводъ глазъ.

Она не поняла его.

— Что такое «отводъ глазъ»?

Онъ объяснилъ ей по-англійски и продолжалъ по Русски:

— Мы поведемъ страшную, непримиримую войну съ коммунистами всего свѣта. На аэропланахъ мы прилетимъ въ Россію...

— И мой отецъ?

— И вашъ отецъ, конечно. Вы понимаете: — ваша мать тамъ! Онъ можетъ ее еще и отыскать.

— Боже мой!

— Но вы понимаете, что намъ никто не позволитъ этого дѣлать и намъ нужно было найти такое мѣсто, гдѣ бы мы могли быть, какъ у себя дома.

— И вы нашли такое мѣсто?

— Да.

— Не говорите мнѣ, гдѣ оно? Я понимаю, какая это тайна! Они такъ сильны. Но я буду знать, когда и какъ вы кончите?

— Конечно... Въ концѣ концовъ и газеты про это узнаютъ и будутъ писать. Но, кромѣ того...

Она перебила его.

— Я узнаю все про моего отца. Я увижу его?

По ея теперешнему оживленію Немо понялъ, что въ ней было чувство пренебреженія къ кинематографу и радость, что это не кинематографъ, а большое военное предпріятіе. Значить, она не современная, но такая, какъ Ранцевъ... Тоже... Донъ Кихоть... И это укрѣпило его въ возможности сказать все.

— Мы широко используемъ и газы и пропаганду... Мы спасемъ Россію. И тогда...

— И тогда вы приведете ко мнѣ моего отца. Но раньше вы пришлете ко мнѣ кого нибудь... предупредить меня... чтобы я могла его достойно принимать... Какъ героя!...

— Хорошо. Я пришлю къ вамъ одного стараго и очень почтеннаго человѣка. Онъ васъ зналъ еще тамъ, въ Маньчжуріи.

— Когда я была совсѣмъ малютка. Онъ, значить, зналъ моихъ родителей?

— Онъ былъ начальникомъ вашего отца.

— Кто же это?

— Генералъ Заборовъ.

Они возвращались домой. Ихъ разговоръ былъ долгій и оживленный. Они очень много ѣхали шагомъ. Это было неудобно при мистерѣ Холливелѣ. Ана поняла это первая. Она обернулась къ своему кузену и сказала ему по-англійски:

— Не правда ли, Джемсъ, какая прекрасная лошадь у господина инженера?

— О yes, — флегматично протянулъ Холливель и подѣхалъ къ нимъ.

У заведенія госпожи Ленсманъ двѣ мощныя машины ожидали всадниковъ. Ана сердечно простилась съ капитаномъ Немо.

— Когда же вы ѣдете? — по Русски сказала она.

— Сегодня.

— Уже?... Какъ жаль, что я теперь, вѣроятно, не скоро васъ увижу.

Она крѣпко, можетъ быть, болѣе сильно, чѣмъ это позволяли приличія, пожала руку Немо. Тотъ понялъ: это пожатіе относилось не къ нему, а къ ея отцу, и бо-

лѣе всего къ тому великому дѣлу, о которомъ онъ только что ей рассказалъ.

У машины Ана еще разъ кивнула головой капитану Немо. Холливеръ, согнувшись, влѣзъ въ карету и усѣлся на переднее выдвижное мѣсто. Громадный «Пакхардтъ» мягко тронулся и покатился по каменнымъ плитамъ мостовой.

Капитанъ Немо стоялъ подлѣ своего «Рольсъ-Ройса». Шофферъ держалъ открытой дверцу. Машина Гербертъ скрылась за поворотомъ.

«Сказать шоферу: — «за ними»!... На улицу Henri Martin. Приѣхать и выяснить все... Просить руки и сердца... Просить права надѣяться на будущее... Кажется, маленькія слабости великихъ людей заходятъ слишкомъ далеко»...

Капитанъ Немо медленно, точно нехотя, залѣзъ въ свою карету. Машина не двигалась. Шофферъ, обернувшись къ Немо, смотрѣлъ вопросительно на него черезъ переднее опущенное стекло. Прошло нѣсколько мгновений, короткихъ, совсѣмъ незамѣтныхъ для шофера, очень длинныхъ и мучительныхъ для капитана Немо. Его судьба рѣшилась. Счастье показало ему свое лицо. Что то личное появилось передъ нимъ первый разъ въ его жизни.

«А какъ милый Петрикъ былъ бы удивленъ... Обрадованъ?... Кто знаетъ?»

Капитанъ Немо посмотрѣлъ на шофера. Твердо, спокойно, какъ всегда, быть можетъ, чуть строже чѣмъ всегда, онъ сказалъ:

— Въ городъ Сень Назэръ... По Орлеанской дорогѣ.

XXII.

Ранцевъ проснулся отъ мѣрнаго, глухого шума. Сквозь щели ставень мягкій, бѣлый свѣтъ проникалъ въ маленькую, какъ каюта, комнату приморскаго пансіона. Ее вотъ уже недѣлю занимали Ранцевъ и Ферфак-

совъ. Сильный, вдругъ поднявшійся вѣтеръ порывами ударялъ въ ставню. Сосны и кедры глухо шумѣли въ саду. Было пасмурно. Ферфаксовъ, давно не спавшій, сказалъ:

— Ты слышишь?... Какая буря!...

— Да... Кажется и дождь.

— Имъ не везетъ.

Ранцевъ сталъ одѣваться.

— Бурдели, наши хозяева, вчера весь день плели гирлянды изъ зелени и цвѣтовъ. По всему городку шли приготовленія къ сегодняшнему дню. Имъ нужны — солнце, хорошая погода... Подумай — праздникъ дѣтей. Бурдель вчера за стаканомъ рома рассказывалъ: — каждая мать, самая бѣдная, обшила, принарядила къ сегодняшнему дню свое дитя, чтобы полюбоваться имъ, чтобы гордиться имъ въ процессіи. А какая процессія при такой погодѣ! Съ ногъ валить.

— Пойдемъ, — сказалъ быстро одѣвшійся Ранцевъ, — посмотримъ.

На улицѣ, идущей къ морю, они должны были схватиться за шляпы. Мелкій песокъ морскихъ дюнь и не то дождь, не то брызги океанской волны, сорванные ураганомъ, били въ лицо и слѣпили глаза.

Сѣрое небо валилось въ море. Желто-зеленые валы непрерывной чередой, опушаясь бѣлой пѣной, съ ропотомъ и ревомъ шли на берегъ. Купальныя палатки ярко желтой парусины были сняты. Деревянные будки прижались къ набережной. Къ нимъ, шипя, подкатывалась пѣна волнъ.

У океана вѣтеръ казался тише. Мелкій дождь холодилъ лицо. Надъ моремъ клубился туманъ. Мысы по сторонамъ залива стояли въ сизой дымкѣ. Песчаные острова у входа въ океанъ обозначались рѣзкими, бѣлыми полосами прибоя. Море было пустынно.

Вышка, откуда любители бросались въ воду, была сломана. Ея бревна носились по волнамъ. Какой то молодецъ въ черномъ купальномъ костюмѣ входилъ въ воду, доходилъ до первыхъ большихъ волнъ, но не рѣшался идти дальше и отпрыгивалъ, фыркая и захлебываясь. Двѣ англичанки стояли на пескѣ пляжа. Вѣтеръ

окрутилъ ихъ юбки около ногъ и точно хотѣлъ сорвать съ нихъ платья. На набережной не было обычныхъ гуляющихъ.

— Невеселая картина, — сказалъ Ранцевъ, — море показываетъ намъ свой нравъ.

— А знаешь, — вглядываясь вдаль охотничьими зоркими глазами, сказалъ Ферфаксовъ, — погода еще исправится. Ты видишь, какъ блѣднѣетъ на небосклонѣ небо. Тамъ какъ бы просвѣчиваетъ синева.

— Пойдемъ, порадуемъ старика Бурделя.

Хозяинъ виллы «Les Rossignoles» большими садовыми ножницами рѣзалъ цвѣты, опустошая клумбы.

— Вы были на морѣ, — спросилъ онъ. — Ну какъ?

— Мнѣ кажется прояснить, — на ужасномъ Русско-шофферскомъ французскомъ языкѣ сказалъ Ферфаксовъ.

— Вы думаете?... Да, конечно... Иначе и быть не можетъ... Должно, обязательно должно прояснить.

— Вы все таки вѣшаете гирлянды, — сказалъ Ранцевъ.

— А какъ же... Моя жена съ мадамъ Манганъ уже начали работать. Какъ же иначе, — съ печалью въ голосъ и со слезами на глазахъ сказалъ Бурдель, — праздникъ Fête Dieu. Богъ придетъ къ намъ. Онъ пройдетъ мимо нашей виллы. Все Ему... Все, что имѣемъ.

Бурдель съ какою то яростью отхватилъ ножницами громадную, прекрасную, только что распустившуюся розу.

— Богъ и Родина — все прекрасное на свѣтѣ. И Богъ придетъ къ намъ. А вдругъ... Нѣтъ этого не можетъ быть... Ну, какъ преосвященный отмѣнить процессію?... Изъ за дождя...

— Какого тамъ чорта дождя. — воскликнулъ Ферфаксовъ, — вы только посмотрите!

Онъ вывелъ старика изъ садика, гдѣ туйи и сирени, росшія у калитки заслоняли небосклонъ и показалъ вдаль. Вѣтеръ гналъ тучи, снимая сѣрую пелену съ волнъ. Надъ островами голубое сверкало море.

— Буря гонить тучи на Парижъ. Скоро будетъ со-

всѣмъ ясно. Солнце будетъ... Да и вѣтеръ сталъ замѣтно тише.

— Ахъ, далъ бы Богъ... Далъ бы Богъ... Вы подумайте, мосье Ранцевъ, наши школьники будутъ всѣ въ одинаковыхъ синихъ костюмахъ съ бѣлыми лентами... Они будутъ первый разъ играть на фанфарахъ... И дѣвочки всѣ въ бѣломъ съ кисейными вуалями, въ цвѣтахъ. Какъ же можно — дождь?... Сегодня Богъ придетъ къ намъ!...

XXIII.

Въ три часа дня жидкій благовѣстъ въ одинъ колоколъ затрезвонилъ на городской площади. Ранцевъ и Ферфаксовъ пошли на его призывъ.

Небольшая новая каменная церковь стояла на песчаномъ холмѣ дюны. Два марша лѣстницы изъ дикаго камня сходились на площадкѣ на серединѣ дюны и опять расходились, направляясь къ церковнымъ дверямъ. Темная, блестящая зелень лавровъ и миртъ, нѣжные листики стриженныхъ буксовъ яркими пятнами ложились на камни... Вдоль лѣстницы, отъ низа и до верха, полуприкрытыя каменными перилами, точно пчелки въ ульѣ, работали молоденькія дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ. Онѣ торопились украшать цвѣтами церковь. Однѣ растягивали длинное бѣлое полотнище надъ площадкой, другія проворно и ловко нашивали на него розовыя розы и красныя піоны, образуя большой и широкій крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Третьи раскладывали вдоль перилъ миртовыя вѣтки, украшенныя маленькими розочками...

Прояснивало. Солнце нѣтъ, нѣтъ, да и пробьется сквозь тучи и осіяетъ своими лучами церковь, цвѣты и трудящихся дѣвушекъ. Точно съ неба пошлетъ имъ благословеніе.

По лѣстницѣ почти непрерывной вереницей шли старыя женщины въ черныхъ высокихъ Бретонскихъ наколкахъ и мужчины въ длинныхъ старомодныхъ потер-

тыхъ сюртукахъ. Они, молча, входили въ узкія дубовыя двери и исчезали за ними. Когда открывались двери, изъ церкви доносилось гудѣніе органа и пѣніе женскаго хора. Пѣли что то нѣжное и трогательное, что такъ подходило, такъ отвѣчало, составляя полную гармонію съ цвѣтами, бѣлымъ пчелкамъ-дѣвушкамъ, трудившимся у храма.

Въ церкви было свѣтло, торжественно и нарядно. Она была каменная, длинная, «кораблемъ», съ тонкими бѣлыми колоннами, съ двумя рядами высокихъ узкихъ, стрѣльчатыхъ оконъ. Между колоннъ, подъ потолкомъ, свисали бѣлая гирлянды бумажныхъ цвѣтовъ. У одного изъ оконъ стояла модель паруснаго, трехмачтоваго брига. У колоннъ всѣ статуи святыхъ были обвиты цвѣтами.

Скамьи были заняты. Впереди сидѣли дѣти. По одну сторону мальчики въ синихъ курточкахъ матросскаго образца, съ большими бѣлыми, шелковыми бантами на лѣвомъ плечѣ, по другую все было бѣло отъ кисейныхъ наколокъ и бѣлыхъ цвѣточныхъ вѣнковъ. Сзади сидѣли старые мужчины и женщины, всѣ въ черномъ. Ранцевъ не замѣтилъ среди мужчинъ — людей средняго, его, возраста. Они молчаливо и незримо присутствовали на Богослуженіи, глядясь съ мраморныхъ досокъ длинными колоннами золотомъ начертанныхъ именъ съ надписью наверху: — «Morts pour la Patrie».

Отъ бѣлыхъ гирляндъ, отъ бѣлаго свѣта, идущаго съ двухъ сторонъ черезъ окна — въ церкви была несказанная свѣтлая красота. Но особенно глубокимъ, небесно чистымъ и прозрачнымъ казался свѣтъ въ нишѣ алтаря, окруженнаго невидимыми изъ церкви окнами. Тамъ въ глубокомъ свѣтѣ цвѣтныхъ стеколъ, точно съ неба спускались на землю, тая въ сіяющемъ эфирѣ, прекрасная статуя Божіей Матери изъ Лурда. Раскрашенный камень голубыхъ ея ризъ, бѣлая лилія въ ея розовыхъ рукахъ, свѣтлый Ликъ Божественной красоты въ этомъ свѣтѣ казались по неземному прекрасными.

Жиденкій органъ игралъ псалмъ. И все шли въ церковь люди, опускали руку въ чашу съ водой, быстро преклоняли колѣно, присѣдая, и проходили вглубь къ алтарю. Тамъ шла суeta приготовленій къ процессіи.

Французское, трехцвѣтное знамя, обшитое золотою бахромою стояло, не колышась. Взметнулись вверхъ вынимаемая изъ гнѣздъ почетными стариками пестрыя хоругви. Старухи потянулись изъ церкви. На площади была толпа. У булочной, гдѣ на верандѣ англичане пили чай, стояли автомобили.

Кое гдѣ вдоль улицъ садовыя ограды виллъ были украшены бѣлыми съ красными полосами полотнищами. По нимъ узоромъ были нашиты зеленые листики и цвѣта. Розовыя, мелкія, вьющіяся розы и зелень туій были насыпаны по черному гудрону шоссе.

Мѣдный колоколь билъ назойливо и мѣрно. Изъ дверей храма ему отвѣчали органъ и пѣніе хора. Эти звуки отрывали отъ земли и уносили къ чему то прекрасному; далекому, свѣтлому, радостному, гдѣ не было земныхъ заботъ и печалей. Это настроеніе передавалось Ранцеву и радовало его. Божія Матерь изъ Лурда, покровительница этого храма, точно явилась благословить его передъ отъѣздомъ.

Старикъ съ сѣдыми густыми волосами — вѣтеръ трепалъ ихъ и игралъ съ ними — въ черномъ пиджакѣ вынесъ изъ церкви длинную малиноваго бархата тяжелую хоругвь, расшитую золотомъ. На хоругви масляными красками была написана Лурдовская Божія Матерь. Хоругвеносецъ прошелъ мимо пестрыхъ выставокъ товаровъ въ окнѣ большого «универсальнаго» магазина и сталъ посерединѣ улицы, обозначивъ голову процессіи. Изъ двора церкви къ нему выбѣжали и пристроились человекъ двадцать мальчиковъ въ синихъ курточкахъ. Ихъ лица подъ круглыми бѣлыми шапочками были серьезны. Изъ церкви потянулись сопровождаемые матерями маленькія дѣти, всѣ въ бѣломъ, съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ. Четыре парадно одѣтыхъ мальчика съ большими шелковыми бѣлыми бантами на плечахъ вынесли на носилкахъ статую Христа. За нею слѣдовали дѣти съ маленькими бумажными хоругвями. Дѣвушки въ бѣломъ, за ними юноши въ синемъ, а дальше подъ тяжелымъ балдахиномъ малиноваго бархата медленно шествовалъ, точно изнемогая подъ тяжестью золотомъ шитыхъ ризъ, священникъ.

За нимъ развязно, пряча папиросы въ рукава помятыхъ синихъ пиджаковъ, вышли городскіе музыканты. Дальше шла толпа. Мужчины отдѣльно впереди, за ними женщины.

Мосье Бурдель подошелъ къ Ранцеву. Красное лицо его сіяло. На сѣрыхъ, старыхъ, выцвѣтшихъ глазахъ играла слеза.

— Г-ммъ, — сказалъ онъ, хватая Ранцева за рукавъ. — Вы думаете, бошей побѣдили тамъ?... въ Парижѣ?... *Ecole laïque*?... Идіоты!... Если бы не мы?... Не наше духовенство?... ну и, конечно, ваша Русская благородная помощь — боши были бы въ Парижѣ!.. Это мы, вѣрующіе католики... Мы такіе вотъ, какъ Кастельно и Фошъ, — это наши вѣрующіе, не смотря ни на что офицеры и солдаты отстояли Францію. Вы посмотрите — все ленточки почетнаго легіона и военной медали на молящихся... А тѣ думаютъ... Безъ вѣры?... Безъ Бога?... Когда не будетъ вѣры, не будетъ Бога — не станетъ и Франціи... *Et voila tous...*

XXIV

Размѣренно и негромко впереди ударилъ барабанъ. Процессія тронулась вверхъ по улицѣ.

«Тамъ... тамъ... тамъ»... — раздавалось впереди. Нѣжные дѣвнчы голоса запѣли въ головѣ колонны.

— *Nous t'adorons, ô radieuse Hostie
Du Dieu d'amour voile mysterieux,
Sois notre force aux combats de la vie,
Soutiens nos pas sur le chemin des cieux...*

Вѣтеръ рвалъ голоса. Въ глубинѣ колонны дѣвушкѣмъ вторили мужчины. Они шли по три въ черномъ, кто въ сюртукѣ, кто въ блузѣ, кто въ пиджакѣ. Ихъ лица были серьезны. Они несли въ рукахъ маленькія тетради-

ки и, слѣдя по нимъ, подхватывали слова плавно колы-
хавшагося въ воздухѣ гимна.

— Triomphe, ô roi, Dieu de l'Eucharistie,
Autour de toi se pressent tes enfants,
Pour réparer l'outrage de l'impie
A Toi nos cœurs et nos vœux et nos chants...

Мотивъ гимна принялъ джазъ-бандный городской оркестръ. Корнетистъ надулъ щеки и заигралъ. Трубы подхватили. Грустно запѣлъ саксофонъ. Голоса неслись къ небу и точно раздвигали на немъ тучи. Клочокъ синяго неба сталъ величиною съ простыню. Свѣтъ золотыми лучами брызнулъ и заигралъ блесками на ризахъ, на вышивкахъ балдахина, на звѣздѣ съ причастіемъ, на трубахъ и барабанахъ. Вѣтеръ колыхалъ хоругвь. Лурдская Божія Матерь плыла надъ толпой. Бумажные флажки трепетали въ дѣтскихъ рукахъ. Матери врывались въ ряды дѣтей и поправляли потревоженное вѣтромъ платье.

Enfants de chocur въ длинныхъ красныхъ и голубыхъ юбкахъ съ глубокими складками, въ пелеринахъ, накрытыхъ кружевами, шли впереди балдахина. Подъ балдахиномъ кюре съ французскимъ длиннымъ и прямымъ носомъ и съ узкой сѣдьющей бородой, свѣтски воспитанный, по духовному благодостный, шелъ чинно и важно съ сознаніемъ святости совершаемаго имъ. За нимъ подъ пестрымъ расшитымъ золотомъ зонтикомъ, медленно шаркая по цвѣтамъ, устилавшимъ шоссе, большими ногами, шелъ старикъ священникъ въ круглой шапочкѣ. У него было рѣзкое лицо и острые сѣрые глаза. Онъ несъ въ рукѣ звѣзду съ вложенной въ нее облаткой причастія.

Народъ выходилъ изъ домовъ и лавокъ. Онъ становился вдоль дороги, и, когда приближалось къ нему причастіе, преклонялъ колѣни.

И только сзади равнодушные, нетерпѣливые, безвѣрные, холодные автомобили дерзко кричали рожками, пытаясь обогнать процессію. Навстрѣчу имъ вѣтеръ несъ обрывки священнаго гимна, голоса вѣрующихъ дѣтей, женщинъ и стариковъ и звуки мѣднаго хора.

— Lorsque Jésus, près de quitter la terre
Prit en pitié ses enfants malheureux,
L'Eucharistie est le divin mystère
Qu'il inventa pour rester avec eux... *)

Вѣтеръ плескалъ хоругвями. Длинные вуали дѣвочекъ развѣвались надъ толпою узкими бѣлыми дымами.

Процессія обогнула кварталъ и направилась къ морю. Она не пошла къ Казино и большимъ отелямъ. Тамъ было холодно и точно враждебно къ этой тонкой и чистой вѣрѣ. Она не пошла и къ Мэрии, гдѣ не были повѣшены праздничные флаги, гдѣ все показывало равнодушіе государства къ церкви. Она обошла кварталы маленькихъ виллъ, домики рыбаковъ и мелкихъ торговцевъ. Она точно боялась стѣснить и помѣшать автомобилямъ и жалась въ сторону отъ слугителей Золотого Тельца.

Ранцевъ и Ферфаксовъ въ православной Россіи видали крестные ходы. Они видали ихъ и въ столицахъ и въ маленькихъ селахъ. Вездѣ въ старой Россіи, какъ бы ни былъ бѣденъ приходъ, крестный ходъ шелъ, торжествуя. Властно развѣвались хоругви и было сильно и полно вѣры пѣніе грубаго иногда, но всегда смѣлаго хора: — «Богъ Господь и явился намъ»!...

*) Тебя хвалимъ, Святое Причастье,
Таинственный образъ Бога Любви.
Будь наша сила, будь наше счастье,
Будь наша помощь въ небесномъ пути.

Слава Царю, Богу Святыхъ Даровъ,
Къ Тебѣ прибѣгаютъ дѣти Твои,
Отъ оскорбленій нечистыхъ Покровъ.
Тебѣ сердце, мольбы и пѣсни мои.

Когда землю покидалъ Христосъ
Своихъ дѣтей Онъ пожалѣлъ,
Святые Дары Онъ имъ принесъ,
Своимъ присутвіемъ смягчилъ ихъ удѣлъ.

Здѣсь гимнъ звучалъ робкою, смиренною, неуверенною мольбою. И звуки оркестра не могли укрѣпить его. Шло очень много дѣтей. Правъ былъ Бурдель. Матери не пожалѣли ни денегъ, ни труда — онѣ принарядили ихъ. И думалъ Ранцевъ: — «какая вырастетъ новая Франція?... Оставятъ ли на всю жизнь въ этихъ маленькихъ душахъ волнующее воспоминаніе развѣзающихся хоругви, золотое сіяніе звѣзды, мѣрное пѣніе, преклоненіе колѣнъ, сладкая вѣра, что Богъ сошелъ на землю и шествуетъ среди людей — или и ихъ покорить и оторветъ отъ вѣры зычный голосъ автомобильного клаксона?... Останется у нихъ воспоминаніе о медленномъ шествіи по городку съ самимъ Богомъ — какъ тихая пристань, куда можно будетъ уходить усталой душой отъ свѣтскихъ бурь — или безвѣрная школа навсегда сотретъ тихую радость испытаннаго когда то сладкаго волненія»?...

За каменной оградой набережной, по песчаному пляжу ходили зеленые бѣлопѣнные валы. Надъ безконечными просторами моря сіяло блѣдно голубое небо. Бѣлыми дымками развѣвались кисейныя вуали дѣвчушекъ, и трепетали безчисленные флажки въ рукахъ дѣтей. Надъ пестрою толпою медленно плылъ лиловый въ золотѣ балдахинъ. Богъ шествовалъ вдоль моря. И обрывками — то дѣвичьими голосами, то звуками оркестра, то несмѣлымъ хоромъ мужчинъ, поющихъ въ унисонъ, подъ мѣрный грохотъ барабана: — «тамъ.. тамъ... тамъ...» доносилось:

— *Reste avec nous et bénis nous, Seigneur!**).

XXV.

Ранцевъ и Ферфаксовъ вернулись съ крестнаго хода умиленные и растроганные. Все перечувствованное ими казалось имъ хорошимъ предзнаменованіемъ для завтрашняго дня.

*) Господи буди съ нами и насъ благослви.

— Вотъ, какъ никакъ мы и помолились передъ путешествіемъ, — сказалъ Ферфаксовъ. — И стало какъ то спокойнѣе и увѣреннѣе на душѣ.

Госпожа Бурдель встрѣтила ихъ встревоженная, какъ бываютъ всегда встревожены тихіе, простые люди, живущіе покойною, безмятежною, размѣренною жизнью, когда приходятъ телеграммы.

— Господинъ Ранцевъ, вамъ телеграмма.

Ранцевъ взялъ маленькій голубой, плотно заклеенный листочекъ, торопливо распечаталъ его и взглянулъ.

— «Пріѣзжайте немедленно. Ваше присутствіе необходимо. Нордековъ».

Ранцевъ сейчасъ же разсчитался съ хозяевами, поблагодарилъ ихъ за гостепріимство, нанялъ автомобиль и помчался съ Ферфаксовымъ въ Сенъ Назэръ, гдѣ на пароходѣ «Немезида» собрались статисты кинематографическаго общества «Атлантида».

Пароходъ стоялъ на рѣкѣ Луарѣ. На немъ вчера были закончены ремонтныя работы и погрузка имущества и пассажировъ. Все было готово къ отплытію. Ждали пріѣзда капитана Немо. Ранцевъ долженъ былъ на скромной и непримѣтной виллѣ дожидаться его и съ нимъ пріѣхать на «Немезиду».

Едва Ранцевъ прошелъ въ свою каюту, къ нему постучали.

Генераль Чекомасовъ и Нордековъ желали видѣть его по весьма важному дѣлу. Они прошли въ каюту съ серьезными, замкнутыми лицами и плотно притворили за собою двери.

— Петръ Сергѣевичъ, — торжественно началъ Нордековъ, — мы къ вамъ по весьма и весьма тревожному вопросу.

Онъ посмотрѣлъ на Чекомасова. Тотъ молчалъ.

— Садитесь... Я васъ слушаю, — сказалъ Ранцевъ и указалъ гостямъ на койку, а самъ сѣлъ на стулъ у иллюминатора каюты.

— Дѣло вотъ въ чемъ, — началъ, волнуясь, Нордековъ. — Пока мы занимались въ Парижѣ... Ну тамъ... Кинематографическое общество «Атлантида» что ли... и прочее... все шло хорошо... Здѣсь моимъ людямъ впер-

вые пришлось встрѣтиться, столкнуться, такъ сказать, познакомиться со всѣмъ составомъ труппы. Мы приняли участіе и въ погрузкѣ, по вашему приказу... Тяжелые ящики... Очень ихъ много... Масса консервовъ... И понимаете, ни одного фотографическаго аппарата... Прибавьте къ этому: — вездѣ тайна... Тутъ интернаціональ какой то... Обезьяно подобный профессоръ нѣмецъ, не подпускающій къ своимъ ящикамъ. Капитанъ — финляндецъ... Тоже въ респектѣ всѣхъ насъ держитъ... Туда не ходи, этого не тронь... Команда — Бретонцы... Хмурый народъ... Вездѣ рогатки... Часовые... И часовые — нѣмцы... Всѣ какъ бы въ формѣ... Ну съ этого и пошло...

Онъ замолчалъ, тяжело дыша. Ему видимо трудно было все это сказать.

— Что же пошло? — строго спросилъ Ранцевъ.

— Правду то сказать, — вмѣшался въ разговоръ генералъ Чекомасовъ, — это началось еще въ Парижѣ. Вы понимаете, какъ ни велика была тайна... но близкимъ, роднымъ сказали... Пошла сплетня... А вы знаете Парижъ эмигрантскій съ его ревностью, завистью и злобою.

— Кинематографическое общество «Атлантида»... Чего же еще надо?

— Такъ, видите ли, Петръ Сергѣевичъ, одинъ изъ нашихъ союзовъ...

— Очень мощный союзъ, имѣющій представителей по всему свѣту, — вставилъ Чекомасовъ, — союзъ профессиональный...

— Имѣющій почти такое же вліяніе, какъ Обще-Воинскій Союзъ, произвелъ черезъ своихъ членовъ по всѣмъ странамъ анкету и опросилъ всѣхъ работниковъ кинематографическаго дѣла.

— И что же?..

— Ну и знаете, что выяснилось?... Ни Морисъ Шевалье, ни Рамонъ Новарро, ни Харри Куперъ, Дугласъ Фербанксъ, Бастеръ Кингтонъ, Шарло Чаплинъ, Иванъ Петровичъ, я не говорю уже про Русскихъ фильмовиковъ — Мозжухина, такъ же никто изъ «старъ», — ни Мери Пикфордъ, ни Глорія Свансонъ, ни Сюзи Вернонъ, Лили Дамита, наши Ольга Чехова, Киса Куприна, ни

нѣмка Хенни Портенъ, словомъ никто изъ людей, близкихъ къ кинематографическому міру ничего никогда не слыхалъ объ «Атлантидѣ» и не вель съ нею никакихъ переговоровъ. И это привело всѣхъ насъ въ большое смущеніе.

— Какое вамъ-то дѣло, какихъ артистовъ беретъ наше общество? Развѣ мало такихъ фильмъ, гдѣ совсѣмъ и не требуется первыхъ артистовъ?...

— Да, конечно, — вѣско сказалъ Чекомасовъ. — Но я не знаю фильмы, гдѣ бы были нужны хорошо подѣланные совѣтскіе паспорта, или цѣлыя библіотеки совѣтскихъ книгъ и изданій? Экранъ такой ужъ точности не требуетъ. Это каждому изъ насъ понятно.

— Значить и вы болтали?

Чекомасовъ смутился.

— Я не болталъ, — густо краснѣя, сказалъ онъ, — но я не могъ про это промолчать, когда этотъ вопросъ серьезно обсуждался.

— У васъ было собраніе?... митингъ? — не скрывая своего отвращенія сказалъ Ранцевъ.

— Митингъ, не митингъ... Нѣтъ... Зачѣмъ же такъ говорить!... Но согласитесь?... Насъ нанимали на одно, а везутъ совсѣмъ на другое...

— Но, позвольте, Георгій Димитріевичъ, вы же сами знаете, у насъ уже была съемка.

— Какая же это съемка?... Курамъ на смѣхъ, Петръ Сергѣевичъ... Отъ меня, изъ цѣлой моей роты статистовъ взяли одного... И кого же!? Фирса Агафошкина!... Возили его въ Лондонъ, таскали по Парижу, возили еще, кажется, въ Италію.. Этотъ болванъ ничего толкомъ и рассказать не могъ. Общество держитъ массу статистовъ, а снимаетъ какія то точно видовыя фильмы и монтажъ ихъ поручаетъ чужому французскому обществу... Это только усугубило подозрѣнія, что дѣло то совсѣмъ не въ съемкахъ...

— Хорошо... Допустимъ, что и точно дѣло не въ съемкахъ. Васъ нанимали въ кинематографическое общество «Атлантида» для съемки опасной фильмы. И вамъ это объявляли... Въ вашихъ контрактахъ даже оговорена пенсія вашимъ семьямъ, если бы съ вами что

либо случилось. Вы шли на это... Добровольно... Васъ никто не понуждалъ...

— Да шли... На съемки... Можетъ быть, съ хищными звѣрями, какъ въ *Trader Horne*’хъ... Но на авантюру?...

— Авантюру?... Какая тамъ авантюра!.. Вы видѣли, взяты сами крѣпкіе... Самые вѣрные члены Обще-Воинскаго Союза... Лучшіе офицеры, казаки и солдаты... Военные изъ военныхъ... Бѣлые изъ бѣлыхъ...

— Вѣрно... вѣрно-съ все это... Но вотъ мнѣ, Петръ Сергѣевичъ, задаютъ вопросы.. Ну и я слышалъ тоже про это... А если все это ловушка? Новая работа пресловутаго чекистскаго треста?... А вотъ выйдемъ мы, знаете, въ море, а тамъ насъ нѣмцы и французы — Богъ ихъ знаетъ, что они за люди, моя вторая то полурота, окружаютъ насъ, свяжутъ, посадятъ въ трюмъ и отвезутъ куда угодно... Хотя въ Бѣлое море, на Соловки?... Почему команда не Русская?... А сколько, между прочимъ, у насъ набрано моряковъ! Если капитанъ Немо не довѣряетъ намъ, почему мы должны ему такъ слѣпо вѣрить?...

— Вы мнѣ вѣрите?... Вы же меня не первый день знаете...

— Вамъ, Петръ Сергѣевичъ, да... Вы, офицеръ... Но, развѣ вы не можете быть сами обмануты?... Какъ мы вѣрили Кутепову, а Кутепова увезли же большевики, сумѣли заманить въ ловушку... Кто такое Капитанъ Немо?... Псевдонимъ?... Мы его не знаемъ... Онъ никогда и ни въ какомъ бѣломъ движеніи не участвовалъ. Его никто изъ нашихъ признанныхъ вождей не знаетъ. Мы его даже никогда не видали... По крайней мѣрѣ люди моей полуроты, — съ большимъ волненіемъ сказалъ Нордековъ.

— На дѣло ухлопана уйма денегъ, — спокойно и разсудительно сказалъ Чекомасовъ, — откуда же эти деньги?... Кто поручилъ капитану Немо его работу? Кто ее оплачиваетъ? Изъ какихъ источниковъ питается вся эта громадная организація?.. Вотъ вопросы, которыми насъ, старшихъ, здѣсь засыпали. Мы отлично знаемъ, что на бѣлое дѣло денегъ никогда никто не давалъ, и, значить,

если есть деньги, и большія притомъ, — то эти деньги даны на красное дѣло. Это большевицкія деньги, Ранцевъ. Вы не волнуйтесь. Обсудимъ все хладнокровно. Вы отлично знаете, что каждый изъ насъ готовъ отдать свою жизнь за Родину. И я, между прочимъ, занимаясь изготовленіемъ фальшивыхъ паспортовъ и документовъ, считалъ, что это для Родины и объ одномъ только и думалъ, какъ ей послужить.

— Ну, такъ еще разъ, — въ чемъ дѣло?...

— Отъ насъ требуютъ полного довѣрія и подчиненія, что говорится безъ отговорочнаго, а какъ мы можемъ его дать, когда самимъ то намъ ничего не довѣряютъ. Фильмовое общество!... Прекрасно!... Но по всему Парижу болтаютъ, что фильмовое общество «Атлантида» — новая продѣлка большевиковъ. Они сильны, Петръ Сергѣевичъ, охъ какъ сильны.

— Знаю это, — съ досадою сказалъ Ранцевъ. — Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.. Кому же вы бы повѣрили, если вы и мнѣ не вѣрите?...

Чекомасовъ и Нордековъ не отвѣтили на вопросъ Ранцева. Въ каютѣ наступило долгое молчаніе. Было слышно, какъ растревоженные дневною бурей волны Луары били и плескали о борта «Немезиды». Чуть скрипѣли канаты въ якорныхъ клюзахъ. Солнце, отражаясь о волны, играло зайчиками по бѣлому свѣже покрашенному потолку каюты.

Глубокимъ и тихимъ, безконечно печальнымъ голосомъ Ранцевъ сталъ говорить, медленно цѣдя слово за словомъ.

— У насъ былъ Великій Князь Николай Николаевичъ... Рыцарь безъ страха и упрека... Враги признавали чистоту его побужденій. Офицеры его обожали, какъ великаго полководца и настоящаго патріота. Когда на Зарубежномъ Съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о безъотговорочномъ ему подчиненіи — шестью голосами поддержавшихся — это предложеніе было отклонено. Ему... — не повѣрили... Что же, господа, тогда и думать нечего о какой бы то ни было работѣ для спасенія Россіи?...

Ранцевъ замолчалъ. Никто ничего ему не возразилъ. Всѣ трое сидѣли подавленные и грустные.

— Вотъ и выходитъ, — все въ томъ же раздумьи, еще тише продолжалъ Ранцевъ, — безъ Государя мы ничего не можемъ. Безъ Государя мы просто бѣженская пыль... А и тому мы измѣнили.

Въ его голосъ послышалось рыданіе, но онъ сейчасъ же справился съ собою.

— Слушайте, господа, — твердо и громко сказалъ онъ. — Я приму къ свѣдѣнію все, что вы мнѣ говорили. Призовите вашихъ людей къ спокойствію. Я дамъ имъ возможность завтра же убѣдиться въ ошибочности ихъ подозрѣній.

— Вся бѣда то въ томъ, — сказалъ Нордековъ, — что мы все это время, долгіе годы нашей эмигрантской жизни жили мечтами о прошломъ... Поминками старого быта.. Или думали о будущемъ, рисуя его совсѣмъ другими чертами. А вотъ прикоснулись къ настоящему, первый разъ стали что то дѣлать похожее на дѣло... оглянулись... и испугались.

— О прошломъ думаютъ — дураки, о будущемъ гадаютъ сумасшедшіе. Храбрые идутъ, не оглядываясь, — твердо сказалъ Ранцевъ. — Ступайте съ Богомъ.

Какъ только Чекомасовъ и Нордековъ вышли изъ каюты, Ранцевъ вызвалъ къ себѣ Ферфаксова. Онъ приказалъ ему вернуться на виллу «Les Rossignoles», дожидаться тамъ капитана Немо, рассказать ему, что было и доложить ему, что при такихъ обстоятельствахъ, онъ, Ранцевъ, не считаетъ возможнымъ оставить пароходъ безъ себя.

XXVI.

Капитанъ Немо съ Ферфаксовымъ на своей машинѣ пріѣхалъ въ два часа ночи. Онъ проѣхалъ прежде всего въ лоцію, переговорилъ съ дежурнымъ чиновникомъ, показалъ готовые, выправленные на таможенъ выпускные документы, вызвалъ лоцмана, и въ четвертомъ

часу утра, когда все громадное устье Луары было затянуто густымъ туманомъ, на шлюпкѣ подошелъ къ «Немезидѣ».

Дежурный офицеръ шведъ его встрѣтилъ.

— Попросите ко мнѣ капитана Ольсоне, — быстро на ходу сказалъ ему Немо. — Ферфаксовъ, пройдите къ Петру Сергѣвичу, скажите, что я ожидаю его.

Немо спустился въ батарейную палубу, прошелъ къ своей просторной каютѣ, своимъ ключомъ открылъ ее и пустилъ свѣтъ. У двери каюты стоялъ часовой, рослый нѣмецъ, Нордековской второй полуроты.

— Капитана Ольсоне и господина Ранцева сейчасъ же пропустить ко мнѣ. Больше никого не пускать, — по-нѣмецки сказалъ Немо часовому.

— Zu Befehl, Herr Kapitan, — последовалъ быстрый отвѣтъ.

Въ каютѣ пахло масляной краской, машиннымъ масломъ и моремъ. Иллюминаторъ былъ открытъ. Легкій предъутренній вѣтерокъ трепалъ голубую занавѣску. При яркомъ свѣтѣ электрическаго фонаря, вдѣланнаго въ потолокъ, стѣны, покрашенные въ бѣлую краску и ярко начищенные мѣдныя части блистали свѣжестью и новизной.

Въ двери каюты постучали.

— Кто тамъ?...

— Ранцевъ.

— Войди, Петръ Сергѣвичъ, я жду.

Ранцевъ не ложился. Въ сильномъ волненіи онъ дожидался Немо. Онъ зналъ, что въ каютѣ компаніи до полуночи шло собраніе. И было много нездоровой критики и праздныхъ вопросовъ. «Почему нѣтъ вина?... Почему запрещено курить?... Куда и зачѣмъ насъ везутъ»? Настроеніе было приподнятое и безпокойное. Но, какъ Ранцевъ ни допытывалъ Нордекова, онъ ни на кого не могъ указать, чтобы кто мутилъ.

— Такъ, Петръ Сергѣвичъ, само собою выходило. Естественное безпокойство овладѣло людьми. Жребій брошенъ... Ну и стало страшно, подъ вліяніемъ слуховъ и Парижской болтовни, такъ естественной при прощаніи. Какъ никакъ слишкомъ рѣзкая перемѣна жизни.

Теперь всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Ранцевъ только что обошелъ пароходъ. Всюду была настороженная тишина. Поставленные по его указанію часовые нѣмцы и французы были на мѣстахъ. Внизу глухо и мѣрно стучалъ Дизель, подавая электричество. Ранцевъ слышалъ, какъ причалила шлюпка и ожидалъ приглашенія.

Ранцевъ хотѣлъ начать свой докладъ. Немо остановилъ его.

— Подождемъ Ольсоне.

Лицо Немо было задумчиво и скорбно. Онъ точно постарѣлъ за эту недѣлю на много лѣтъ.

Ольсоне не замедлилъ появиться. По морской привычкѣ онъ спалъ и на якорѣ однимъ глазомъ.

— Капитанъ, у васъ все готово къ отплытію по указанному мною курсу?

— Есть. Все готово.

— Дизеля можете пустить немедленно?

— Есть. Дизеля можно пустить сейчасъ. Машина прогрѣта.

— Выбирайте якоря... Съ Богомъ... Туманъ не помѣшаетъ выйти изъ рѣки?

— Лоцманъ сказалъ: — видимость достаточная. Пойдемъ по теченію самымъ малымъ ходомъ, только чтобы руля слушалась.

— Съ Богомъ, — повторилъ Немо, наклоненіемъ головы отпуская отъ себя капитана.

Онъ вышелъ въ корридоръ за капитаномъ и нѣсколько мгновений прислушивался къ тому, что дѣлается на пароходѣ.

Босыя ноги пробѣжали надъ головой. Будя ночную тишину застучала лебедка, выбирая' якорный канатъ. Плеснула волна. Потомъ звонко и чеканно чисто сталъ отзванивать машинный телеграфъ на командномъ мостикѣ. «Динь... динь»... Мягко заработалъ винтъ. У Ранцева чуть закружилась голова. Пароходъ поворачивалъ по теченію.

Въ распахнувшуюся отъ вѣтра занавѣску иллюминатора стало видно, какъ медленно поплыли мимо огни фонарей Сенъ Назэрскихъ улицъ и большое, высокое зданіе морской казармы.

Ровно и мѣрно, не нарушая тишины ночи, но сливаясь съ нею, стучала машина, и шелестѣла подѣ килемъ разбуженная рѣчная волна.

— Ну, рассказывай мнѣ все безъ утайки, — сказалъ, входя въ каюту, Немо. Онъ погасилъ электричество и сѣлъ въ глубокое кожаное кресло, жестомъ приглашая Ранцева занять другое, противъ него.

Блѣдный, утренній свѣтъ освѣтилъ его усталое, измученное лицо. Зубы были стиснуты, и какая то новая, незнакомая Ранцеву, жестокая складка легла въ углахъ его рта.

XXVII.

— Хорошо, — сказалъ Немо, когда Ранцевъ кончилъ свой докладъ. — Что же ты мнѣ прикажешь дѣлать?... Арестовать всѣхъ тѣхъ, кто своею болтовнею смущалъ другихъ?... То есть прежде всего начальниковъ... Силы для этого у меня найдутся. Связать ихъ и бросить въ трюмъ?... Сгноить ихъ голодомъ?... Повѣсить ихъ на ногахъ рей?... Привязать къ ихъ ногамъ ядра и въ саванахъ спустить на дно морское?... Что же все это можно... Въ моей власти... Мы скоро выйдемъ изъ территоріальныхъ водъ Франціи. На кормѣ виситъ флагъ такого крошечнаго государства, которое протестовать не станетъ. Да и никто ничего не узнаетъ. Ты, Петръ Сергѣевичъ, лучше меня знаешь офицерскую душу. Ты жилъ съ людьми, я жилъ съ наукой... Научи меня... Присовѣтуй мнѣ.

— Ихъ надо понять, — такъ тихо, что Немо едва слышалъ, сказалъ Ранцевъ.

— И... простить, конечно, — съ ѣдкой ироніей кинулъ Немо. — Да, это просто... По христіански... Все понимать и все прощать... и большевиковъ понять и простить...

— Прежде всего, Ричардъ Васильевичъ, тутъ кинематографическое общество «Атлантида».. И ничего другого они не знаютъ...

— Ну что же... Если это коммерческое предприятие, съ которымъ они связали себя контрактами, значить можно и бунтовать?

— Они еще не бунтовали, — твердо сказалъ Ранцевъ.

— Это «еще» великолѣпно, — съ горечью воскликнулъ Немо. — Надо, значить, чтобы они меня, тебя убили и только тогда признать наличие бунта. Я предпочитаю нападать, а не обороняться... Надо гасить волненія и грядущія революціи и бунты въ самомъ ихъ зародышѣ.

— Имъ столько разъ измѣняли... Ихъ столько разъ обманывали...

— Оставь, — съ безгливой гримасой махнулъ рукой Немо. — Не отъ тебя мнѣ это слышать. Кто имъ измѣнялъ?... Это они измѣняли... Это они слушали профессорскую клевету съ думской трибуны, и считали себя въ правѣ измѣнить присягѣ... Что, — повысилъ голосъ Немо, замѣтивъ, что Ранцевъ хочетъ возразить ему. — Государь имъ измѣнилъ?... Государь обманулъ ихъ?... Государь былъ вѣренъ до самой смерти и Россіи и своему долгу и даже покинувшимъ его и предоставившимъ его своей судьбѣ союзникамъ.

— Государь отрекся отъ Престола и приказалъ всѣмъ намъ служить Временному Правительству. Въ этомъ ихъ оправданіе.

— Однако, слышалъ я, ты этому правительству отказался присягать.

— Я что же?... Я не въ счетъ... Я — Донъ Кихоть.

— Ну, ладно... А Деникинъ, Колчакъ измѣнили?... Какъ стало тяжело — ихъ покинули...

— Не офицеры.

— Нѣтъ... И офицеры... Вся исторія этого нашего сверженья подлаго времени такъ напоминаетъ мнѣ Смутное Время 1605-1613 годовъ. Такое же шатаніе отъ королевича Владислава къ Лжедимитрію, отъ Лжедимитрія къ Тушинскому вору, отъ него къ Пожарскому, Ляпунову... Такъ и тутъ отъ гетмана Скоропадскаго къ Махно, отъ Махно къ большевикамъ, отъ Деникина къ кубанской радѣ... И сами не знаютъ, чего хотятъ.

— Не офицеры, — еще разъ строго повторилъ Ранцевъ.

— А тутъ не офицеры, — жестко съ упрекомъ сказалъ Немо. — Вотъ, думалъ я, прошло столько лѣтъ нашего несчастья и, кажется, такъ ясно стало видно, что нельзя же ничего такъ таки и не дѣлать и, сложа руки, смотрѣть, какъ гибнетъ Россія... Вотъ, придумалъ я, всѣмъ пожертвовалъ, набралъ лучшихъ людей... Мы еще ничего не сдѣлали, ничего не начали, а уже броженіе и эти такъ знакомые «разговорчики»... Что же мы за люди? Куда мы годимся? Какъ осудить насъ исторія!

— Это потому, — твердо, прямо въ глаза глядя Немо, сказалъ Ранцевъ, — что они совсѣмъ не знаютъ, куда и зачѣмъ ихъ везутъ? Они вѣдь даже и тебя не знаютъ, что ты за человѣкъ?

— Они знаютъ тебя.

— Ну... Кто я!..

— Ты — Ранцевъ... Ты Русскій офицеръ и твоего слова имъ должно быть вполне достаточно... Что же они?... Ужели — трусы?...

— Нѣтъ, они не трусы, — съ силою сказалъ Ранцевъ. — Идти и умирать въ бою — это храбрость, и она у нихъ, у всѣхъ, есть. Но быть, какъ думаютъ они, обманомъ отвезенными въ чрезвычайку и тамъ перебитыми, какъ скотина — это не храбрость, а глупость. Это безславная и гадкая смерть. Вся обстановка нашего похода такова, что похоже на то, что ихъ куда то нарочно везутъ не на войну, а для того, чтобы предать. И я ихъ психологію понимаю.

— И прощаешь.

— Нѣтъ. Не прощаю. Но считаю нужнымъ теперь же открыть имъ глаза, посвятить ихъ во всю ту работу, которая ихъ ожидаетъ, и тогда судить ихъ. Теперь, когда мы на пароходѣ и въ морѣ, предателей бояться не приходится. А если бы таковые и явились, — мы и сами съ ними справимся. Да ты увидишь, какъ и сами они тогда отнесутся къ предательству. Я повторяю тебѣ: и я и Ферфаксовъ набрали тебѣ такихъ людей, въ храбрости

которых сомнѣваться не приходится... Честные, доблестные Русскіе офицеры...

— И... съ мѣста... «разговорчики»...

— Не забудь, что они пережили... Они пережили революцію. Это не забывается... Если бы это было при Государѣ?

— Однако, почему нибудь у насъ не стало Государя... Онъ не даромъ отрекся... И никто не помѣшалъ его отреченію.

Что могъ на это возразить Ранцевъ? Онъ замолчалъ.

Немо низко опустилъ голову. Вся его фигура, согнувшаяся, точно сложившаяся въ креслѣ, показывала глубокое удрученіе. Онъ тяжело вздохнулъ, провелъ рукою по густымъ, бѣлымъ волосамъ, по лицу, крѣпко зажмурился, точно прогоняя какую то тяжелую, назойливую мысль, поднялъ голову, и, вставъ съ кресла, подошелъ къ письменному столу, устроенному у лѣвой переборки каюты. Онъ взялъ большой блокъ нотъ и сталъ писать на немъ короткія записки, отрывая листокъ за листкомъ.

Всходившее солнце бросило золотой лучъ въ иллюминаторъ и освѣтило его сильную, крѣпкую спину. Ранцевъ сидѣлъ не двигаясь. Въ окна иллюминатора видны были далекіе, низкіе, зеленые берега Луары. Они проносились съ большою быстротою. Сильнѣе стучала машина, и корпусъ парохода мѣрно вздрагивалъ. Вода шипѣла подъ килемъ и пѣнными полосами, блистая на солнцѣ, бѣжала къ берегу.

Чуткое ухо Ранцева улавливало пробужденіе пассажировъ парохода «Немезида».

Немо тяжело поднялся со стула. Въ рукѣ у него были написанныя имъ записки.

— Прикажи, — сказалъ онъ, — разнести по адресамъ... Я хотѣлъ... Я считалъ нужнымъ... не разсуждая... По военному... Ну что же... Разговорчики — такъ разговорчики — видно безъ нихъ не обойдешься.. Ступай. Тутъ есть и касающееся до тебя.

XXVIII.

Весь день на пароходѣ шла дѣловая суета. Нордековъ съ ротнымъ каптенармусомъ, взводными командирами, унтеръ-офицерами и вызванными изъ взводовъ пріемщиками получалъ въ трюмѣ отъ Дріянскаго винтовки, пулеметы, патроны, аммуницію, бѣлыя, тропическія куртки, соломенные легкія широкополыя шляпы, сабли и револьверы для офицеровъ.

При видѣ настоящаго прекраснаго оружія «разговорчики» смолкли. Всѣ стали серьезны. Если даже и правда, что везли ихъ къ большевикамъ, то везли не безоружными.

Получили приказы и Вундерлихъ и Лагерхольмъ и засуетились по своимъ просторнымъ каютамъ, гдѣ у нихъ были лабораторіи и мастерскія.

Ранцевъ, прочитавъ длинную и подробную инструкцію, набросанную ему нервнымъ почеркомъ капитана Немо, собралъ у себя всѣхъ начальниковъ и капитана 1-го ранга Волошина, завѣдывавшаго морской частью и въ продолженіе четырехъ часовъ подробно обсуждалъ съ ними программу дѣйствій.

Съ закатомъ солнца спустили кормовой флагъ того экзотическаго государства, за которымъ числилась «Немезида». На носу, кормѣ и по бортамъ ставили пушки Гочкиса и митральезы. Пароходъ приводился въ боевое положеніе.

Когда стемнѣло, за кормою спустили деревянную стремянку для рабочихъ, провели провода къ электрическимъ переноснымъ фонарямъ, и Дружко, онъ былъ взятъ Ранцевымъ, какъ вѣрный человѣкъ и по художественной части, спустился съ рабочими на стремянку. Они отвинтили названіе парохода «Néméside» и наименованіе порта, покрасили мѣста буквъ и привинтили заранее заготовленныя буквы: «Мститель» и «С.-Петербургъ»...

Работа на пароходѣ шла почти всю ночь. Морскіе

офицеры и гардемарины подъ руководствомъ капитана Волошина прибирали по военному «Мститель».

Немо не выходилъ изъ каюты.

Мертвая зыбь, остатокъ воскресной бури, улеглась. Качка была мѣрная, и страдавшихъ морской болѣзнью было очень мало. Берега Европы скрылись. Нигдѣ не было видно ни маячныхъ, ни судовыхъ огней. Пароходъ шелъ съ большою скоростью и не по курсу главныхъ линий. Поздно ночью въ подзорную трубу были видны огни Финистерскаго маяка — «Мститель» покинулъ Европу. Взятый имъ курсъ успокаивалъ пассажировъ: — это былъ курсъ къ Панамскому каналу, къ островамъ Галапагосъ, а отнюдь не къ совѣтскому союзу республикъ.

Значить, и правда: — кинематографическая съемка. Но... Для чего такое вооруженіе?... Почему шли съ потушенными огнями и на мостикѣ, кромѣ штурмана неотлучно стояли на вахтѣ два морскихъ офицера: — Русскій и финляндецъ.

За часъ до разсвѣта барабанъ пробилъ повѣстку къ зарѣ. Засвистали боцманскія дудки. Спозаранку поднимали пассажировъ, статистовъ кинематографическаго общества «Атлантида».

Море было гладкое. Зыбь, беспокоившая вчера при дневныхъ работахъ, прекратилась. Въ темнотѣ таинственно свѣтилась фосфоресцирующая волна, шедшая отъ парохода. Мириады звѣздъ, отражаясь въ ровной поверхности океана, смягчали темноту жаркой южной ночи.

Когда люди, вызванные сигналами, выходили на верхнюю палубу, одни по одиночкѣ, Нордековская рота въ строю, блестящая бѣлыми кителями и новенькой скрипящей кожаной аммуниціей, наступалъ разсвѣтъ. Звѣзды погасали. Море и небо казались бѣлыми. На западѣ, закрывая небосклонъ, стояло громадное, сѣрое, плотное, кучевое облако. Его круглая вершина начинала розовѣть, отражая, гдѣ то далеко, пылающую утреннюю зарю.

Длиннобородый, сѣдой финляндецъ Лагерхольмъ съ помощниками и Ванечкой Метелинымъ устанавлива-

ли передаточный аппаратъ радіо-станціи и провѣряли моторъ. Моряки разошлись по орудіямъ и стали на бакъ и на ютъ. Капитанъ Волошинъ поднялся на командный мостикъ. Амарантовъ вывелъ трубачей, Гласовъ хоръ, и они стали подъ прямымъ угломъ къ правому флангу роты, выстроившейся вдоль борта. У люка, ведущаго въ трюмъ, къ камбузамъ, въ бѣлой одеждѣ и бѣлыхъ поварскихъ колпакахъ торчали съ любопытными лицами Нифонтъ Ивановичъ и Фирсъ.

Наступала какая то отвѣтственная серьезная минута. Безсонная, въ работѣ проведенная ночь, волненіе, пережитое за день, безпредѣльность окружающаго ихъ океана, все это создавало духъ поднимающее настроеніе.

Сдержанно раздавалась команда Нордекова:

— Становись!...

Чуть слышно стукнули по надраенной пескомъ палубѣ желѣзные затылки прикладовъ. Люди равняли носки, разставляя ихъ по ширинѣ приклада.

— Р-равняйся!...

Нордековъ съ праваго фланга, Парчевскій съ лѣваго, провѣряли равеніе. Точно въ давно забытомъ снѣ слышались такъ знакомыя поправки.

— Вѣха, осадите назадъ... Князь Ардаганскій вы совсѣмъ завалили правое плечо... Грудь четвертаго человека должны видѣть... Шею на воротникъ... Поднимите голову... Смирна!...

И опять «становись», «равняйся» и «смирно».

Все казалось недостаточно хорошо выравнена рота.

И было такъ, какъ нѣкогда бывало на царскихъ смотрахъ. Что то теплое подкатывало къ сердцу. Тогда съ Царемъ видѣли Россію, теперь, казалось, съ рождающимся въ океанѣ днемъ — воскресаетъ умершая, потерянная Россія...

XXIX.

На востокъ вдоль океана золотая протянулась полоса.

Въ широкомъ люкѣ, ведущемъ въ каютъ компанію и офицерскія каюты показалась стройная высокая фигура Ранцева. Онъ былъ, какъ и всѣ, въ просторномъ бѣломъ кителѣ, подхваченномъ въ талии ремнемъ. На ремнѣ висѣла дорогая сабля. На груди Ранцева скромно бѣлѣлъ Георгіевскій крестъ. На головѣ была надѣта широкополая шляпа съ загнутымъ полемъ: очень молодиль и красиль его этотъ костюмъ.

Нордековъ встрепенулся и торжественнымъ голосомъ командовалъ:

— Р-рота! Шай, на кр-р-рауль!

Въ два счета — «разъ и два» — приподнялись и стали противъ лицъ поднятыя винтовки. Музыканты разобрали трубы. Хоръ Гласова сталъ смирно. Молча, не здороваясь, въ полной, напряженнѣйшей тишинѣ Ранцевъ обошелъ фронтъ роты и медленно съ нарочитою важностью поднялся на капитанскій мостикъ.

Въ ту же минуту ярко, нестерпимымъ блескомъ загорѣлось солнце, краемъ показываясь изъ водъ океана.

Молодой, изъ мичмановъ военного времени, вахтенный начальникъ, лейтенантъ Деревинъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, срываясь на длинной командѣ, прокричалъ съ мостика:

— На флагъ, гюйсь и стеньговые флаги!... На фалы для расцвѣчиванія!...

Матросы разбѣжались по пароходу. И снова стала великолѣпная, несказанно волнующая, рвущая сердце тишина.

Солнце показалось изъ за небосвода и освѣтило весь пароходъ съ неподвижно стоящими на немъ людьми.

Деревинъ командовалъ:

— Флагъ!... гюйсь!... и флаги поднять!...

Въ тотъ же мигъ оркестръ и хоръ дружно заиграли такъ давно неслышанный Русскій гимнъ. Горнисть на флангѣ, разрывая звуки гимна, проигралъ «открытие огня».

Съ праваго борта ударила пушка Гочкисса. Ей съ лѣваго отвѣтила другая. «Императорскій» салютъ въ 31 выстрѣлъ сталъ перекатываться съ борта на бортъ подъ звуки гимна.

Невольно всѣ скосили глаза къ кормѣ. Тамъ на мѣсто маленькаго «товаро-пассажирскаго» флачка экзотической республики, который развѣвался на Луарѣ, въ городѣ Сенъ Назэрѣ, величественно и красиво разворачивался бѣлый, съ голубыми діагоналями Русскій Андреевскій флагъ. На стеньгахъ гордо раскрылись Русскіе трехцвѣтные флаги, а по стеньгамъ, отъ клотиковъ небольшихъ мачтъ-крановъ, весь пароходъ загорѣлся пестрымъ узоромъ маленькихъ сигнальных флачковъ.

Въ рукахъ у солдатъ Нордековской роты отъ волненія качались ружья. У многихъ слезы текли по щекамъ.

Едва смолкъ салютъ, и послѣдніе звуки гимна, дрожа, пронесли надъ ставшимъ голубымъ океаномъ, — Ранцевъ громкимъ, воодушевленнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Русскому Государю, который будетъ... Безъ котораго не будетъ Россіи... могучее Русское ура!...

Снова грянулъ оркестръ. Ура покатилося по кораблю. Нифонтъ Ивановичъ сорвалъ съ головы поварской колпакъ и махалъ имъ въ какомъ то дикомъ возбужденіи. Въ этотъ мигъ, всѣмъ этимъ людямъ, — среди нихъ было много отчаявшихся, утратившихъ вѣру въ воскресеніе Россіи — казалось: и точно взошло солнце и родилась съ нимъ Россія.

— Великой Россіи ура!...

И опять гимнъ хора, гимнъ оркестра и громовое, до хрипоты, страшное, восторженное ура.

— Р-рота къ ногѣ!...

Въ казавшейся послѣ крика и музыки особенно внушительной тишинѣ чуть слышно стукнули винтовки.

— Музыканты, барабанщики и горнисты — на молитву!...

Мелодичный сигналъ внесъ успокоеніе въ взволнованныя сердца.

— На молитву!

Ружья склонились къ локтю лѣвой согнутой руки.

— Шапки долой!

Хоръ Гласова мѣрно, молитвенно тихо и умиленно красиво запѣлъ «Отче нашъ». Къ его пѣнію пристала рота. Звуки росли, ширились, и точно молитва лилась и рвалась къ самому небу и не могла быть тамъ не услышанной.

— Музыканты, барабанщики и горнисты — на-
кройсь!... Музыканты, барабанщики и горнисты — от-
бой!

Накрылись, взяли винтовки къ ногѣ. Приказано было стать вольно.

Ванечка Метелинъ подошелъ къ радіо пріемнику и ровнымъ, отчетливымъ, чеканнымъ, хорошо обработаннымъ для радіо-передачи голосомъ сталъ говорить:

— Сталинъ!... Ты слышалъ?... Молотовъ и Зиновьевъ, вы слышали?... Ворошиловъ, Буденный, Тухачевскій, Блюхеръ, вы всѣ, красные тираны Русской земли, вы слышали все это?... Русский народъ, всѣ, кто слышали, скажите тѣмъ, кто не слышалъ: — «Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ»... Вы слышали Русский гимнъ, вы слышали настоящую команду, вы слышали молитву православныхъ Русскихъ людей, вы слышали о чемъ думаютъ, чему и какъ они кричатъ ура... Жива Россія!... Не сломить вамъ ее вашими грязными продажными руками... Идетъ месть... Не сдобровать вамъ!... Русский народъ къ тебѣ идутъ освободители... Терпи — терпѣть осталось немного!... Жди — ждать осталось недолго!...

Было что то таинственное и страшное въ эти мгновенія на палубѣ «Мстителя». Будто вмѣстѣ съ радіо-волнами потянулись далеко на востокъ, гдѣ давно уже наступилъ день какія то незримыя, но явно ощущаемыя нити. Онѣ связали, пока еще тонкими, легко разрывае-
мыми путами этотъ маленькій плавучій городокъ подъ

Русскимъ Андреевскимъ флагомъ съ необъятными просторами великой Россіи, стонущей подъ красными тряпками кроваваго третьяго интернаціонала.

Радио-приемникъ былъ закрытъ.

Мертвая тишина стояла на палубѣ «Мстителя». Въ этой тишинѣ сухо, четко и очень официально прозвучали слова, сказанныя Ранцевымъ:

— Начальникамъ всѣхъ степеней прибыть къ восьми часамъ въ каютъ-компанію. Въ восемнадцать часовъ всѣмъ собраться безъ оружія на верхней палубѣ... Разойтись...

Рота повернулась налѣво и рядами стала спускаться на батареиную палубу. Было слышно только поскрипываніе новыхъ сапогъ, рипѣніе кожаной амуниціи, да иногда кто нибудь на порогѣ люка неловко стукнетъ прикладомъ.

Нордековъ шелъ сзади роты. Въ сущности случилось то, о чемъ онъ всѣ эти годы мечталъ. Гдѣ то въ глубинѣ робкій духъ шепталъ лукавыя рѣчи. Значить: — и точно — нѣтъ никакого кинематографическаго общества «Атлантида», но они призваны спасти Россію отъ коммунистовъ.

Съ ротою въ триста человѣкъ?...

Не авантюра-ли?...

И было страшно, смутно и жутко на душѣ у Нордекова.

XXX.

Въ каютъ компанію собрались задолго до восьми часовъ. Были хмуры, молчаливы и задумчивы. Всѣмъ такъ хотѣлось курить, говорить, обмѣняться впечатлѣніями утра и всѣ, или молчали, или говорили о пустякахъ. И только всегда бодрый и веселый Парчевскій, стоявшій рядомъ съ Нордековымъ, шепнулъ ему со всѣмъ тихо, такъ чтобы никто не могъ его услышать:

— Признайся: — думаешь, а попали мы таки въ грязную исторіюку?

Нордековъ сердито пожалъ плечами. Парчевскій угадалъ его мысли.

Послѣ не всегда сытой, но всегда спокойной и безответственной жизни заграницей, вдругъ сразу, въ это тихое, іюньское утро въ Атлантическомъ океанѣ, передъ ними всталъ во всей сложности и опасности вопросъ о борьбѣ за Россію.

Сколько разъ думали объ этомъ, сколько разъ обсуждали этотъ вопросъ въ Парижскихъ мансардахъ подъ раскаленными крышами, въ сизыхъ облакахъ табачнаго дыма, сколько разъ слушали на эту тему красивыя хлесткія рѣчи на собраніяхъ и банкетахъ, но никогда этотъ вопросъ не предполагалъ дѣйствія. Мало кто думалъ, что вотъ именно — это «я», своею шкурою, буду пробивать дорогу въ Россію. И «ура» кричали, и въ вѣрности вождамъ клялись — все съ тѣмъ большимъ пыломъ, чѣмъ дальше были отъ исполненія этихъ клятвъ.

Ихъ триста вооруженныхъ человѣкъ, идущихъ на простомъ пароходѣ, вооруженномъ пушками Гочкисса!

Тремястами человѣкъ освободить Россію отъ большевиковъ съ ихъ громадной красной арміей, съ ихъ одичалымъ, милитаризованнымъ народомъ, гдѣ даже женщины вооружены на защиту совѣтовъ. Идти бороться съ краснымъ воздушнымъ флотомъ, поставленнымъ нѣмцами, идти бороться въ государство съ непревзойденнымъ шпіонажемъ, сыскомъ и агитаціей, имѣющее въ резервѣ весь міръ, ненавидящій Россію и недопускающей возможности возстановленія въ ней Императорской власти. Идти опредѣленно съ монархическими лозунгами?!

Не сумасшествіе ли это?... Не попали ли они въ руки фанатика, полоумнаго, который только понапрасну погубить ихъ?...

Послѣ душевнаго подъема на разсвѣтѣ, вызваннаго трогательной и красивой церемоніей подъема Русскаго флага, послѣ музыки и слова, сказаннаго въ радіо, наступила въ этихъ истерзанныхъ, измученныхъ, столько разъ обманутыхъ въ ихъ надеждахъ душахъ естественная реакція. Такъ опошленное, но и такъ часто

повторяемое въ эти тринадцать лѣтъ слово — «авантюра» — шло на умъ не одному Нордекову. Подвигъ, къ которому ихъ призывали, казался невыполнимымъ, а потому и бесполезнымъ и ненужнымъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ боялись въ переживаемыхъ чувствахъ признаться самимъ себѣ, боялись, что другой угадаетъ, что творится на душѣ, и потому молчали.

Ровно въ восемь часовъ по корридору, идущему къ каютъ-компаніи раздались быстрые, четкіе шаги, портъера, отдѣлявшая каютъ-компанію отъ прохода широко распахнулась и въ ней появился, какъ въ рамѣ тотъ таинственный человѣкъ, именемъ котораго и волей всѣ они были здѣсь собраны.

Онъ былъ весь въ бѣломъ: Красивый кортикъ на ременномъ поясѣ стягивалъ его станъ. Онъ былъ высокъ, въ мѣру полонъ, строенъ. Смуглое лицо его было сухощаво. Голова покрыта сѣдыми, коротко стриженными волосами. Лицо было гладко брито. Темные глаза горѣли неугасаемымъ пламенемъ точно юношескаго цѣломудрія.

Нордековъ скомандовалъ:

— Господа офицеры!...

Человѣкъ въ бѣломъ сдѣлалъ шагъ впередъ и вошелъ въ каютъ-компанію. За нимъ вошелъ, слѣдовавшій за нимъ Ранцевъ.

Капитанъ Немо, чуть нагибая голову, поклонился офицерамъ. Ему отвѣтили низкимъ поклономъ.

Прошло нѣсколько долгихъ мгновений. Капитанъ Немо, молча, смотрѣлъ въ глаза офицерамъ. Казалось, онъ обладалъ способностью читать ихъ мысли. Офицеры стояли неподвижно. Многіе подъ волевымъ взглядомъ Немо потушили глаза.

— Спасти Россію... Это мечта cadaго изъ насъ съ самаго перваго дня этой проклятой революціи, — негромко, чеканнымъ и яснымъ голосомъ началъ Немо. И сразу было видно, что этотъ человѣкъ не привыкъ говорить, что онъ не умѣетъ говорить, но знаетъ, что сказать и сумѣетъ это сказать.

— Какъ спасти?... Какими такими силами?... Сила есть только одна: — сила самого Русскаго народа... Мы

знаемъ, что онъ въ разумной и болѣе зрѣлой своей части ненавидитъ большевиковъ и созданный ими анафемскій строй. Молодежь — наоборотъ... Она обманута, развращена... Ничего другого она не видала и не знаетъ... Ей внушили, что раньше, «при царяхъ» еще хуже было. Прошлое оклеветано. Кромѣ того — ужасный сыскъ и терроръ. Люди затравлены... запуганы... Они и рады бы возстать, и не могутъ... Они возмущаются, ихъ возстанія подавляются съ необычайною, садическою что ли? жестокостью. Эта жестокость остается неотомщенной... Прибавьте къ этому, что за ними, работая для нихъ, стоитъ весь, погрязшій въ матеріализмѣ и практицизмѣ, такъ называемый — культурный міръ. Ему ненавистна христіанская, православная, вѣровавшая въ Бога старая Императорская Россія. Этотъ міръ не дастъ большевикамъ пасть. И мы должны признать, что насъ ожидаетъ война не только съ большевиками, но и со всѣмъ міромъ...

Этотъ человѣкъ хорошо былъ освѣдомленъ. Онъ зналъ положеніе вещей и, во всякомъ случаѣ, онъ не строилъ себѣ иллюзій.

Легкій вздохъ раздался въ наступившей на мигъ тишинѣ.

— То есть, конечно, это не такъ... не совсѣмъ такъ, — продолжалъ Немо. — Весь міръ, именно, весь міръ ненавидитъ коммунистовъ не меньшею ненавистью, чѣмъ мы. Но во главѣ правительствъ вездѣ стоятъ социалисты, младшіе братья коммунистовъ, и мы присутствуемъ при странномъ и совсѣмъ неестественномъ союзѣ капитала съ коммунизмомъ. Міръ усталъ послѣ войны. Современная Европа — это выпашь, истощенное поле, не могущее ничего родить. Міръ сталъ трусливъ и мягкотѣлъ. Его мечты: — миръ, разоруженія, отсутствіе кошмарнаго призрака войны. Коммунисты застрашиваютъ его своими — жестокостью, наглостью и пуганіемъ войною.

Капитанъ Немо остановился. Было похоже, что онъ потерялъ нить своей мысли. Онъ строго и пытливо обвелъ глазами офицеровъ.

— Надо повести неумолкающую ни на минуту, мощ-

ную пропаганду о вредѣ коммунизма. Надо вездѣ, и за границей и въ Россіи повторять объ этомъ. Слово, пѣніе, музыка, газета, книга, радіо, кинематографъ, театръ, церковная кафедра, — все... все... все должно кричать противъ коммунистовъ... Надо во всей Россіи поднять повсемѣстное возстаніе. Надо возставшимъ дать начальниковъ и руководителей, надо вооружить ихъ... Надо лютою, жидовскою мстью мстить тѣмъ, кто пойдетъ подавлять это возстаніе... Надо тамъ, въ самой Россіи, создать въ противовѣсъ красной арміи свою Русскую армію. Надо пробудить самосознаніе и духъ смѣлой предприимчивости въ старшемъ поколѣніи, надо открыть глаза молодежи. Вотъ, задача Русской эмиграціи, если она хочетъ быть достойной своего великаго отечества. Вотъ та задача, которую я поставилъ себѣ и вамъ, кого я обманомъ позвалъ идти за собою.

Капитанъ Немо на минуту опустилъ свою голову. Онъ ее сейчасъ и поднялъ и съ большою силою продолжалъ:

— Я часто слышалъ, какъ говорили: — «почему у насъ нѣтъ своего Муссолини?... Почему среди насъ не появится свой Русскій Хитлеръ, который поведетъ насъ къ спасенію Родины?» Я бы уже скорѣе сказалъ: — «почему въ двадцатомъ вѣкѣ невозможно повтореніе семнадцатаго вѣка, и нѣтъ среди насъ ни Мининыхъ ни Пожарскихъ?»... Праздный вопросъ, господа. Минины и Пожарскіе, Муссолини и Хитлеры не могутъ родиться на чужой сухой почвѣ. Они требуютъ родного чернозема. Великій Князь Николай Николаевичъ говорилъ: — «если бы мы могли имѣть хотя одну квадратную версту своей, Русской земли, мы могли бы работать...» Мы этой квадратной версты, гдѣ мы можемъ дѣлать все, что мы хотимъ, до сего времени не имѣли. И потому жестокіе безумцы тѣ, кто упрекаетъ нашихъ «вождей» въ томъ, что они никуда не ведутъ. Надо работать... Надо вести пропаганду... Надо поставить радіо... Кто позволить?... Надо послать на аэропланахъ, — ибо какъ же иначе? — подмогу возстающимъ въ Россіи. Кто позволить купить, кто выпустить, да еще во-

оруженный аэропланъ, направленный въ совѣтскую республику, которой всѣ боятся, которою всѣ подкуплены и передъ которой всѣ заискиваютъ... Безъ свободной базы нельзя ничего дѣлать.

Капитанъ Немо сдѣлалъ длинную паузу. Было слышно, какъ подъ килемъ быстро идущаго парохода шумѣла вода океана и мѣрно стучала машина.

— Я эту базу имѣю. Я васъ везу на эту базу. Оттуда мы можемъ говорить, пѣть и играть такъ, какъ мы это сдѣлали сегодня при подъемѣ флага и все, что мы захотимъ, чтобы слышали въ Россіи или заграницей то и будетъ слышно, благодаря прекраснымъ изобрѣтеніямъ, секретомъ коихъ обладаю я. Я одинъ... Тамъ мы можемъ свободно и никого не боясь изготовлять такія средства борьбы, которыхъ никто не знаетъ и съ которыми и васъ, такихъ малочисленныхъ будетъ достаточно, чтобы застрашать самыхъ вѣрныхъ, самыхъ преданныхъ слугъ третьяго интернаціонала... Тамъ я смогу безпрепятственно собрать изготовленные для кинематографическаго общества «Атлантида» аэропланы и распорядиться ими такъ, какъ я хочу. Послать ихъ, куда хочу, и съ кѣмъ и чѣмъ хочу...

Нѣсколько минутъ капитанъ Немо молчалъ. Потомъ съ неукротимой волей продолжалъ. Въ его страстномъ голосѣ, рѣзко и четко раздававшемся по каютѣ компаніи былъ такой увѣренный приказъ, что холодъ пробѣжалъ по жиламъ Нордекова и ноги его обмякли.

— Я пошлю ихъ... Полетите туда, въ Россію... вы... Вы, кого я выберу... Кого назначу... Кому прикажу... Кого признаю достойнымъ этого счастливаго жребія... Но вы полетите туда во всеоружіи знанія. Тамъ, гдѣ триста человѣкъ ополчились на войну съ цѣлымъ міромъ, тамъ нельзя воевать винтовками и пушками и дѣйствовать конными атаками. Тамъ: — страшный ядъ... обманъ... Переодеваніе въ одежды противника. Пользованіе его средствами... Тамъ поднятіе противъ врага населенія и ужасная неслыханная месть предателямъ и тѣмъ, кто пойдетъ умирять возставшихъ...

Капитанъ Немо еще разъ окинулъ острымъ взглядомъ внимательно слушавшихъ его офицеровъ.

Одни стояли смѣло, съ вызовомъ глядя въ глаза Немо. Ихъ глаза говорили: «пошли меня... Меня, въ первую очередь». Другіе потупились въ смущеніи. Грандіозность плана ихъ подавляла. Новизна пугала. Такъ просто было маршировать и дѣлать ружейные приемы и такъ казалось совсѣмъ не простымъ летѣть въ Россію и тамъ дѣйствовать ядами и обманомъ.

Капитанъ Немо оглянулся на Ранцева. Тотъ стоялъ прямо, на вытяжку, глядя острымъ немигающимъ взглядомъ въ глаза офицеровъ, точно запоминалъ онъ выраженія ихъ лицъ, чтобы въ будущемъ знать, кто чего стоитъ.

— Однако, одной вашей Русской работы мало. Когда поднимется возстаніе въ Россіи, когда Русскіе станутъ одолѣвать коммунистовъ, тогда на защиту ихъ встанетъ весь капиталистическій міръ, и мы должны быть готовы парализовать его работу, запугать его такъ же, какъ запугивали и запугиваютъ его коммунисты. Для этого мною взяты иностранцы, французы и нѣмцы. Эти люди, такъ же, какъ и вы, поняли весь вредъ коммунизма и они такіе же страстные, смѣлые и непоколебимые враги его, какъ и вы.

Стало яснѣе въ головахъ тѣхъ, кто волновался вчера, кого пугала авантюра. Авантюра то оставалась, но какъ то по новому она выглядѣла, и въ этомъ новомъ была надежда на успѣхъ. Когда смотрѣли на Немо — эта надежда обращалась въ вѣру, такъ смѣло и просто смотрѣлъ онъ на всѣ трудности, которыя понималъ и недооцѣнивалъ.

Опять стало тихо въ каютъ-компаніи. Съ палубы доносилось согласное пѣніе — хоръ Гласова спѣвался къ новому концерту для радіо.

XXXI.

— Мнѣ пришлось васъ всѣхъ обмануть... — сказалъ послѣ долгаго молчанія капитанъ Немо. — Кинематографическое общество «Атлантида»... Зачѣмъ это?... Отчего такое святое, чистое и прямое дѣло, какъ спасеніе Россіи... всего міра отъ коммунистовъ, начинать съ обмана?... А, какъ же, господа, было поступить иначе? Ни средствъ, ни времени, ни людей, ни знаній не хватило бы, чтобы все создавать самому. Нужны заводы, фабрики, нужна вся эта безумная техника современнаго міра, чтобы все приготовить скоро, дешево и хорошо. Готовить для Россіи оружіе, оборудовать совсѣмъ особенную химическую лабораторію, строить радіоаппараты, заказывать части аэроплановъ, наконецъ, собрать цѣлую роту молодыхъ людей и обучать ихъ военному строю, да кто же и гдѣ это позволитъ? При теперешнемъ то сыскѣ, при теперешней то жадѣ обо всемъ, мало-мальски пахнущемъ войною, доносить по начальству — мигомъ все отобрали бы, выслали бы, а то и арестовали бы... Но все это — для развлеченія толпы.. Совсѣмъ другое дѣло... Развѣ не замѣтили вы, что кинематографъ, футболь, матчи боксеровъ, все, что собираетъ большія, ревущія отъ восторга толпы, пользуется совсѣмъ особыми правами. Имъ подчинены дипломаты, ихъ слушаютъ парламенты и въ палатѣ депутатовъ къ нимъ особенно внимательны... Сколько вещей, морально совсѣмъ недопустимыхъ, показываютъ въ кинематографѣ, боксерскіе поединки обратились въ гладіаторскія игры, гдѣ часто смерть ожидаетъ одного изъ борющихся. Но это все позволено, ибо — для толпы — этого подлиннаго тирана современнаго міра... Толпа, а она вездѣ, на заводахъ, въ таможняхъ, на верфяхъ, — толпа привѣтствовала мысль какого то анонимнаго общества «Атлантида» поставить нѣчто совсѣмъ изъ ряда вонъ выходящее, нѣчто потрясающее, и она одобрила и покупку парохода, оборудованнаго, какъ крейсеръ и даже его вооруженіе. Для кинематографа!!... А скажи я, что это

нужно, чтобы какая нибудь совѣтская лодка, пронюхавъ о нашемъ путешествіи, не настигла насъ въ дорогѣ, — и сейчасъ же пошли бы запросы въ палатѣ, разговоры объ интервенціи и вмѣшательствахъ во внутреннія дѣла дружественнаго государства!

— Но неужели никто такъ таки и не догадался и не заподозрилъ? — несмѣло спросилъ Парчевскій.

Капитанъ Немо такъ себя поставилъ, что, казалось, нельзя было ему задавать вопросовъ. И, если бы капитанъ Немо совсѣмъ не отвѣтилъ на вопросъ, никому и въ голову не пришло бы обижаться.

Но капитанъ Немо отвѣтилъ съ полною готовностью и очень любезно.

— Конечно, не только догадывались, но и прямо знали, для чего это дѣлается. Заказать десятки тысячъ ружей и тысячи пулеметовъ... не для кинематографа же это было нужно?... Такъ же какъ и миллионы патроновъ. Знали, и потому на верхахъ, гдѣ отлично понимаютъ весь роковой вредъ коммунистовъ намъ всячески помогали.. Они вѣдь связаны толпою, и они привѣтствовали, что мы замаскировали себя отъ толпы обществомъ «Атлантида».

— Почему вы, господинъ капитанъ, не сказали намъ этого сразу? Какъ намъ все было бы легче. Хотя бы нѣкоторымъ, довѣреннымъ... И безъ того догадывающимся, — сказалъ генералъ Чекомасовъ.

— Какъ могъ я сказать объ этомъ въ Парижѣ?... У каждого есть родные, близкіе, знакомые... Наконецъ, въ порядкѣ своей дисциплины, многіе проболтали бы о моей тайнѣ. И она стала бы достояніемъ толпы. Появились бы вездѣсущіе газетные репортеры, и все дѣло было бы сорвано, еще не начавшись. Сколько было тому примѣровъ! Вспомните, какъ мы ни береглись, а какая то анкета была... Кому то, и бѣлому притомъ, было нужно знать, что же это за кинематографическая съемка, о которой въ кинематографическомъ мірѣ какъ разъ и не говорятъ... Вѣрьте мнѣ, господа, пока эмиграція не научится молчать, какъ умѣютъ молчать въ совѣтской республикѣ, иначе поступать нельзя.

Казалось, капитанъ Немо кончилъ. Онъ сдѣлалъ движеніе, опять нѣчто въ родѣ поклона, чтобы уходить, но тутъ осмѣлѣвшій Нордековъ задалъ ему волновавшій его вопросъ.

— Намъ все-таки неясно... Повидимому, вы предполагаете вести войну съ большевиками совсѣмъ особеннымъ образомъ: — пропагандой, газами, аэропланами, словомъ какъ то по новому... Такъ для чего же вамъ понадобилась старая муштровка, повороты, ружейные приемы, маршировка подъ барабанъ, наконецъ, наша однообразная одежда, форма, такъ сказать, эти сабли? — Нордековъ не безъ тщеславнаго удовольствія прикоснулся къ блестящимъ ножнамъ висѣвшей у него на боку сабли.

Немо укоризненно покачалъ головой. Точно говорилъ онъ: — «какъ же вы позабыли, что это азбука военного дѣла».

— Муштровка, мундиръ, оружіе, всегда носимое — создаютъ солдата. Когда придемъ на мѣсто, придется и ротныя ученія пройти, и пострѣлять, и стрѣлковому дѣлу поучиться. Вамъ, именно вамъ, придется стать учителями и создателями той Русской арміи, которая должна будетъ замѣнить красную армію. Какъ же вы создадите изъ крестьянина колхозника, изъ рабочаго, изъ Соловецкаго или Нарымскаго узника и ссыльно-поселеннаго доблестнаго солдата Русской арміи, какъ не этими старыми, вѣрными, испытанными и ничѣмъ незамѣненными и незамѣнимыми путями и методами? Одни изъ васъ ихъ основательно позабыли, другіе и вовсе не знали. Мнѣ надо было ихъ вамъ напомнить... Ну и для кинематографа тоже... Толпѣ это понятно, что въ кинематографѣ войска должны быть и молодцовато выправленными и хорошо муштрованными... Теперь когда вы знаете, что васъ ожидаетъ... Я никого не неволю... Силою заставлять кого бы то ни было спасать Россію я не намѣренъ... Могу... но не хочу... Кто изъ васъ не желаетъ, считаетъ, что я его обманулъ?... Тому заявить Петру Сергѣевичу Ранцеву о томъ... Отпустить, вы сами понимаете, такихъ людей до срока я не могу... Слишкомъ много они знаютъ. Тотъ будетъ жить на острову... и сниматься...

для фильмы въ обществѣ «Атлантида»... Согласно съ контрактомъ — въ теченіе года...

Натянутыя улыбки появились на лицахъ офицеровъ.

Капитанъ Немо поклонился и вышелъ въ сопровожденіи Ранцева изъ каютъ-компаніи.

XXXII.

Въ шесть часовъ вечера пассажиры «Мстителя» стали собираться на палубѣ. На ней уже были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія для показа чего то. Большая часть палубы на ютѣ была отгорожена шнуркомъ, и за нимъ въ большомъ соломенномъ пароходномъ креслѣ сидѣла, развалиясь, обезьяна. Она была одѣта въ бѣлый тропическій костюмъ, свободно на ней висѣвшій. Ея коричневая голова, покрытая рѣдкими, сбитыми, неприглаженными волосами, похожими на шерсть, ея морщинистое лицо, поросшее клочьями сѣдыхъ и бурыхъ волосъ, носъ, широкими открытыми ноздрями торчащей впередъ, маленькіе, острые, сверлящіе глазки, все это было такое нечеловѣческое, обезьянье, что многіе и точно были далеко не увѣрены, что передъ ними человѣкъ. Два нѣмца изъ четвертаго взвода Нордековской роты были при ней. Въ довершеніе возможности предположенія, что это и точно была обезьяна, тутъ же подлѣ стояли ящики съ морскими свинками и кроликами, будто и впрямь пассажирамъ «Мстителя» собирались показать какой то звѣринецъ. Электрическій моторъ, ящики съ склянками, шесты на штативахъ были поставлены кругомъ обезьяны.

— Глянь, какой страшный... Что же это за звѣрюга такая?... — безцеремонно показывая на обезьяну пальцемъ, спрашивалъ Фирсъ Агафошкинъ, протискавшійся въ первые ряды.

— Человѣкъ это, али нарочно, такъ для обмана, сдѣлано?

Вопросы и замѣчанія Фирса создавали въ толпѣ

смѣшливое, не серьезное настроеніе. Ожидали какого то, забавнаго, занятнаго представленія и, конечно, никакого отношенія не могущаго имѣть къ такому дѣлу, какъ спасеніе Россіи.

Команды: — «смирно» и «господа офицеры» прекратили шутки и разговоры.

Ранцевъ вышелъ на палубу.

— Господа офицеры, — сказалъ онъ. — Прошу стоять вольно и прослушать мои объясненія.

Онъ подошелъ къ обезьянѣ и поздоровался съ нею.

— Глянь, какая ученая, — прошепталъ Фирсъ. — Лапку даешь, совсѣмъ, ну — человѣкъ.

— Господа, — сказалъ Ранцевъ, — позвольте вамъ представить нашего сотрудника, знаменитаго химика Карла Леопольдовича Вундерлиха.

— Профессора Вундерлиха, — приподнимаясь съ кресла, — сказала обезьяна.

— Профессора Вундерлиха, — поправился Ранцевъ. — Когда вамъ придется работать въ Россіи, постоянная опасность доведетъ ваши нервы до страшнаго напряженія и вамъ будетъ нужно гдѣ то отдохнуть, собраться съ силами, перевооружиться, приготовить все вамъ нужное въ полной безопасности, зная, что никто вамъ не можетъ помѣшать... Вамъ тамъ надо будетъ имѣть собственную базу...

Обезьяна приподнялась и рукою тронула Ранцева, показывая, что она будетъ сама объяснять.

Ранцевъ отошелъ въ сторону.

— Когда ви биль дѣти, — начала обезьяна, моргая маленькими глазами и хитро поглядывая на окружающихъ ее пассажировъ «Мстителя». — Когда ви биль маленьки, ви играль въ «кошка -мишка». Кошка появилась — миши въ домъ. Большевикъ это кошка... Ви — миши... Большевикъ появился — мишамъ надо спрятаться... Достать нельзя.

Вундерлихъ сказалъ нѣсколько словъ по-нѣмецки солдатамъ и тѣ поставили у бортовъ шесты съ зажимами.

Вундерлихъ показалъ на шесты.

— Слыхаль въ банкахъ, у кассъ пускаютъ такой

лучь... Человѣкъ пошешь — его убьютъ... Вотъ это тоже мои лучи. Здѣсь пускайть, тамъ принимайть... Далеко, хоть десять километровъ... Кто идетъ между, тотъ попадаетъ въ лучи... Ви сидитъ въ домъ, за эти шести. Миши идутъ.. Теперь, смотрите, что происхождайтъ.

Онъ досталъ изъ ящика маленькую стеклянную баночку съ бѣлымъ порошкомъ и далъ ее солдату.

Тотъ укрѣпилъ ее на одномъ изъ штативовъ, давая направленье стрѣлкѣ къ другому штативу, стоявшему у противоположнаго борта. Моторъ сталъ неслышно работать.

— Ви ничего не видитъ. Ничево и нѣтъ. Можете ходить сколько угодно. Пожалуйста ко мнѣ.

Но никто не двигался съ мѣста. Все было такъ таинственно, что казалось страшнымъ.

— Пожалуйста... Пожалуйста, ничего не бойсь. Ничего страшнаго.

Всѣ жались другъ къ другу, никто не трогался съ мѣста.

— Факсъ, иди ко мнѣ, — сказалъ Ранцевъ.

Ферфаксовъ, стоявшій у борта послушно и смѣло, легкой охотничьей походкой прошелъ между шестью къ Ранцеву и обратно.

— Нишего и нѣтъ, — кривясь въ безобразной усмѣшкѣ, сказалъ Вундерлихъ... — Теперь пускаю. Это смѣхучій.. Кто идетъ — смѣется... Хочетъ, не хочетъ — смѣется.. Дольго... Цѣлій часъ смѣется.. такой смѣхачъ... Идти не можетъ... Поворачивайть назадъ... Спазма... Надо докторъ... Н-ню, между прочимъ... благополюшна... Смѣхъ это здорово... Ошень хорошо для пишшевареній. Н-ню, кто желайть?... Маленькій смѣхачъ.

— Господа, — сказалъ Ранцевъ, желаете попробовать. Ничего опаснаго для здоровья нѣтъ. Это вы будете употреблять, когда пожелаете оградить себя отъ ненужныхъ глазъ и ушей, но не желаете дѣлать зло.

Фирсъ Агафошкинъ стоялъ сбоку и впереди всѣхъ. Въ бѣломъ колпакѣ и поварскомъ фартукѣ онъ глупо ухмылялся, видимо сильно захваченный всѣмъ, что тутъ показывалось.

— Н-ну, — протянулъ онъ. — Ньюжи же такая штука, чтобы смѣяться, ежели я, къ примѣру, плакать хочу?

— Иди, Фирсь, — подтолкнулъ его Мишель Строговъ, стоявшій рядомъ съ нимъ.

— А что?... Не пойду?... — куражась и выступая впередъ, сказалъ Фирсь. Онъ чувствовалъ себя предметомъ всеобщаго вниманія и это подмывало его. — Отчего не пойти?... Да я!... Съ Ереминскаго хутора казаки да ничего такого не пугались. Что мнѣ обезьяна сдѣлаетъ?... Подойду и скажу: — «дай мнѣ лапку, какъ генералу подавала»... Что тутъ страшнаго. Одна химія и только.

Прикрывая сгибомъ локтя лицо и точно бросаясь черезъ огонь, Фирсь Агафошкинъ стремительно побѣжалъ къ Вундерлиху.

Но, едва онъ дошелъ до линіи между штативами, какъ точно какая то невидимая сила откинула его назадъ. Онъ схватился руками за животъ и кинулся обратно въ толпу, сгрудившуюся подлѣ шканцевъ.

— Ха-ха-ха, — вопилъ онъ, корчась отъ смѣха. — Хо-хо-хо... Вотъ умора то!... Ой-ой-ой... — Обезьяна то!... ха-ха-а!...

Это было такъ странно и неожиданно, что кое кто не повѣрилъ. Казалось, что Фирсь просто дурить, представляется... Молодой летчикъ Вѣха пошелъ медленными осторожными шагами черезъ невидимый лучъ. Но едва дошелъ до него, какъ повернулъ обратно. Видно было, какъ онъ всѣми силами старался удержать смѣхъ. Лицо его кривило спазмой, наконецъ, прорвало и —

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха... — присоединилъ онъ свой смѣхъ къ неистовому дикому хохоту Фирса.

Еще два, три человѣка бросились, пытаясь быстро проскочить роковую полосу, но и ихъ невидимая сила отбрасывала и они корчились въ спазмахъ смѣха. Всѣхъ ихъ переловилъ докторъ Пономаревъ и повелъ въ пріемный покой отпаивать и успокаивать. И долго по трапамъ и корридорамъ парохода раздавалось неистовое, истерическое:

— Ха-ха-ха... хи-хи-хи... хо-хо-хо!...

XXXIII.

Ранцевъ остановилъ токъ. Помощникъ Вундерлиха вынулъ склянку. Профессоръ досталъ изъ ящика колбочку съ розовымъ порошкомъ. Ее вставили на мѣсто прежней.

— Теперь, — самодовольно говорилъ Вундерлихъ, — это плакучій. Кто теперь идетъ — плакать будетъ... Горько плакать... Н-ню тоже не опасно для здоровья ничуть... Слезы это тоже иногда очень карашо... Успокаивайтъ нервы.

Но плакать, повидимому, никому не хотѣлось.

«Волевой» человѣкъ Мишель Строговъ, — ему эти опыты чрезвычайно понравились, въ нихъ онъ увидаль хорошее средство испытанія воли — вышелъ впередъ.

— Н-ну, — съ сомнѣніемъ въ голосъ протянулъ онъ и пошелъ твердыми шагами боксера, идущаго на противника черезъ полосу. Было видно, какъ, вступивъ въ промежутокъ между шестами, онъ заставлялъ себя сдѣлать еще шагъ, но потомъ схватился за глаза руками и быстро пошелъ назадъ. Слезы градомъ лились изъ подъ пальцевъ. Непроизвольная спазма рыданій кривила лицо. Онъ уже не въ силахъ былъ дольше держаться и громко зарыдалъ. Докторъ Пономаревъ подхватилъ его подъ руки и бережно повелъ внизъ. Зрители стояли, нахмурившись. Никто не пожелалъ повторять опыта Мишеля Строгова.

Склянку съ розовымъ порошкомъ вынули, самъ Вундерлихъ пошелъ вставлять въ штативъ новую скляночку съ сѣрымъ порошкомъ.

Онъ обратился къ Ранцеву:

— Я попросилъ бы васъ поставить офицеръ впередъ, чтобы никто не ходилъ теперь. Это очень опасный лучъ... Это «капучій»... Теперь, кто идетъ... большевикъ... шмертъ...

Его помощники перенесли кроликовъ и морскихъ свинокъ къ публикѣ. На палубѣ было томительно тихо.

— Знаешь, — прошепталъ Парчевскій, обращаясь къ Нордекову, — совсѣмъ, какъ въ циркѣ передъ какимъ нибудь опаснымъ сальто мортале. И чего не придумалъ человѣкъ? Не даромъ онъ и на человѣка не похожъ...

— Fertig? — спросилъ Вундерлихъ.

— Jawohl, — отвѣтилъ помощникъ, державшій клѣтки.

— Пускайте кроликъ и швиней.

— Не надо... не надо, — раздались голоса. — Вѣримъ и такъ!

Кролики и свинки побѣжали за приманкой. Едва они достигли роковой черты, какъ стали падать и дрыгать лапками въ смертельной конвульси.

Тяжелая тишина стояла на палубѣ. Помощники Вундерлиха выбросили тѣла свинокъ и кроликовъ за бортъ на сѣденіе акуламъ. Всѣ вдругъ заговорили.

— Да... Ну и придумано, — сказалъ Нордековъ. — Дьявольская какая штука.

— А какъ же противъ большевиковъ то! Другого средства нѣтъ!... Травить ихъ, подлецовъ надо, — сказалъ Амарантовъ.

— Это какъ въ крѣпости, за такими лучами.

— Если не вретъ профессоръ, что на десять верстъ идетъ его лучъ такъ лучше всякой крѣпости.

— Изъ пушекъ пали, не долетить.

— Главное, господа, то, что можно поставить въ любомъ мѣстѣ.

— И притомъ совершенно непримѣтно.

— Д-да... Это не авантюра.

— Какая тамъ авантюра!... Самого Сталина смѣяться заставимъ.

— А потомъ и плакать...

Возбужденіе становилось сильнѣе. Люди перемѣшались и какъ то не замѣтили, какъ Вундерлихъ съ его аппаратами исчезъ, точно сквозь палубу провалился. На мѣсто его «штучекъ» поставили небольшой радіо-приемникъ и завели моторъ. Хоръ Амарантова и пѣвчіе Гласова приблизились къ нимъ.

Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. «Мститель» несся по спокойному океану. Передъ нимъ спускалось къ морской равнинѣ румяное солнце.

XXXIV.

Высокій сѣдобородый финляндецъ подошелъ къ аппарату и сталъ объяснять его устройство.

— Господа, если кто изъ васъ знакомъ съ аппаратами радіо, тотъ можетъ видѣть, что мой аппаратъ нѣсколько иного устройства, чѣмъ всѣ практикуемые теперь аппараты. Сейчасъ въ Европейской Россіи поздній вечеръ. Во всѣхъ казармахъ, въ лагеряхъ, въ клубахъ красныхъ командировъ, въ избахъ читальняхъ люди собрались подлѣ своихъ и общественныхъ радіо-аппаратовъ, чтобы слушать объявленную программу. Я беру своимъ приборомъ ихъ волну. Я слушаю ихъ, и потомъ я пускаю особую свою волну. Назначеніе ея съѣсть, такъ сказать, ихъ волну, уничтожить ее, не заглушить шумомъ, какъ это дѣлается обыкновенно, но просто парализовать ее. Я не буду объяснять вамъ техническихъ подробностей, какъ это дѣлается. Скажу только, я заставляю ихъ аппараты замолчать, и сейчасъ же пускаю свою волну и она имъ всюду, гдѣ они приготовились слушать свое даетъ наше. Я имъ навязываю въ ихъ же аппараты свою программу. Сегодняшняя наша программа предназначена для красной арміи по преимуществу. У нихъ сегодня... — Лагерхольмъ вынулъ записочку — у нихъ сегодня... въ эти часы... Да.. Станція «и м е н и К о м и н т е р н а»: — «Комсомольская Правда» — это передача газетнаго номера. «Крестьянскія передачи», — «Музыка танца», станція «О п ы т н ы й п е р е д а т ч и к ъ»: — «часъ піонера и школьника», «лекція по физ-культурѣ» и «Русскія пѣсни».. Какъ видите, программа небогатая и какъ далеко ей до европейскихъ программъ. Возьмемъ для начала станцію «имени Коминтерна».

Лагерхольмъ покрутилъ кружки, навелъ, прислушался, навелъ еще, повернулъ аппаратъ, и сейчасъ же ясно и четко, будто тутъ рядомъ кто то говорилъ, раздалось:

— Бюрократизмъ, помноженный на безотвѣтственность, сложенный съ нелегкой организаціей аппарата даетъ вотъ какіе плоды...

— Ну, это очевидно «Комсомольская Правда» передаетъ содержаніе своего номера. Итакъ мы начинаемъ вмѣсто ихъ скучной ,всѣмъ въ зубахъ навязшей чепухи подавать нашу программу. Викторъ Павловичъ, прошу начинать...

Амарантовъ взмахнулъ бѣлой палочкой.

— Разъ, два, три... четыре...

Прекрасный оркестръ заигралъ старинный «Петровский» маршъ.

Какъ только онъ кончилъ, хоръ Гласова, дополняя и освѣщая то, что игралось запѣлъ:

— Знають турки насъ и шведы
И про насъ извѣстенъ свѣтъ...
На сраженья, на побѣды
Насъ всегда самъ царь ведетъ...

Красивымъ переливомъ, понизивъ голоса, пѣвчіе продолжали:

— Съ нами трудъ онъ раздѣляетъ,
Съ нами онъ всегда въ бояхъ,
Счастьемъ всякъ изъ насъ считаетъ —
Умереть въ его глазахъ...

— Кто тамъ въ Россіи слыхалъ когда эту пѣсню, тотъ пусть ее вспомнитъ, кто никогда не слыхалъ, пусть узнаетъ во что вѣрила, чему служила старая Русская армія, — сказалъ Ранцевъ.

Послѣ пѣвчихъ къ аппарату подошелъ Ванечка Метелинъ и своимъ красивымъ, приспособленнымъ для радіо голосомъ сталъ говорить:

— Слушайте Русскіе, что вамъ говоритъ Русская Правда: — «Русскій царь Александръ Второй уничто-

жилъ крѣпостное право... Да будетъ имя его благословенно во вѣки!... Инородецъ коммунистъ Сталинъ возстановилъ крѣпостное право. — Да будетъ его имя проклято во вѣки!»

Снова заигралъ оркестръ. Съ рѣдкимъ подъемомъ — музыкантамъ казалось, что они видятъ необъятную Россію, слушающую ихъ черезъ сотни радіо — оркестръ игралъ «увертюру 1812-го года» Чайковского.

Настроение оркестра передавалось и слушателямъ на палубѣ. Всѣ задумались, всѣ притихли... Мысли каждаго были тамъ, куда невидимыя волны несли прекрасную музыку, полную патріотическаго порыва и вдохновенія.

Программа продолжалась.

— «Братская пѣсня», — провозгласилъ Метелинъ. И съ молитвеннымъ умиленіемъ началъ:

— Вѣйся бѣло-сине-красный,
Братскій Крестный Стягъ...
Всѣ — къ прекрасной цѣли ясной!...
Сгинетъ красный врагъ!...

Ужъ даетъ святыя всходы
Братскій нашъ постѣвъ!...
Съ братскимъ знаменемъ свободы
Встанетъ Русскій гнѣвъ!

И придетъ на гибель Змію
Русской Правды часть.
Господи!... Спаси Россію!...
И помилуй насъ!...

Павшимъ — рай!... На бой живые!...
Коммунизмъ умереть!...
Съ нами Богъ!... Жива Россія!...
За нее впередъ!...*)

Глубоко задумавшись стоялъ Нордековъ. Онъ да-

*) Изъ пѣсень и призывовъ Братства Русской Правды.

же не слышалъ, какъ прекрасный баритонъ Гласовскаго хора запѣлъ пѣсню о Кудеярѣ.

«Если все это меня такъ волнуетъ», — думалъ Нордековъ. — «Что же должны испытывать въ Россіи, гдѣ одни никогда не слыхали такого смѣлаго слова, такого открытаго призыва къ борьбѣ и побѣдѣ, другіе, можетъ быть, когда и слыхали, да совсѣмъ позабыли и опустились въ тяжелой повседневной жизни. Господи, спаси Россію и помилуй насъ!

И, если это будетъ каждый день... постоянно будить, сѣять новыя мысли, толкать на борьбу? Отъ слова родится дѣло... И мы ему поможемъ»...

Въ его мысли ворвались громкія и убѣдительныя слова Метелина. Онъ опять стоялъ у аппарата.

— Красноармеецъ!... Зачѣмъ у тебя голова на плечахъ и штыкъ въ рукахъ... Чтобъ помогать держать твою мать Россію въ рабствѣ?... Кому ты долженъ передъ своею совѣстью служить?... Народу?... А?... Народу?... Народу?!... Народу?! Такъ и служи народу. Избавь его отъ разбойничьяго Антихристова ига... Подымай на штыки комиссаровъ!... Требуй отъ Русскихъ пачальниковъ, чтобы вели тебя добывать Русскую власть и Русскую свободу!... Становись подъ Русское знамя!... Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ...*)

— Вотъ это, ваше высокоблагородіе, — сказалъ незамѣтно подошедшій къ Нордекову Нифонтъ Ивановичъ, — и точно утѣшительное слово. Радостно слушать... Нехай тамъ послушаютъ и вникнуть...

Солнце заходило. Оно коснулось краемъ морскихъ просторовъ. Трубачъ протрубилъ повѣстку къ зарѣ. Рота Нордекова стала строиться на повѣрку. Радіо концертъ былъ конченъ.

Когда расходились по каютамъ у всѣхъ была одна мысль.

«Да, это для Россіи.... Да, это за Россію... Это не наша прошлая партійная грызня... Это точно настоящее дѣло... Кто намъ тутъ на «Мстительѣ» посмѣетъ помѣшать дѣлать, что мы хотимъ, что мы признаемъ нуж-

*) Изъ призывовъ Братства Русской Правды.

нымъ... А, когда будетъ не палуба парохода, а цѣлые острова Галапагосъ!?...»

Эти люди послѣ столькихъ лѣтъ эмигрантскаго отчаянія, слабости, упадка духа, первый разъ чувствовали себя сильными, твердыми, способными на дѣло спасенія Родины, стойкими для борьбы. Съ вѣрою и уваженіемъ они думали о томъ, кто все это среди эмигрантскаго хаоса, разсѣянія и безтолочи придумалъ, организовалъ, создалъ и устроилъ и кто скрылся подъ такимъ страннымъ именемъ:

— Кап и т а н ъ Н е м о .
